Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

На правах рукописи

ЛИ ЦЗЫМАНЬ

СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ШОС В ОБЛАСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Специальность: 5.5.4 Международные отношения, глобальные и региональные исследования

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель:

доктор политических наук, профессор

Нестерчук Ольга Алексеевна

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ..... 4

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ШОС В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ 31

1.1. Многостороннее сотрудничество в сфере безопасности и институциональная эффективность международных организаций 31

1.2. Расширение международных организаций, гетерогенность интересов и институциональная эффективность 37

1.3. Аналитическая рамка и методы исследования сотрудничества ШОС в сфере безопасности 49

ГЛАВА 2. СОТРУДНИЧЕСТВО ШОС В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ И СТРУКТУРА ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ..... 61

2.1. Основные направления и механизмы сотрудничества ШОС в сфере безопасности 61

2.2. Сравнительный анализ интересов государств-членов в сфере безопасности 74

2.3. Расширение ШОС и изменение структуры интересов государств-членов в сфере безопасности 89

ГЛАВА 3. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ШОС В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ РАСШИРЕНИЯ..... 101

3.1. Согласование интересов государств-членов в сфере безопасности в

условиях расширения..... 101

3.2. Сравнительный анализ институциональной эффективности сотрудничества в различных областях безопасности.....112

3.3. Институциональная адаптация, ограничения и перспективы сотрудничества в сфере безопасности 124

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 142

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 149

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

С момента создания Шанхайской организации сотрудничества взаимодействие в сфере безопасности остается одним из важнейших направлений сотрудничества государств-членов. В рамках ШОС сформировались правовые основы и механизмы сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. В повестку регионального сотрудничества в сфере безопасности также были включены афганская проблематика и международная информационная безопасность. Трансграничный характер современных угроз безопасности повышает значение многосторонней координации государств-членов.

После 2017 г. к ШОС присоединились Индия, Пакистан, Иран и Беларусь. В результате число государств-членов увеличилось с шести до десяти, а географический охват Организации расширился за счет государств Южной и Западной Азии, а также Беларуси. Расширение увеличило число участников сотрудничества и изменило структуру представленных в организации интересов в сфере безопасности, политических приоритетов и запросов к многостороннему взаимодействию. С увеличением числа государств-членов подготовка совместных документов и согласование форматов сотрудничества требуют участия большего числа государств, а действующие механизмы Организации должны обеспечивать включение новых членов в сложившуюся систему сотрудничества.

В ШОС действует принцип принятия решений на основе консенсуса. Данный принцип обеспечивает участие всех государств-членов в принятии общих решений

и позволяет осуществлять сотрудничество в сфере безопасности на основе позиций, приемлемых для всех участников. Вместе с тем различия государств-членов в восприятии угроз, политических приоритетах и подходах к сотрудничеству могут усложнять процесс согласования позиций. Влияние расширения на формирование согласованной политики и функционирование существующих механизмов зависит от соотношения интересов государств-членов по конкретным вопросам безопасности и от институциональной основы, сложившейся до расширения.

Степень разработанности темы исследования

Исследования, связанные с темой настоящей диссертации, можно разделить на несколько направлений: теоретические исследования международного сотрудничества и институциональной эффективности, российские исследования ШОС, китайские исследования ШОС, англоязычные работы, а также исследования ученых из других государств-членов организации.

Теории сотрудничества в международных организациях создают основу для анализа интересов государств-членов, расширения организации и институциональной эффективности. Р.О. Кеохейн исследовал роль международных режимов в развитии сотрудничества между государствами. К.А. Ойе, а также Р. Аксельрод и Р.О. Кеохейн анализировали условия сотрудничества государств в условиях анархии, уделяя внимание таким факторам, как интересы участников, перспективы дальнейшего взаимодействия и число участников. М. Калер рассматривал многостороннее сотрудничество при различном числе участников. Б. Кременос, Ч. Липсон и Д. Снайдал исследовали вопросы институционального дизайна и сотрудничества государств. Дж. Грей, Р.

Линдштедт и Дж. Б. Слапин непосредственно рассмотрели институциональные последствия расширения международных организаций[1].

Вопросам совместного принятия решений и согласования позиций посвящены работы Д.Дж. Блейк и О.Л. Пейтон, которые сравнили правила голосования в межправительственных международных организациях. Р.Х. Стейнберг исследовал институциональные особенности переговоров на основе консенсуса. М. Лундгрен, Т. Скватрито и Й. Талльберг рассмотрели стабильность и изменения в процессе формирования политики международных организаций. Эти исследования дают теоретическую основу для анализа согласования интересов государств-членов ШОС в условиях принятия решений на основе консенсуса[2].

В области институциональной эффективности международных организаций Т. Гутнер и А. Томпсон предложили подход к анализу деятельности международных организаций. Й. Талльберг, Т. Зоммерер, Т. Скватрито и М. Лундгрен уделили особое внимание политическим результатам деятельности международных организаций. Р. Лалл рассмотрел влияние факторов, выходящих за рамки формального институционального устройства, на результаты деятельности международных организаций. Т. Зоммерер и его соавторы также исследовали связь между институциональным дизайном и способностью

1 Keohane, R. O. (1982). The demand for international regimes. International Organization, 36(2), 338–339; Oye, K. A. (1985). Explaining cooperation under anarchy: Hypotheses and strategies. World Politics, 38(1), 1–24; Axelrod, R., & Keohane, R. O. (1985). Achieving cooperation under anarchy: Strategies and institutions. World Politics, 38(1), 226–254; Kahler, M. (1992). Multilateralism with small and large numbers. International Organization, 46(3), 681–708; Koremenos, B., Lipson, C., & Snidal, D. (2001). The rational design of international institutions. International Organization, 55(4), 761–799; Gray, J., Lindstädt, R., & Slapin, J. B. (2017). The dynamics of enlargement in international organizations. International Interactions, 43(4), 619–642.

2 Blake, D. J., & Payton, A. L. (2015). Balancing design objectives: Analyzing new data on voting rules in intergovernmental organizations. The Review of International Organizations, 10(3), 377–402; Steinberg, R. H. (2002). In the shadow of law or power? Consensus-based bargaining and outcomes in the GATT/WTO. International Organization, 56(2), 339–374; Lundgren, M., Squatrito, T., & Tallberg, J. (2018). Stability and change in international policy-making: A punctuated equilibrium approach. The Review of International Organizations, 13(4), 547–572.

международных организаций принимать решения. К. У. Эбботт и Д. Снайдал объяснили причины, по которым государства осуществляют сотрудничество через формальные международные организации[3]. Эти исследования охватывают разные типы международных организаций и дают теоретические инструменты для построения аналитической основы настоящей диссертации. Вместе с тем вопрос о сотрудничестве ШОС в сфере безопасности после расширения требует отдельного анализа.

Российские исследователи достаточно рано обратились к вопросам создания ШОС, ее институционального развития и роли в регионе. И.Н. Комиссина и А.А. Куртов исследовали процесс формирования ШОС и ранний этап ее развития. А.Ф. Клименко системно рассмотрел стратегию ШОС в области обороны и безопасности. В.И. Василенко, В.В. Василенко и А.Г. Потеенко изучили роль ШОС в региональной системе безопасности с политической и правовой точек зрения. Д.А. Борисов проанализировал эволюцию политики безопасности ШОС в 1996–2010 гг[4].

А.В. Лукин исследовал проблемы и перспективы развития ШОС. И.Е. Денисов и И.А. Сафранчук рассмотрели вопросы расширения организации и связанные с ним экспертные дискуссии, включая увеличение числа государств-

3 Gutner, T., & Thompson, A. (2010). The politics of IO performance: A framework. The Review of International Organizations, 5(3), 227–248; Tallberg, J., Sommerer, T., Squatrito, T., & Lundgren, M. (2016). The performance of international organizations: A policy output approach. Journal of European Public Policy, 23(7), 1077–1096; Lall, R. (2017). Beyond institutional design: Explaining the performance of international organizations. International Organization, 71(2), 245–280; Sommerer, T., Squatrito, T., Tallberg, J., & Lundgren, M. (2022). Decision-making in international organizations: Institutional design and performance. The Review of International Organizations, 17(4), 815–845; Abbott, K. W., & Snidal, D. (1998). Why states act through formal international organizations. Journal of Conflict Resolution, 42(1), 3–32.

4 Комиссина И.Н., Куртов А.А. Шанхайская организация сотрудничества: становление новой реальности / под ред. Е.М. Кожокина. – М.: Российский институт стратегических исследований, 2005. – 117, [1] с.; Клименко А.Ф. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества: проблема обороны и безопасности. – М.: ИДВ РАН, 2009. – 348 с.; Василенко В.И., Василенко В.В., Потеенко А.Г. Шанхайская организация сотрудничества в региональной системе безопасности (политико-правовой аспект): монография. – М.: Проспект, 2014. – 192 с.; Борисов Д.А. Эволюция политики безопасности Шанхайской организации сотрудничества: 1996–2010 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. – Томск, 2011. – 210 с.

членов, функции организации и согласование решений. О.Ю. Колегова анализировала расширение ШОС с точки зрения региональной интеграции. Д.В. Ефременко рассмотрел новые проблемы, с которыми организация столкнулась после первого расширения. Ш.М. Еникеев, А.В. Лукин и Д.П. Новиков исследовали развитие ШОС в новых геополитических условиях. О.С. Поршнева и С.Л. Разинков, в свою очередь, рассмотрели развитие деятельности организации с точки зрения ее институциональной эволюции[5].

В российской научной литературе также представлена группа исследований, посвященных политике государств-членов и отдельным направлениям сотрудничества в сфере безопасности. А.Г. Потеенко проанализировал особенности формирования национальной безопасности государств Центральной Азии и роль ШОС. Н.В. Серебрякова исследовала ШОС в контексте политической интеграции в Центральной Азии. Цю Сяофэнь рассмотрела взаимодействие Китая и России в рамках ШОС, а А.С. Голобоков — отношения Китая с ШОС. Фань Сюэсун исследовал действующие формы сотрудничества ШОС в противодействии нетрадиционным угрозам безопасности[6].

---

5 Лукин А.В. Проблемы и перспективы развития Шанхайской Организации Сотрудничества: мнения экспертов // Вестник МГИМО-Университета. – 2011. – № 2(17). – С. 82–88; Денисов И.Е., Сафранчук И.А. Четыре проблемы ШОС в свете вопроса о расширении организации // Вестник МГИМО-Университета. – 2016. – № 3(48). – С. 112–122; Денисов И.Е., Сафранчук И.А. Актуальные экспертные дискуссии по тематике ШОС // Вестник МГИМО-Университета. – 2016. – № 3(48). – С. 280–286; Колегова О.Ю. ШОС как инструмент региональной интеграции: проблемы расширения // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – № 1(28). – С. 249–253; Ефременко Д.В. Шанхайская организация сотрудничества после расширения: новые вызовы и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2019. – № 3. – С. 128–159.; Еникеев Ш.М., Лукин А.В., Новиков Д.П. Шанхайская организация сотрудничества в новых геополитических условиях // Вестник международных организаций. – 2024. – Т. 19, № 1. – С. 129–148; Поршнева О.С., Разинков С.Л. Институциональное становление и эволюция деятельности ШОС: опыт ретроспективного анализа // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 264–279.

6 Потеенко А.Г. Особенности становления национальной безопасности стран Центральной Азии и роль Шанхайской Организации Сотрудничества // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2011. – № 4. – С. 127–133; Серебрякова Н.В. Шанхайская организация сотрудничества: проблемы политической интеграции в Центральной Азии: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. – М., 2009. – 140 с.; Цю Сяофэнь. Взаимодействие Китайской Народной Республики и Российской Федерации в рамках Шанхайской организации сотрудничества: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. – М.,

По мере изменения состава организации и повестки в сфере безопасности российские ученые стали уделять больше внимания новым государствам-членам и отдельным направлениям сотрудничества. Дж. Карами рассмотрел значение Ирана для евразийского сотрудничества в рамках ШОС. И.Е. Федорова исследовала отношения Ирана и Афганистана после 2021 г. С.А. Себекин изучил роль ШОС и БРИКС в сфере международной информационной безопасности, а А.В. Щербань провел сравнительный анализ политики государств-членов ШОС в области информационной безопасности[7]. Эти исследования расширили представления о национальных интересах государств-членов в сфере безопасности и об отдельных направлениях сотрудничества. Однако большинство работ посвящено одному государству, отдельному периоду или конкретному вопросу безопасности.

В китайской научной литературе исследования ШОС охватывают вопросы характера организации, институционального развития, расширения и сотрудничества в сфере безопасности. Работы под редакцией Син Гуанчэна и Сунь Чжуанчжи содержат системный анализ раннего этапа развития ШОС. Пань Гуан и Ху Цзянь исследовали характер, функции и региональную модель сотрудничества ШОС. Чжао Хуашэн рассмотрел перспективы развития организации. Цзин Сяоюй

2017. – 173 с.; Голобоков А.С. КНР и Шанхайская организация сотрудничества: опыт, проблемы и перспективы взаимодействия: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02, 23.00.04. – Владивосток, 2012. – 196 с.; Фань С. Существующие механизмы Шанхайской организации сотрудничества и проблемы борьбы с нетрадиционными вызовами безопасности // Вестник международных организаций. – 2021. – Т. 16, № 1. – С. 107–126.

7 Карами Дж. Стратегическая роль Ирана для ШОС: укрепление евразийской интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2023. – Т. 23, № 3. – С. 547–561; Федорова И.Е. Ирано-афганские отношения после прихода талибов к власти в 2021 г. // Вестник Института востоковедения РАН. – 2024. – № 3. – С. 88–94; Себекин С.А. Роль Шанхайской организации сотрудничества и БРИКС в обеспечении международной информационной безопасности в условиях продолжающегося конфликта на Украине // Российско-китайские исследования. – 2022. – Т. 6, № 4. – С. 276–287; Щербань А.В. Политика обеспечения информационной безопасности в государствах – членах ШОС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2025. – Т. 19, № 1. – С. 159–170.

обобщил основные направления и результаты исследований ШОС в Китае[8].

Вопросам расширения ШОС посвящен ряд специальных исследований. Гао Ханьсюнь изучил восприятие выгод и стратегические соображения государств Центральной Азии в отношении расширения ШОС. Чэнь Сяодин и Ван Цуймэй проанализировали возможные направления углубления сотрудничества в сфере безопасности после расширения. Вэй Бин рассмотрел причины и институциональные условия расширения региональных институтов безопасности. Чжан Цзяолун исследовал отношения между международными организациями и международными нормами после расширения ШОС. Пэн Синь проанализировал связь между институциональными функциями ШОС и ее расширением[9].

Отдельные исследования посвящены новым государствам-членам. Го Маньжо рассмотрела причины вступления Ирана в ШОС, его влияние на организацию и связанные с этим вызовы. Дэн Чжоу и Сюэ Сяоюй исследовали

8 Син Гуанчэн, Сунь Чжуанчжи (ред.). Исследования Шанхайской организации сотрудничества [邢广程、孙壮志主编:《上海合作组织研究》]. – Чанчунь: Чанчуньское издательство, 2007. – 325 с.; Пань Гуан, Ху Цзянь. Первый региональный механизм сотрудничества XXI века: комплексное исследование ШОС [潘光、胡键:《21 世纪的第一个新型区域合作组织——对上海合作组织的综合研究》]. – Пекин: Издательство Центральной партийной школы, 2006. – 229 с.; Чжао Хуашэн. Несколько соображений о перспективах развития ШОС [赵华胜:《对上海合作组织发展前景的几点看法》] // Международные исследования [国际问题研究]. – 2006. – № 3. – С. 23–27; Цзин Сяоюй. Исследования ШОС в Китае: результаты, развитие и перспективы [景晓玉:《中国的上合组织研究:成果、进程与展望》] // Китайский институт международных исследований [中国国际问题研究院]. – 18.09.2021. – URL: https://www.ciis.org.cn/yjcg/xslw/202109/t20210918_8154.html (дата обращения: 03.03.2026).

9 Гао Ханьсюнь. Расширение ШОС с точки зрения государств Центральной Азии: восприятие выгод и стратегические соображения [高焓迅:《中亚国家视阈下的上海合作组织扩员:收益认知与战略考量》] // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии [俄罗斯东欧中亚研究]. – 2018. – № 5. – С. 116–135; Чэнь Сяодин, Ван Цуймэй. Выбор путей углубления сотрудничества в сфере безопасности после расширения ШОС [陈小鼎、王翠梅:《扩员后上合组织深化安全合作的路径选择》] // Мировая экономика и политика [世界经济与政治]. – 2019. – № 3. – С. 108–134; Вэй Бин. Механизм и движущие силы расширения региональных институтов безопасности [魏冰:《地区安全制度扩员的机制与动力》] // Современная Азия и Тихоокеанский регион [当代亚太]. – 2021. – № 4. – С. 67–96; Чжан Цзяолун. Вызовы после расширения ШОС и меры реагирования: с точки зрения отношений международных организаций и международных норм [张蛟龙:《扩员后上海合作组织的挑战与应对——基于国际组织与国际规范关系的视角》] // Региональное и глобальное развитие [区域与全球发展]. – 2021. – № 6. – С. 41–56; Пэн Синь. Многообразие институциональных функций и расширение ШОС [彭昕:《制度功能的多重性与上海合作组织扩员》] // Дипломатическое обозрение [外交评论]. – 2024. – Т. 41, № 2. – С. 131–154.

причины вступления Беларуси в ШОС, ее предпочтения в сотрудничестве и возможное влияние на организацию. В области сотрудничества в сфере безопасности Дэн Хао проанализировал его развитие и основные движущие факторы. Дэн Хао и Ли Тяньи исследовали развитие сотрудничества ШОС в сфере международной информационной безопасности, существующие проблемы и перспективные направления[10]. Китайские исследования содержат значительный материал по вопросам расширения, сотрудничества в сфере безопасности и политики новых государств-членов. Вместе с тем часть работ посвящена прежде всего общему развитию организации. Комплексное сравнение национальных интересов всех десяти государств-членов по единым показателям остается самостоятельным направлением исследования.

В англоязычной научной литературе ШОС рассматривается преимущественно в контексте безопасности Центральной Азии, регионализма, институционального развития и политики отдельных государств-членов. Р. Аллисон исследовал регионализм и управление безопасностью в Центральной Азии. Э. Дж. К. Бейлс, П. Дунай, Г. Пань и М. Троицкий совместно рассмотрели институциональные особенности и функции ШОС в сфере безопасности. С. Арис

10 Го Маньжо. Вступление Ирана в ШОС: движущие силы, влияние и вызовы [郭曼若:《伊朗加入上海合作组织:作用力、影响及挑战》] // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии [俄罗斯东欧中亚研究]. – 2023. – № 3. – С. 20–39; Дэн Чжоу, Сюэ Сяоюй. Причины вступления Беларуси в ШОС, предпочтения в сотрудничестве и влияние [邓辀、薛晓钰:《白俄罗斯加入上海合作组织的动因、合作偏好及影响》] // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии [俄罗斯东欧中亚研究]. – 2025. – № 2. – С. 45–68; Дэн Хао. Сотрудничество ШОС в сфере безопасности: развитие, движущие силы и перспективы [邓浩:《上海合作组织安全合作的进程、动力与前景》] // Китайский институт международных исследований [中国国际问题研究院]. – 24.09.2021. – URL: https://www.ciis.org.cn/yjcg/xslw/202109/t20210924_8172.html (дата обращения: 03.04.2026); Дэн Хао, Ли Тяньи. Сотрудничество ШОС в области информационной безопасности: прогресс, вызовы и перспективные направления [邓浩、李天毅:《上合组织信息安全合作:进展、挑战与未来路径》] // Китайский институт международных исследований [中国国际问题研究院]. – 24.09.2021. – URL: https://www.ciis.org.cn/yjcg/sspl/202109/t20210924_8175.html (дата обращения: 03.04.2026).

исследовал ШОС с позиций азиатского и евразийского регионализма. М. Лантень рассмотрел возможность развития организации в направлении сообщества безопасности. Р. Н. Макдермотт проанализировал практическое влияние ШОС на безопасность Центральной Азии[11].

Исследователи из других государств-членов также анализировали ШОС с учетом национальных подходов своих стран. Т. Дадабаев изучил представления государств Центральной Азии о региональной идентичности ШОС. Р. Алимов рассмотрел роль и место организации в развитии Евразии. Ш. Акмалов исследовал ШОС и вопросы региональной безопасности. Цз. Ван и Д. Кун проанализировали антитеррористическое сотрудничество Китая и государств Центральной Азии в рамках ШОС[12].

В исследованиях, посвященных государствам Южной Азии, С. Сингх и Б. Сингх рассмотрели геополитическое расширение ШОС. А. Саджанхар проанализировал отношения Индии с ШОС, а С. Рауф — возможности для сотрудничества Пакистана после его вступления в организацию. В исследованиях Ирана Ф. Атаи и С. Зангене рассмотрели изменение приоритетов ШОС с момента ее создания. А. М. Хаджи-Юсефи и Ш. Ширхани дополнительно исследовали

11 Allison, R. (2004). Regionalism, regional structures and security management in Central Asia. International Affairs, 80(3), 463–483; Bailes, A. J. K., Dunay, P., Pan, G., & Troitskiy, M. The Shanghai Cooperation Organization. SIPRI Policy Paper No. 17. Stockholm: SIPRI, 2007; Aris, S. (2009). A new model of Asian regionalism: Does the Shanghai Cooperation Organisation have more potential than ASEAN? Cambridge Review of International Affairs, 22(3), 451–467; Aris, S. Eurasian Regionalism: The Shanghai Cooperation Organisation. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. 215 p; Lanteigne, M. (2006). “In Medias Res”: The development of the Shanghai Co-operation Organization as a security community. Pacific Affairs, 79(4), 605–622; McDermott, R. N. (2012). The Shanghai Cooperation Organization’s impact on Central Asian security: A view from Kazakhstan. Problems of Post-Communism, 59(4), 56–65.

12 Dadabaev, T. (2014). Shanghai Cooperation Organization (SCO) regional identity formation from the perspective of the Central Asia states. Journal of Contemporary China, 23(85), 102–118; Alimov, R. (2018). The Shanghai Cooperation Organisation: Its role and place in the development of Eurasia. Journal of Eurasian Studies, 9(2), 114–124; Akmalov, Sh. (2005). The Shanghai Cooperation Organization and regional security problems. Central Asia and the Caucasus, 6(2), 127–132; Wang, J., & Kong, D. (2019). Counter-terrorism cooperation between China and Central Asian states in the Shanghai Cooperation Organization. China Quarterly of International Strategic Studies, 5(1), 65–79.

членство Ирана в ШОС и его последствия[13]. Эти работы дополняют российские и китайские исследования взглядами других государств-членов. Однако большинство из них по-прежнему сосредоточено на одном государстве или отдельных двусторонних отношениях.

Существующие исследования достаточно подробно раскрывают процесс формирования ШОС, характер организации, ее региональную роль, причины расширения и основные направления сотрудничества в сфере безопасности. Значительный объем научной литературы также посвящен Китаю, России, государствам Центральной Азии, Индии, Пакистану и Ирану. Вместе с тем исследования вступления Беларуси и сотрудничества в сфере безопасности в рамках ШОС после формирования состава из десяти государств-членов пока находятся на начальном этапе. В существующей литературе редко проводится сравнение позиций всех десяти государств-членов по различным вопросам безопасности на основе их официальных стратегических документов и единых показателей. Кроме того, недостаточно изучена связь между структурой интересов государств-членов, формированием согласованной политики, функционированием институтов и форм сотрудничества и практической реализацией сотрудничества.

Поэтому в настоящей диссертации в качестве основных материалов используются национальные стратегии и политические документы десяти

13 Singh, S., & Singh, B. (2021). Re-imagining the SCO's geopolitical expansion: Would it be a next SAARC? International Studies, 58(4), 491–512; Sajjanhar, A. (2022). India and Shanghai Cooperation Organization: A vital partnership. Indian Foreign Affairs Journal, 17(3/4), 190–204; Rauf, S. (2019). Shanghai Cooperation Organization (SCO): Opportunities for Pakistan. NUST Journal of International Peace & Stability, 2(1), 15–26; Atai, F., & Zangeneh, S. (2020). Evolution of priorities in Shanghai Cooperation Organization since its establishment up to 2019. Central Eurasia Studies, 13(1), 143–160; Haji-Yousefi, A. M., & Shirkhani, S. (2025). Iran and the Shanghai Cooperation Organization: Opportunities and challenges. Central Eurasia Studies, 18(1), 85–110.

государств-членов ШОС. На их основе сравниваются восприятие угроз, политические приоритеты, цели и подходы государств в области борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, по афганской проблематике и в сфере международной информационной безопасности, а также их подходы к многостороннему сотрудничеству. Далее в диссертации проводится сравнение согласованной политики, функционирования институтов и форм сотрудничества и практической реализации сотрудничества в этих трех областях до и после расширения. Это позволяет раскрыть взаимосвязь между расширением ШОС, интересами государств-членов в сфере безопасности и институциональной эффективностью.

Научная проблема исследования

В настоящем исследовании рассматриваются три области сотрудничества ШОС в сфере безопасности: борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, афганская проблематика и международная информационная безопасность. Все три области вошли в повестку организации до первого расширения в 2017 г., однако их институциональные основы различаются. В борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом действуют постоянные специализированные механизмы и регулярно проводятся совместные мероприятия. Сотрудничество по афганской проблематике основывается преимущественно на политической координации и деятельности Контактной группы ШОС – Афганистан, функционирование которой отличается меньшей устойчивостью. В сфере международной информационной безопасности сформированы межправительственная правовая база и экспертные механизмы координации, тогда как практическое взаимодействие имеет более

ограниченный характер. Выбор этих трех областей позволяет сравнить сотрудничество с различными институциональными основами и определить особенности его развития после расширения ШОС.

Научная проблема исследования заключается в определении того, каким образом расширение ШОС и различия национальных интересов государств-членов влияют на формирование согласованной политики, функционирование механизмов сотрудничества и практическую реализацию сотрудничества в различных областях безопасности.

Объект исследования

Объектом настоящего исследования является сотрудничество государств-членов ШОС в сфере безопасности.

Предмет исследования

Предметом настоящего исследования являются политические условия согласования национальных интересов государств-членов в сфере безопасности и институциональная эффективность их сотрудничества в условиях расширения ШОС.

Цель исследования

Цель исследования заключается в выявлении влияния совпадения и различий национальных интересов государств-членов в сфере безопасности в условиях расширения ШОС на формирование согласованной политики, функционирование механизмов сотрудничества и практическую реализацию сотрудничества, а также в определении условий и перспектив дальнейшего развития сотрудничества ШОС в сфере безопасности.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Определить теоретические основы анализа взаимосвязи национальных интересов государств-членов, расширения международной организации, правил принятия решений и институциональной эффективности сотрудничества.

2. Проанализировать формирование и развитие сотрудничества государств-членов ШОС в сфере безопасности, определить институциональные основы, основные механизмы и формы взаимодействия в трех рассматриваемых областях безопасности.

3. Сопоставить национальные интересы и политические позиции десяти государств-членов ШОС в трех рассматриваемых областях безопасности на основе национальных стратегических и программных документов.

4. Выявить изменения в структуре интересов государств-членов в сфере безопасности в ходе расширения ШОС в 2017–2024 гг. и их проявления в сотрудничестве организации до 2025 г. включительно.

5. Сравнить институциональную эффективность сотрудничества в трех рассматриваемых направлениях безопасности и определить влияние расширения ШОС и различий национальных интересов государств-членов на формирование согласованной политики, функционирование механизмов сотрудничества и практическую реализацию сотрудничества.

6. Проанализировать политические вызовы и институциональные ограничения сотрудничества ШОС в сфере безопасности, а также оценить условия его дальнейшего развития.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 2001 по 2025 г.

Гипотеза исследования заключается в том, что влияние расширения ШОС на институциональную эффективность сотрудничества в сфере безопасности зависит от степени совпадения интересов государств-членов по конкретным вопросам, возможностей согласования позиций в условиях принятия решений на основе консенсуса и институциональной основы, сформировавшейся в каждой области до расширения.

При сравнительно высокой степени совпадения интересов и наличии устойчивых механизмов сотрудничества включение новых государств-членов сопровождается большей институциональной преемственностью. При существенных различиях национальных интересов и менее развитых механизмах сотрудничества возникают дополнительные трудности в согласовании позиций и практической реализации совместных решений. Характер этих трудностей зависит от конкретной области безопасности.

Научная новизна настоящего исследования заключается в следующем:

1. Разработана теоретическая рамка анализа сотрудничества ШОС в сфере безопасности, в которой национальные интересы государств-членов, расширение организации, принцип консенсуса и институциональная эффективность рассматриваются в рамках единого исследовательского подхода. Интересы государств-членов в сфере безопасности определяются через восприятие угроз, политические приоритеты, цели и подходы к их реализации, а также потребности в многостороннем сотрудничестве. Институциональная эффективность оценивается по трем критериям: формирование согласованной политики,

функционирование механизмов сотрудничества и практическая реализация сотрудничества.

2．Проведен системный анализ формирования и развития сотрудничества ШОС в сфере безопасности и определены институциональные основы трех направлений: борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, афганской проблематики и международной информационной безопасности. Установлено, что до первого расширения во всех трех направлениях уже существовали формы многостороннего сотрудничества, при этом уровень развития договорно-правовой базы, специализированных механизмов и практического взаимодействия существенно различался.

3．На основе стратегий национальной безопасности, концепций национальной безопасности, внешнеполитических и специальных программных документов десяти государств-членов проведено сопоставление их национальных интересов и политических позиций в трех направлениях безопасности по единым показателям. Выявлены совпадения и различия в восприятии угроз, политических приоритетах, целях и подходах к их реализации, а также потребностях в многостороннем сотрудничестве.

4．Определены изменения в структуре интересов государств-членов в сфере безопасности в условиях расширения ШОС в 2017–2024 гг. После вступления Индии и Пакистана более заметно стали представлены интересы, связанные с безопасностью Южной Азии, после вступления Ирана — с безопасностью Западной Азии. Присоединение Беларуси расширило географический охват представленных в организации интересов. Характер изменений различается в

зависимости от конкретного направления безопасности.

5. На основе сравнения институциональных основ трех направлений безопасности до расширения и результатов сотрудничества после него выявлены условия, влияющие на институциональную эффективность. Установлено, что после расширения в трех рассматриваемых направлениях сохраняется возможность формирования согласованной политики, тогда как наиболее заметные различия проявляются в функционировании механизмов и практической реализации сотрудничества. Направления, в которых до расширения существовали устойчивые рабочие процедуры и регулярная практика взаимодействия, продемонстрировали более высокую институциональную преемственность при включении новых государств-членов.

6. Определены возможности и ограничения институциональной адаптации сотрудничества ШОС в составе десяти государств-членов. Установлено, что условия включения новых участников в существующие формы взаимодействия различаются в зависимости от институциональной основы конкретного направления безопасности. Принятые в 2025 г. институциональные решения расширяют организационную основу сотрудничества. Универсальный центр по противодействию вызовам и угрозам безопасности, включающий Центр информационной безопасности, создает дополнительные условия для специализированного взаимодействия, однако его фактическая эффективность требует дальнейшей оценки. В сотрудничестве по афганской проблематике сохраняются ограничения, связанные с этапным характером функционирования механизмов и практической реализации сотрудничества.

Основные положения, выносимые на защиту:

1．Сопоставление национальных интересов десяти государств-членов ШОС показывает, что степень их совпадения различается в зависимости от конкретной области безопасности. Общая принадлежность к организации не означает одинаковых политических приоритетов и готовности к сотрудничеству по всем вопросам. Вместе с тем различия в восприятии угроз и национальных приоритетах не исключают совпадения интересов по отдельным вопросам безопасности. Поэтому возможности согласования позиций в рамках ШОС зависят от структуры интересов государств-членов и содержания рассматриваемой проблемы.

2．До первого расширения ШОС в 2017 г. в трех рассматриваемых областях безопасности сформировались различные институциональные основы сотрудничества. Борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом опиралась на договорно-правовую базу, постоянно действующие механизмы и совместные мероприятия. Сотрудничество по афганской проблематике основывалось преимущественно на политической координации и деятельности Контактной группы, функционирование которой отличалось меньшей устойчивостью. В сфере международной информационной безопасности действовали межправительственные соглашения и экспертные механизмы. Эти различия определили неодинаковые условия институциональной преемственности после расширения организации.

3．Расширение ШОС в 2017–2024 гг. изменило структуру интересов государств-членов и увеличило число участников принятия совместных решений. В условиях принципа консенсуса результаты согласования зависят от содержания

конкретного вопроса безопасности и степени совпадения позиций государств. Непринятие совместного документа на совещании министров обороны в Циндао в июне 2025 г. свидетельствует о трудностях согласования по отдельному политически чувствительному вопросу, но не доказывает общего снижения эффективности организации. Принятие Тяньцзиньской декларации в сентябре 2025 г. подтверждает сохранение возможностей согласования позиций в расширенном составе ШОС.

4. В борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом сотрудничество ШОС характеризуется сравнительно высокой институциональной преемственностью. Совпадение интересов государств-членов позволяет сохранять согласованную политику и принимать совместные программные документы. Деятельность Региональной антитеррористической структуры обеспечивает устойчивость специализированных механизмов, а участие новых государств-членов в совместных мероприятиях подтверждает продолжение практического сотрудничества. Сформированная до расширения институциональная основа способствует включению новых участников и создает условия для дальнейшей адаптации сотрудничества.

5. В сотрудничестве ШОС по афганской проблематике после расширения сохраняется возможность согласования политических позиций государств-членов. Однако формирование согласованной политики не сопровождается сопоставимой устойчивостью механизмов и практического взаимодействия. Функционирование Контактной группы ШОС – Афганистан носит этапный характер, а практическое сотрудничество зависит от отдельных проектов и ситуации в Афганистане. Эти

особенности ограничивают институциональную преемственность и возможности адаптации сотрудничества по сравнению с противодействием терроризму, сепаратизму и экстремизму.

6. В сфере международной информационной безопасности ШОС сохраняет согласованную политику на основе межправительственных документов и экспертных механизмов. Включение новых государств-членов в работу Группы экспертов обеспечивает преемственность институциональной координации. Вместе с тем практическое взаимодействие, подтверждаемое открытыми источниками, сосредоточено преимущественно на противодействии кибертерроризму и не охватывает в равной степени все направления международной информационной безопасности. Институциональные решения 2025 г. создают дополнительные условия для развития сотрудничества, однако их фактическая эффективность требует дальнейшей оценки.

Теоретико-методологическая основа исследования

Основной теоретико-методологической основой настоящего исследования является институциональный подход. Исследования Р. О. Кеохейна о роли международных режимов в развитии сотрудничества между государствами, а также работы К. А. Ойе, Р. Аксельрода и Р. О. Кеохейна об условиях сотрудничества в условиях анархии дают теоретическую основу для объяснения того, почему государства-члены участвуют в многостороннем сотрудничестве в сфере безопасности и сохраняют его даже при наличии различий в национальных интересах. Исследования М. Калера о влиянии числа участников на многостороннее сотрудничество, а также анализ Д. Дж. Блейка и О. Л. Пейтон

правил принятия решений в межправительственных международных организациях используются для изучения влияния расширения ШОС и принципа консенсуса на согласование позиций государств-членов[14].

Работы Т. Гутнер и А. Томпсона, Й. Талльберга и его соавторов, а также Т. Зоммерера и его соавторов по проблемам деятельности международных организаций и их политических результатов используются как теоретическая основа для анализа институциональной эффективности ШОС. При этом вопросы безопасности зависят также от региональной ситуации, внутренней политики государств и других внешних факторов. Поэтому в настоящем исследовании основное внимание уделяется тем политическим решениям и формам сотрудничества, которые могут быть непосредственно сформированы в рамках организации. Институциональная эффективность оценивается по трем критериям: формирование согласованной политики, функционирование механизмов сотрудничества и практическая реализация сотрудничества. Исследование Р. Лалла о соотношении формального институционального устройства и реального функционирования международных организаций дополняет данный подход[15].

Указанная теоретическая основа позволяет проследить, каким образом интересы государств-членов в сфере безопасности через процесс согласования

14 Keohane, R. O. (1982). The demand for international regimes. International Organization, 36(2), 338–339; Oye, K. A. (1985). Explaining cooperation under anarchy: Hypotheses and strategies. World Politics, 38(1), 18–19; Axelrod, R., & Keohane, R. O. (1985). Achieving cooperation under anarchy: Strategies and institutions. World Politics, 38(1), 229–230, 238; Kahler, M. (1992). Multilateralism with small and large numbers. International Organization, 46(3), 683–685, 694–706; Blake, D. J., & Payton, A. L. (2015). Balancing design objectives: Analyzing new data on voting rules in intergovernmental organizations. The Review of International Organizations, 10(3), 383, 390.

15 Gutner, T., & Thompson, A. (2010). The politics of IO performance: A framework. The Review of International Organizations, 5(3), 231–236; Tallberg, J., Sommerer, T., Squatrito, T., & Lundgren, M. (2016). The performance of international organizations: A policy output approach. Journal of European Public Policy, 23(7), 1079–1080; Sommerer, T., Squatrito, T., Tallberg, J., & Lundgren, M. (2022). Decision-making in international organizations: Institutional design and performance. The Review of International Organizations, 17(4), 816–817; Lall, R. (2017). Beyond institutional design: Explaining the performance of international organizations. International Organization, 71(2), 248, 251–253.

преобразуются в согласованную политику ШОС, а также каким образом после ее формирования совместные решения реализуются через специализированные механизмы и компетентные органы государств-членов.

Методы исследования

В диссертации используются сравнительный, институциональный, исторический методы и метод качественного контент-анализа.

- Сравнительный метод применяется для сопоставления политических позиций десяти государств-членов в сфере борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, по афганской проблематике и в сфере международной информационной безопасности. Для всех государств-членов используются одинаковые вопросы анализа: восприятие угроз, политические приоритеты, цели и подходы к их реализации, а также потребности в многостороннем сотрудничестве. На уровне ШОС данный метод также применяется для сравнения трех направлений безопасности по формированию согласованной политики, функционированию механизмов сотрудничества и практической реализации сотрудничества.

- Институциональный метод используется для анализа принципа консенсуса ШОС, постоянных органов, экспертных групп, контактных групп, встреч руководителей профильных ведомств и механизмов совместных действий. Это позволяет определить роль данных институциональных форм в согласовании интересов государств-членов и реализации согласованной политики.

- Исторический метод применяется для анализа развития сотрудничества ШОС в сфере безопасности в 2001–2025 гг. Особое внимание уделяется изменениям состава организации в процессе расширения 2017–2024 гг. и их

институциональным последствиям.

- Метод качественного контент-анализа используется при изучении стратегий национальной безопасности, концепций национальной безопасности, внешнеполитических документов, законодательства в сфере безопасности и специальных программных документов государств-членов. Кроме того, анализируются конвенции, заявления, декларации, стратегии, программы сотрудничества и материалы органов ШОС. Анализ содержания документов проводится в соответствии с исследовательскими вопросами. Частота употребления отдельных понятий используется только как вспомогательная характеристика и дополняется содержательной интерпретацией документов[16].

Эмпирическую базу настоящего исследования составляют национальные документы государств-членов, документы ШОС и материалы о деятельности ее органов.

К материалам государств-членов относятся опубликованные десятью государствами стратегии национальной безопасности, концепции национальной безопасности, внешнеполитические концепции, законодательные акты в сфере безопасности, документы по антитеррористической политике, политике в отношении Афганистана, стратегии информационной безопасности и официальные заявления государственных органов. В исследовании используются преимущественно русскоязычные, китайскоязычные и англоязычные версии этих

16 George, A. L., & Bennett, A. Case Studies and Theory Development in the Social Sciences. Cambridge, MA: MIT Press, 2005, pp. 67–72; Боришполец К.П. Методы политических исследований: учебное пособие для студентов вузов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 229. с.; King, G., Keohane, R. O., & Verba, S. Designing Social Inquiry: Scientific Inference in Qualitative Research. Princeton: Princeton University Press, 2021, pp. 4–8, 23.

документов. Они служат основным источником для определения политических позиций государств-членов по конкретным вопросам безопасности.

К документам ШОС относятся Хартия ШОС, Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, соглашения о Региональной антитеррористической структуре, межправительственное соглашение о сотрудничестве в сфере международной информационной безопасности, декларации Совета глав государств-членов, стратегии развития, программы сотрудничества, планы действий, а также документы встреч министров обороны, министров иностранных дел и секретарей советов безопасности. Эти материалы используются для анализа согласованной политики, сформированной в результате согласования позиций государств-членов.

В диссертации также используются материалы о деятельности Секретариата ШОС, Региональной антитеррористической структуры, Группы экспертов по международной информационной безопасности и Контактной группы ШОС – Афганистан. Они позволяют анализировать практическое функционирование соответствующих механизмов и участие государств-членов. Научная литература используется для раскрытия теоретического контекста и объяснения государственной политики. Материалы средств массовой информации применяются только для проверки отдельных событий и не используются как основной источник для оценки политических позиций государств-членов и институциональной эффективности ШОС.

Теоретическая значимость исследования заключается в дальнейшем уточнении взаимосвязи между национальными интересами, расширением

международной организации, правилами принятия решений и институциональной эффективностью. В диссертации интересы государств-членов рассматриваются применительно к конкретным вопросам безопасности. При этом проводится различие между разногласиями государств-членов по отдельным вопросам международной политики и их интересами в конкретных областях сотрудничества в сфере безопасности. Такой подход позволяет оценивать результаты многостороннего сотрудничества с учетом конкретных интересов государств-членов, правил согласования позиций и институциональных условий отдельных направлений безопасности.

В исследовании также разграничиваются формирование согласованной политики, функционирование механизмов сотрудничества и практическая реализация сотрудничества. Принятие совместного документа отражает формирование согласованной политики, тогда как устойчивость механизмов и наличие практического взаимодействия характеризуют последующие уровни институционального функционирования. Данный подход может использоваться при исследовании региональных организаций, основанных на межправительственном сотрудничестве и принципе консенсуса.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов для оценки сотрудничества ШОС в сфере безопасности после расширения. Результаты исследования также могут служить справочным материалом для государственных органов и исследовательских центров государств-членов при анализе согласования политики, функционирования специализированных механизмов и практического

сотрудничества в рамках организации.

Сравнительный анализ национальных интересов десяти государств-членов в сфере безопасности может использоваться для выявления общих потребностей и различий в политике государств в сфере борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, по афганской проблематике и в сфере международной информационной безопасности. Сравнение институциональной эффективности в трех направлениях может использоваться при анализе работы РАТС ШОС, механизмов сотрудничества в сфере международной информационной безопасности, Контактной группы ШОС – Афганистан и новых институциональных форм в сфере безопасности.

Материалы и выводы диссертации также могут использоваться в учебной и исследовательской работе по международным отношениям, региональным исследованиям, международным организациям и региональной безопасности.

Соответствие пунктам паспорта научной специальности.

Работа соответствует паспорту научной специальности 5.5.4 «Международные отношения, глобальные и региональные исследования» по следующим направлениям исследования: п. 1, п. 2, п. 4, п. 7, п. 10, п. 11, п. 17.

Апробация результатов диссертационного исследования.

Отдельные положения и результаты исследований, связанных с проблематикой ШОС, были представлены на следующих научных конференциях:

1. Всероссийская научно-практическая конференция «Возможности и угрозы цифрового общества» (20–21.04.2023), доклад «Сотрудничество ШОС в области информационной безопасности: прогресс, вызовы и перспективы»;

2. Международная научная конференция «Scientific research of the SCO countries: synergy and integration» («Научные исследования стран ШОС: синергия и интеграция») (13–14.10.2023), доклад «Analysis of non-traditional security cooperation issues among Central Asian member states of the Shanghai Cooperation Organization»;
3. Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2024» (12–16.04.2024), доклад «Исследование нетрадиционных проблем безопасности на примере центральноазиатских государств – членов ШОС»;
4. X Всероссийский конгресс политологов с международным участием (05.12.2024), доклад «Эпохальное значение Астанинской конференции и новые разработки»;
5. III Всероссийская научно-практическая молодежная конференция «Духовно-нравственные ценности российской молодежи: история и современность» (06.12.2024), доклад «Сотрудничество ШОС в области высшего образования как платформа для молодежных обменов и обучения»;
6. II Международная научно-практическая конференция «Наука, общество, инновации: актуальные вопросы современных исследований» (15.04.2025), доклад «Роль ШОС в глобальном стратегическом ландшафте»;
7. Всероссийская научная конференция «Россия в XXI веке: глобальные вызовы, приоритеты и перспективы развития» (25.04.2025), доклад «Внешние вызовы и перспективы регионального экономического сотрудничества ШОС».

По теме диссертационного исследования опубликовано 9 научных работ,

отражающих его содержание и основные результаты, в том числе 4 статьи в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК, и 5 публикаций, индексируемых в РИНЦ.

Структура диссертационного исследования включает введение, три главы, девять параграфов, заключение, список источников и литературы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ШОС В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ

1.1. Многостороннее сотрудничество в сфере безопасности и институциональная эффективность международных организаций

Международное сотрудничество в сфере безопасности основывается на взаимодействии суверенных государств. Государства участвуют в многосторонних механизмах безопасности, определяют политические цели исходя из собственных интересов в сфере безопасности и сохраняют право принимать решения по ключевым вопросам национальной безопасности. При этом между государствами-членами могут длительное время сохраняться различия в восприятии угроз, стратегических приоритетах и политическом выборе. Поэтому соотношение национальных интересов и институционализированного сотрудничества является одним из основных теоретических вопросов исследования региональной безопасности: почему государства участвуют в институционализированном многостороннем сотрудничестве в сфере безопасности и продолжают его поддерживать при наличии различий в национальных интересах?

Национальные интересы являются важной теоретической отправной точкой для анализа участия государств в международном сотрудничестве в сфере безопасности. Г. Моргентау в рамках классического реализма отводил важное место силе и национальному интересу в анализе международной политики и подчеркивал, что государства определяют внешнюю политику исходя из

собственных интересов [17] . Следовательно, участие государств-членов в многостороннем сотрудничестве в сфере безопасности также имеет собственную национальную основу.

Государства, участвующие в сотрудничестве, имеют собственные интересы и определяют внешнюю политику в соответствии с потребностями национальной безопасности. После создания международной организации существующие различия интересов между государствами-членами не исчезают. Поэтому необходимо дополнительно объяснить, почему государства, продолжая стремиться к реализации собственных интересов, выбирают создание и поддержание институционализированного сотрудничества.

Р. О. Кеохейн исследовал формирование международных институтов с точки зрения выбора рациональных акторов. В работе *The Demand for International Regimes* он отмечал, что международные режимы способствуют заключению соглашений между государствами, в том числе за счет предоставления информации и снижения трансакционных издержек[18]. Таким образом, международные режимы могут создавать условия для достижения соглашений между государствами. В многостороннем сотрудничестве в сфере безопасности институционализированный обмен информацией, политическая коммуникация и процедуры консультаций создают условия для постоянного согласования позиций государств-членов.

Мотивация государств к сотрудничеству также зависит от конкретного

17 Morgenthau, H. J. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. 2nd ed. New York: Alfred A. Knopf, 1954. P. 4–5.
18 Keohane, R. O. (1982). The demand for international regimes. International Organization, 36(2), 338–339.

соотношения интересов и условий взаимодействия. К. А. Ойе рассматривал структуру интересов, перспективы будущего взаимодействия и число участников как важные условия сотрудничества в условиях анархии. Его анализ показывает, что возможности сотрудничества между государствами зависят от конкретной среды взаимодействия[19].

Р. Аксельрод и Р. О. Кеохейн далее анализировали условия сотрудничества через такие факторы, как взаимность интересов (mutuality of interest), ожидание будущего взаимодействия (shadow of the future) и число участников (number of players) [20] . Эти исследования показывают, что сотрудничество между государствами имеет условный характер. Наличие общих интересов может создавать основу для сотрудничества, а характер взаимодействия между государствами влияет на то, смогут ли эти интересы привести к устойчивому сотрудничеству.

Взаимность интересов имеет особое значение для объяснения многостороннего сотрудничества в сфере безопасности. Национальные интересы в сфере безопасности охватывают различные направления, поэтому различия между государствами по вопросам международной политики не всегда означают расхождение их интересов в конкретных областях безопасности. Государства-члены могут иметь разногласия по отдельным международным вопросам и одновременно сохранять общие интересы в других областях безопасности. Совпадение интересов по конкретным вопросам создает преимущества от

19 Oye, K. A. (1985). Explaining cooperation under anarchy: Hypotheses and strategies. World Politics, 38(1), 1–3.
20 Axelrod, R., & Keohane, R. O. (1985). Achieving cooperation under anarchy: Strategies and institutions. World Politics, 38(1), 227.

сотрудничества и является важным фактором участия государств в многостороннем сотрудничестве в сфере безопасности.

Фу Сяоцян и Хань Лицюнь отмечают, что нетрадиционные угрозы безопасности, как правило, имеют транснациональный характер, а их источники и участники отличаются многообразием. Такие проблемы могут затрагивать несколько государств, поэтому международному сообществу необходимо реагировать на них посредством совместных действий и координации[21]. Авторы также рассматривают терроризм, угрозы в киберпространстве, а также угрозы ресурсной и энергетической безопасности. Они отмечают, что эти угрозы связаны с деятельностью государственных и негосударственных акторов. В этих условиях сотрудничество и координация имеют важное значение[22].

Важное место в сотрудничестве ШОС в сфере безопасности занимает противодействие нетрадиционным угрозам безопасности. Фань Сюэсун отмечает, что терроризм, экстремизм и сепаратизм относятся к числу важных вызовов безопасности в Евразийском регионе, и государства-члены ШОС постепенно сформировали в этих направлениях правовую базу, организационные структуры и механизмы совместных действий[23]. Шанхайская конвенция и последующие документы создали правовую основу для обмена информацией и сотрудничества между государствами-членами. Постоянные органы, включая Региональную антитеррористическую структуру, выполняют координационные функции.

21 Фу Сяоцян, Хань Лицюнь. Исследование тенденций влияния нетрадиционных угроз на национальную безопасность[傅小强，韩立群. 非传统安全对国家安全的影响趋势研究]//Исследования в области национальной безопасности[国家安全研究]. 2022. № 2. С. 89.

22 Там же. С. 89.

23 Фань С. Существующие механизмы Шанхайской организации сотрудничества и проблемы борьбы с нетрадиционными вызовами безопасности // Вестник международных организаций. –2021. Т. 16. № 1. С. 108–109.

Таким образом, трансграничные проблемы безопасности создают практическую потребность в сотрудничестве между государствами-членами. Вместе с тем государства могут по-разному оценивать значение конкретных угроз и ставить различные политические цели. Наличие общей угрозы не приводит автоматически к формированию одинаковой политики безопасности. Фактические результаты сотрудничества зависят от степени совпадения интересов государств-членов в конкретной области, а также от обмена информацией, политической координации и совместной реализации решений в рамках организации.

Ожидание будущего взаимодействия помогает объяснить устойчивость сотрудничества. В международных организациях государства взаимодействуют через регулярные встречи, постоянные консультации и совместные механизмы. Повторяющееся взаимодействие может повышать вероятность дальнейшего сотрудничества. Исследование Р. Аксельрод и Р. О. Кеохейн показывает, что если участники придают значение будущему взаимодействию, вероятность сохранения сотрудничества возрастает, а институциональная среда может влиять на условия их взаимодействия и переговоров[24].

Данный подход применим и к анализу сотрудничества государств-членов ШОС в сфере безопасности. Государства-члены различаются по уровню национальной мощи, геополитическим условиям, восприятию угроз безопасности и стратегическим приоритетам. В то же время они имеют различную степень общности интересов в борьбе с терроризмом, экстремизмом, транснациональной

24 Axelrod, R., & Keohane, R. O. (1985). Achieving cooperation under anarchy: Strategies and institutions. World Politics, 38(1), 238.

преступностью и в других направлениях. Общие интересы, возникающие в конкретных областях безопасности, создают политическую основу сотрудничества, а ШОС обеспечивает организационные условия для обмена информацией, согласования позиций и постоянного взаимодействия.

Национальные интересы в сфере безопасности охватывают широкий круг вопросов, поэтому соотношение интересов государств-членов может различаться в зависимости от конкретной области безопасности. Различия в общих стратегиях государств-членов не позволяют напрямую судить о соотношении их интересов по каждому конкретному вопросу. Поэтому в настоящем исследовании национальные интересы рассматриваются применительно к конкретным вопросам безопасности. Анализ направлен на выявление совпадений и различий в восприятии угроз, политических приоритетах и потребностях в сотрудничестве.

Проведенный теоретический анализ показывает, что общие интересы по конкретным вопросам безопасности составляют важную политическую основу многостороннего сотрудничества в сфере безопасности, а институционализированный обмен информацией, политическая координация и постоянное взаимодействие создают организационные условия для его развития.

Наличие общих интересов и готовность государств участвовать в многостороннем сотрудничестве создают политическую основу для его формирования и продолжения. Институциональная эффективность проявляется на следующем уровне — в способности государств-членов формировать согласованную политику, поддерживать функционирование созданных механизмов и преобразовывать согласованные решения в конкретные формы

практического взаимодействия. Поэтому в настоящем исследовании условия формирования сотрудничества и результаты его институционального функционирования рассматриваются как взаимосвязанные, но аналитически различающиеся вопросы.

Расширение ШОС изменило число и состав государств-членов, а также включило в существующую систему новые интересы и запросы в сфере безопасности. В связи с этим необходимо далее рассмотреть взаимосвязь между масштабом членства, структурой интересов и существующими институциональными условиями после расширения.

1.2. Расширение международных организаций, гетерогенность интересов и институциональная эффективность

Число государств-членов международной организации может изменяться по мере расширения сфер сотрудничества и изменения международной обстановки. Вступление новых государств меняет как число участников, так и состав организации. В многостороннем сотрудничестве увеличение числа участников означает, что большее количество государств включается в процессы обмена информацией и принятия совместных решений. Вступление новых членов может также изменить существующее соотношение интересов внутри организации.

С момента создания ШОС прошла три этапа расширения. После вступления Индии, Пакистана, Ирана и Беларуси географическое пространство организации

расширилось, а региональные условия безопасности и интересы государств-членов стали более разнообразными. Поэтому влияние расширения на сотрудничество в сфере безопасности необходимо рассматривать с учетом числа участников, структуры их интересов и институциональных правил организации.

Число участников является одним из важных условий многостороннего сотрудничества. К.А. Ойе при анализе сотрудничества в условиях анархии рассматривал число участников во взаимосвязи со структурой интересов и ожиданием будущего взаимодействия. Таким образом, число участников выступает одним из факторов, влияющих на условия сотрудничества[25]. В процессе формирования согласованной политики необходимо учитывать интересы разных государств и находить приемлемые для них решения. Для международной организации увеличение числа членов может усложнять обработку информации и согласование политических позиций. После расширения ШОС в подготовке совместных документов, программ сотрудничества и планов действий участвует большее число государств, что расширяет и круг согласования внутри организации.

Однако увеличение числа государств-членов не означает неизбежного ухудшения условий сотрудничества. Исследование М. Калера о многостороннем сотрудничестве при малом и большом числе участников показывает, что увеличение числа государств может повышать издержки координации. Одновременно расширение состава увеличивает масштаб многостороннего сотрудничества и повышает требования к согласованию позиций[26]. Это имеет

25 Oye, K. A. (1985). Explaining cooperation under anarchy: Hypotheses and strategies. World politics, 38(1), 18-19.
26 Kahler, M. (1992). Multilateralism with small and large numbers. International organization, 46(3), 683–685, 694–706.

особое значение для сотрудничества в сфере безопасности, охватывающего несколько регионов.

Такие проблемы региональной безопасности, как терроризм, экстремизм, транснациональная преступность и незаконный оборот наркотиков, требуют обмена информацией и координации политики между несколькими государствами.

Институциональные последствия расширения зависят также от характеристик новых государств-членов. Дж. Грей, Р. Линдштедт и Дж. Б. Слапин в исследовании расширения международных организаций отмечают, что вступление новых членов может изменить отношения в процессе принятия решений внутри организации. Конкретные последствия зависят от различий между новыми и прежними государствами-членами. Поэтому необходимо учитывать как число участников, так и состав организации[27].

Число государств-членов и различия между ними следует рассматривать отдельно. В первом случае речь идет о количестве участников процесса принятия совместных решений. Во втором случае речь идет об интересах и предпочтениях государств по конкретным вопросам политики. Само по себе увеличение числа государств-членов не позволяет сделать вывод об изменении отношений между их интересами.

В настоящем исследовании изменение числа участников и гетерогенность интересов рассматриваются как разные аналитические характеристики расширения. Число государств-членов отражает масштаб участия в процессе выработки

27 Gray, J., Lindstädt, R., & Slapin, J. B. (2017). The dynamics of enlargement in international organizations. International Interactions, 43(4), 619.

совместных решений. Гетерогенность интересов относится к различиям между государствами по восприятию угроз, политическим приоритетам, целям и потребностям в сотрудничестве по конкретным вопросам безопасности. Поэтому влияние увеличения числа участников на структуру интересов следует оценивать с учетом конкретных различий в восприятии угроз, политических приоритетах, целях и потребностях государств-членов в сотрудничестве.

Для анализа ШОС это различие имеет особое значение. После расширения государства-члены заметно различаются по своему потенциалу, географическому положению и условиям безопасности. Однако такие различия нельзя непосредственно отождествлять с расхождениями интересов в сфере безопасности. В сфере борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, по афганской проблематике и в сфере международной информационной безопасности интересы, восприятие угроз, политические приоритеты и потребности в сотрудничестве государств-членов в разной степени совпадают или различаются. Поэтому вопрос о том, изменило ли расширение структуру интересов в сфере безопасности внутри ШОС, необходимо рассматривать применительно к конкретным вопросам безопасности. Стратегические документы государств-членов, официальные программные документы и совместные документы, принятые в рамках ШОС, составляют основную эмпирическую базу для анализа этих отношений.

Отношения между интересами государств-членов влияют на условия формирования согласованной политики. Р. Аксельрод и Р.О. Кеохейн рассматривают характер интересов участников как один из важных факторов

международного сотрудничества [28] . В международной организации, когда политические цели государств-членов по определенному вопросу близки, пространство для выбора согласованной политики является относительно широким. Если цели и приоритеты государств различаются, выработка общего решения требует более длительного согласования. Поэтому гетерогенность интересов государств-членов является важным фактором для понимания процесса политической координации в международных организациях.

М. Лундгрен, Т. Скватрито и Й. Талльберг при анализе институционального трения в процессе формирования политики международных организаций учитывают такие факторы, как число государств-членов, гетерогенность предпочтений и правила принятия решений. Понятие «институциональное трение» (*institutional friction*) используется ими для обозначения институциональных ограничений, возникающих в процессе преобразования политических требований в политические результаты[29].

Используемое в работах М. Лундгрена, Т. Скватрито и Й. Талльберга понятие гетерогенности предпочтений относится к различиям политических предпочтений участников в процессе формирования политики международной организации. В настоящей диссертации используется более широкое понятие гетерогенности интересов. Оно определяется на уровне государств-членов через различия в восприятии угроз, политических приоритетах, целях и потребностях в

28 Axelrod, R., & Keohane, R. O. (1985). Achieving cooperation under anarchy: Strategies and institutions. World politics, 38(1), 226-229.

29 Lundgren, M., Squatrito, T., & Tallberg, J. (2018). Stability and change in international policy-making: A punctuated equilibrium approach. The Review of International Organizations, 13(4), 551,553-554.

многостороннем сотрудничестве. Когда такие различия приобретают значение для подготовки конкретного совместного решения ШОС, они могут проявляться уже как различия политических позиций и предпочтений в процессе согласования.

Число участников совместного принятия решений связано с масштабом членства, гетерогенность предпочтений отражает различия политических позиций государств-членов, а правила принятия решений определяют степень согласия, необходимую для принятия общего решения. Авторы рассматривают эти три фактора отдельно и указывают, что они могут совместно влиять на формирование политики международной организации.

Т. Зоммерер и его соавторы, используя данные по 30 международным организациям, включили различия интересов государств-членов в эмпирическую модель оценки результативности принятия решений в качестве контрольной переменной. Результаты исследования показывают, что влияние различий интересов на результативность принятия решений зависит от конкретной институциональной модели[30]. Для ШОС это означает необходимость учитывать конкретное институциональное устройство организации.

Для ШОС принцип консенсуса является важным институциональным условием, связывающим структуру интересов государств-членов с процессом принятия общих решений. ШОС имеет выраженный межправительственный характер, а государства-члены сохраняют значительную самостоятельность в вопросах безопасности. Важные решения принимаются на основе консенсуса.

30 Sommerer, T., Squatrito, T., Tallberg, J., & Lundgren, M. (2022). Decision-making in international organizations: institutional design and performance. The Review of International Organizations, 17(4), 831-834.

После расширения число участников согласования увеличилось, однако основной принцип принятия решений сохранился. Поэтому необходимо далее рассмотреть, каким образом структура интересов государств-членов после расширения влияет на процесс формирования согласованной политики в условиях консенсуса.

Д.Дж. Блейк и О.Л. Пейтон в исследовании правил голосования в 266 межправительственных международных организациях показывают, что разные правила принятия решений связаны с различными целями, включая контроль государств-членов над решениями, выполнение принятых обязательств, способность организации реагировать на изменения и эффективное участие членов [31] . Правило единогласия позволяет государствам-членам блокировать неприемлемые для них решения и тем самым обеспечивает им высокий уровень контроля над процессом принятия решений. Сравнительный анализ Блейка и Пейтон также показывает наличие связи между сферой деятельности организации и выбором правил голосования. Межправительственные организации в сфере безопасности чаще используют правило единогласия, поскольку вопросы безопасности обычно затрагивают ключевые национальные интересы, а государства стремятся сохранять контроль над общими решениями[32]. Это дает сравнительную основу для понимания того, почему межправительственные организации в сфере безопасности сохраняют строгие условия принятия общих решений.

31 Blake, D. J., & Payton, A. L. (2015). Balancing design objectives: Analyzing new data on voting rules in intergovernmental organizations. The Review of International Organizations, 10(3), 377.
32 Blake, D. J., & Payton, A. L. (2015). Balancing design objectives: Analyzing new data on voting rules in intergovernmental organizations. The Review of International Organizations, 10(3), 390.

Вместе с тем правило единогласия повышает требования к согласованию согласованной политики. При наличии заметных различий между позициями государств-членов необходимо посредством переговоров искать решение, приемлемое для всех сторон. Блейк и Пейтон отмечают, что единогласие усиливает контроль государств-членов над политикой организации и способствует принятию и выполнению уже согласованных решений. В то же время поиск решения, приемлемого для всех участников, может снижать способность организации быстро реагировать на изменения и приводить к менее глубокой форме сотрудничества[33]

Р.Х. Стейнберг в исследовании переговоров на основе консенсуса в ГАТТ и ВТО показывает, что консенсусные процедуры выполняют важную координационную функцию. Государства-члены выражают поддержку, оговорки или несогласие через выдвижение предложений и в процессе переговоров обозначают собственные интересы и пределы приемлемых решений. Это создает информационную основу для поиска варианта, приемлемого для всех сторон[34]. Вместе с тем формальное равенство участия не устраняет различия между государствами по уровню влияния, ресурсам и возможностям воздействовать на повестку. Исследование Стейнберга показывает, что консенсусные процедуры и реальные отношения силы могут существовать одновременно и совместно влиять на итоговые политические решения.

33 Blake, D. J., & Payton, A. L. (2015). Balancing design objectives: Analyzing new data on voting rules in intergovernmental organizations. The Review of International Organizations, 10(3), 383.
34 Steinberg, R. H. (2002). In the shadow of law or power? Consensus-based bargaining and outcomes in the GATT/WTO. International Organization, 56(2), 361-364.

Государства-члены ШОС сохраняют значительную самостоятельность в вопросах, связанных с национальной безопасностью, суверенитетом и внутренней политической стабильностью. Принцип консенсуса создает институциональные условия для участия всех государств в совместном сотрудничестве в сфере безопасности. Если в определенной области интересы государств в значительной степени совпадают, пространство для формирования согласованной политики становится шире, а сотрудничество легче приобретает устойчивый институциональный характер. Если же между государствами существуют значительные различия в восприятии угроз, политических приоритетах или подходах к сотрудничеству, достижение общей позиции требует более сложного согласования. Поскольку соотношение интересов государств различается по отдельным направлениям безопасности, практическая роль принципа консенсуса также может быть неодинаковой в сфере борьбы с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков, по афганской проблематике и в области информационной безопасности. Эти различия требуют дальнейшего анализа.

Влияние расширения, структуры интересов государств-членов и консенсусного принятия решений в конечном счете проявляется в институциональной эффективности международной организации. Т. Гутнер и А. Томпсон отмечают, что производительность международной организации включает как процесс достижения поставленных целей, так и полученные результаты. Оценка деятельности международной организации должна учитывать ее функции, задачи и политическую среду [35] . Международные организации

35 Gutner, T., & Thompson, A. (2010). The politics of IO performance: A framework. The review of international

действуют в условиях, на которые одновременно влияют внутренняя политика государств-членов, внешняя среда и другие акторы. Поэтому по общим результатам сложно точно определить вклад самой международной организации. Как положительные, так и отрицательные результаты нельзя полностью объяснять только ее деятельностью.

Для сотрудничества в сфере безопасности эта проблема особенно важна. Изменения террористической активности, ситуация в Афганистане, незаконный оборот наркотиков и риски в сфере информационной безопасности зависят от множества внутренних и внешних факторов. Само наличие проблем безопасности не означает, что ШОС не обладает институциональной эффективностью в соответствующей области. Поэтому при анализе институциональной эффективности ШОС необходимо прежде всего учитывать политику и практику сотрудничества, формируемые в рамках самой организации.

Й. Талльберг, Т. Зоммерер, Т. Скватрито и М. Лундгрен разделяют деятельность международных организаций на политические результаты (output), результаты реализации политики (outcome) и воздействие политики (impact). Под политическими результатами понимаются политические решения и документы, формируемые международной организацией. Результаты реализации политики отражают изменения в поведении после реализации соответствующей политики, а воздействие политики — реальный вклад этих изменений в решение первоначальной проблемы [36] . По мере перехода от анализа политических

organizations, 5(3), 231-236.

36 Tallberg, J., Sommerer, T., Squatrito, T., & Lundgren, M. (2016). The performance of international organizations: a policy output approach. Journal of European Public Policy, 23(7), 1079.

результатов к оценке конечного воздействия возрастает влияние внешних факторов, и становится сложнее точно определить вклад самой международной организации.

Этот подход дает основу для анализа сотрудничества ШОС в сфере безопасности. Сначала государства-члены должны преобразовать общие интересы и озабоченности в сфере безопасности в политические документы и программы сотрудничества на уровне организации. После формирования согласованной политики она реализуется через механизмы ШОС и компетентные органы государств-членов. При наличии достаточного объема данных можно дополнительно анализировать фактическое влияние такого сотрудничества на конкретные проблемы безопасности. Исходя из этой логики, институциональную эффективность сотрудничества ШОС в сфере безопасности целесообразно оценивать по трем основным направлениям: формирование согласованной политики, функционирование механизмов сотрудничества и практическая реализация сотрудничества.

Формирование согласованной политики показывает, способны ли государства-члены преобразовать потребности в сотрудничестве по определенному вопросу безопасности в общие договоренности на уровне организации. Т. Зоммерер и его соавторы определяют результативность принятия решений международной организацией как способность ее органов формировать политические результаты, рассматривая ее как одну из составляющих общей деятельности международной организации[37].

37 Sommerer, T., Squatrito, T., Tallberg, J., & Lundgren, M. (2022). Decision-making in international organizations: institutional design and performance. The Review of International Organizations, 17(4), 817.

При анализе ШОС необходимо учитывать, способен ли определенный вопрос безопасности сохраняться в повестке организации, могут ли государства-члены принимать совместные документы или согласовывать планы действий и приводят ли эти решения к созданию соответствующих механизмов сотрудничества. Количество политических документов может дать определенную информацию, однако само по себе оно не отражает реальную степень сотрудничества.

Функционирование механизмов сотрудничества показывает, способны ли уже созданные институциональные формы сохранять устойчивую работу. Сотрудничество ШОС в сфере безопасности включает политическую координацию между государствами-членами, деятельность постоянных органов, встречи профильных ведомств, обмен информацией и совместные действия в отдельных областях. Сам факт существования определенного механизма не означает его постоянного практического функционирования. Поэтому необходимо учитывать регулярность его работы и степень участия государств-членов.

Практическая реализация сотрудничества отражает то, каким образом государства-члены выполняют уже согласованные решения. Р. Лалл отмечает, что институциональный дизайн международной организации сам по себе не позволяет полностью объяснить ее практическую деятельность. Важное значение имеют также отношения, складывающиеся в процессе функционирования организации между государствами-членами и ее органами [38] . Это означает, что анализ институциональной эффективности должен учитывать не только формирование

38 Lall, R. (2017). Beyond institutional design: Explaining the performance of international organizations. International Organization, 71(2), 248, 251-253.

согласованной политики, но и последующий процесс ее практической реализации.

Сотрудничество ШОС в сфере безопасности основано на совместном согласовании государств-членов и межправительственной координации. Многие договоренности реализуются через правительства и компетентные органы государств-членов. Поэтому при анализе практической реализации сотрудничества необходимо учитывать, продолжают ли государства-члены участвовать в действующих механизмах и преобразуются ли общие договоренности в обмен информацией, совместные действия и другие конкретные формы сотрудничества.

Таким образом, расширение ШОС влияет на структуру интересов по конкретным вопросам безопасности через изменение числа и состава государств-членов. Совпадения и различия интересов включаются в процесс политической координации в условиях принципа консенсуса и далее влияют на формирование согласованной политики и функционирование институтов. Поэтому анализ сотрудничества ШОС в сфере безопасности после расширения должен одновременно учитывать соотношение интересов государств-членов, правила принятия решений и институциональную эффективность в разных направлениях безопасности.

1.3. Аналитическая рамка и методы исследования сотрудничества ШОС в сфере безопасности

Проведенный в параграфе 1.2 анализ показывает, что соотношение интересов

государств-членов и правила принятия решений в организации совместно влияют на формирование политики и функционирование институтов международной организации. Расширение ШОС изменило состав государств-членов, а новые интересы и политические запросы в сфере безопасности вошли в существующую систему сотрудничества. В настоящем параграфе определяется метод сравнения интересов государств-членов в сфере безопасности и объясняется, каким образом анализируются согласование интересов и институциональная эффективность ШОС.

Национальные интересы в сфере безопасности охватывают различные направления. В настоящем исследовании основной единицей сравнения выступают политические позиции государств-членов по конкретным вопросам безопасности. По каждому вопросу безопасности к разным государствам-членам применяются одинаковые аналитические вопросы, после чего проводится их горизонтальное сопоставление. Такой подход близок к логике структурированного и сфокусированного сравнения, применяемого в политических исследованиях. А. Джордж и Э. Беннетт отмечают, что при сравнительном исследовании к различным случаям можно применять общий набор вопросов, сформированный в соответствии с целью исследования. Это повышает системность и сопоставимость анализа[39].

В исследовании выделяются два уровня анализа: уровень государств-членов и уровень организации. На уровне государств-членов рассматриваются официально выраженные политические позиции по конкретным вопросам

39 George, A. L., & Bennett, A. Case Studies and Theory Development in the Social Sciences. Cambridge, MA: MIT Press, 2005. P. 67–72.

безопасности. На уровне организации анализируются совместные документы, механизмы сотрудничества и практическая деятельность, сформированные после согласования этих позиций. Интересы государств-членов в сфере безопасности определяются прежде всего на основе официально выраженных в государственных документах интересов и озабоченностей в сфере безопасности, политических целей и потребностей в сотрудничестве.

В настоящем исследовании интересы государств-членов в сфере безопасности рассматриваются по четырем направлениям. Первое — восприятие угроз, то есть оценка государством источников, характера и возможных последствий соответствующей угрозы. Второе — политические приоритеты, которые отражают место конкретного вопроса безопасности в государственной политике. Третье — политические цели и подходы к их реализации, то есть проблемы, которые государство стремится решить, и предлагаемые им политические инструменты. Четвертое — потребности в многостороннем сотрудничестве, которые показывают, какие проблемы государство стремится решать посредством регионального сотрудничества и какую роль оно отводит ШОС. Эти четыре направления составляют основу для сравнения политических позиций государств-членов.

Выбор этих четырех направлений связан с последовательной логикой анализа государственной позиции по конкретному вопросу безопасности. Восприятие угроз позволяет определить, какие проблемы государство считает значимыми для собственной безопасности. Политические приоритеты показывают место соответствующего вопроса в государственной политике. Политические цели

и подходы к их реализации позволяют выявить желаемый результат и предпочитаемые инструменты действий. Потребности в многостороннем сотрудничестве показывают, в какой степени государство стремится решать данный вопрос посредством взаимодействия с другими государствами и механизмов ШОС. В совокупности эти направления позволяют сопоставлять не только перечень угроз, но и политическое значение конкретного вопроса и готовность государства включать его в многостороннее сотрудничество.

Для анализа политических документов государств-членов применяется метод качественного контент-анализа. К. П. Боришполец отмечает, что при анализе содержания политических документов необходимо учитывать представленные в тексте темы, оценки и цели, а также их содержательный контекст[40]. В соответствии с этим подходом в исследовании анализируются оценки угроз, политические цели и позиции по вопросам сотрудничества, содержащиеся в документах национальной безопасности. Частота употребления отдельных понятий не используется как прямой показатель значимости определенного интереса в сфере безопасности. Политические заявления, сформированные в условиях конкретных событий, оцениваются с учетом стратегических документов и других официальных материалов. Г. Кинг, Р. О. Кеохейн и С. Верба подчеркивают, что качественное исследование также должно следовать системной логике научного вывода и учитывать качество исследовательского дизайна, используемых данных[41].

40 Боришполец К.П. Методы политических исследований: учебное пособие для студентов вузов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2010. – С. 59, 67–68.

41 King, G., Keohane, R. O., & Verba, S. Designing Social Inquiry: Scientific Inference in Qualitative Research. New Edition. Princeton: Princeton University Press, 2021. P. 4–8, 11–12, 22–23.

Практическое применение качественного контент-анализа осуществляется последовательно. Сначала из официальных документов каждого государства-члена отбираются фрагменты, относящиеся к трем исследуемым областям безопасности. Затем содержание этих фрагментов распределяется по четырем аналитическим категориям: восприятие угроз, политические приоритеты, политические цели и подходы к их реализации, потребности в многостороннем сотрудничестве. При наличии нескольких официальных документов одного государства их положения сопоставляются между собой, чтобы отдельное заявление, связанное с конкретным событием, не рассматривалось как достаточное основание для вывода о долгосрочном политическом приоритете. После этого позиции государств-членов сравниваются по одинаковым категориям, что позволяет выявлять совпадения и различия по каждому вопросу безопасности.

На основе сравнения политических позиций государств-членов далее рассматриваются совпадения и различия их интересов. Сходство позиций государств в оценке угроз, политических целях или подходах к сотрудничеству свидетельствует о совпадении интересов по соответствующему вопросу. Различия приобретают аналитическое значение в тех случаях, когда они влияют на согласование позиций государств-членов и формирование согласованной политики. Кроме того, позиции государств-членов сопоставляются с совместными документами ШОС, что позволяет определить, вошли ли новые интересы и озабоченности в сфере безопасности, возникшие после расширения, в повестку организации.

Выявление интересов государств-членов в сфере безопасности основывается

прежде всего на официальных стратегических и программных документах государственного уровня. Стратегии национальной безопасности, концепции национальной безопасности, законодательные акты в сфере безопасности и специальные программные документы отражают оценки государствами ситуации в сфере безопасности, основных угроз и политических целей. Вместе с тем системы документов в области национальной безопасности в государствах-членах различаются. Поэтому материалы разных государств оцениваются не по их названию или форме, а прежде всего с учетом их политической функции, уровня официального статуса и связи с исследовательскими вопросами. Научная литература используется для объяснения политического контекста, а материалы средств массовой информации — для проверки отдельных событий. Однако они не рассматриваются как основной источник для определения официальной позиции государства. В отношении государств с ограниченным объемом открытых материалов в диссертации отдельно указываются соответствующие ограничения источниковой базы.

Хронологические рамки исследования охватывают 2001–2025 гг. Период 2001–2016 гг. рассматривается как этап ШОС в составе шести государств-членов. После вступления Индии и Пакистана в 2017 г. начался этап восьми государств-членов. Иран и Беларусь стали членами ШОС соответственно в 2023 и 2024 гг. Первое расширение в 2017 г. выступает основным сравнительным рубежом исследования. Материалы 2023–2025 гг. используются для анализа первых изменений после включения новых государств-членов в уже сложившиеся формы сотрудничества.

Официальные материалы государств-членов используются для выявления их политических позиций по конкретным вопросам безопасности. Конвенции, декларации, программы действий, документы встреч на министерском уровне и материалы постоянных органов ШОС позволяют анализировать согласованную политику и формы сотрудничества, сформированные после согласования позиций государств-членов. Документы ШОС отражают результат согласования между членами организации, однако не являются прямым отражением первоначальных политических позиций каждого государства. Разграничение этих двух групп источников позволяет проследить процесс преобразования национальных интересов и озабоченностей в сфере безопасности в согласованную политику ШОС.

На основе официальных материалов государств-членов определяются их политические позиции по конкретным вопросам безопасности. Сравнение этих позиций позволяет выявить совпадения и различия интересов государств-членов. Результаты сравнения на уровне государств далее сопоставляются с совместными документами ШОС, что позволяет анализировать согласование интересов и их отражение в повестке организации. Материалы о деятельности соответствующих механизмов и практическом сотрудничестве используются для анализа функционирования институтов после формирования согласованной политики.

Институциональная эффективность сотрудничества ШОС в сфере безопасности анализируется по трем направлениям: формирование согласованной политики, функционирование механизмов сотрудничества и практическая реализация сотрудничества.

Формирование согласованной политики оценивается по наличию и

преемственности совместных документов, в которых государства-члены согласовывают общие позиции, программы или направления действий по соответствующему вопросу безопасности.

Функционирование механизмов сотрудничества оценивается по тому, продолжают ли постоянные органы, экспертные и контактные группы, а также профильные форматы координации осуществлять деятельность после расширения, насколько регулярно проходят соответствующие встречи и включаются ли новые государства-члены в уже действующие процедуры.

Практическая реализация сотрудничества определяется по наличию конкретных многосторонних форм взаимодействия, непосредственно связанных с ШОС: совместных учений и операций, обмена информацией, согласованных мероприятий, проектов и других форм взаимодействия компетентных органов. Двусторонняя деятельность отдельных государств-членов не рассматривается как практический результат ШОС, если она не осуществляется в рамках согласованного механизма организации.

Сам факт создания механизма еще не свидетельствует о его устойчивом функционировании. Двусторонняя деятельность между отдельными государствами-членами также не рассматривается напрямую как свидетельство практической реализации сотрудничества в рамках ШОС.

В исследовании рассматриваются три направления: борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, афганская проблематика и международная информационная безопасность. Все три направления вошли в повестку ШОС до первого расширения в 2017 г. и продолжали рассматриваться как важные вопросы

региональной безопасности в Самаркандской декларации 2022 г[42]. Таким образом, по каждому из трех направлений существует временная основа для сравнения ситуации до и после расширения.

Институциональные основы трех направлений различаются. В сфере борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом сравнительно рано были сформированы договорно-правовая база, Региональная антитеррористическая структура и механизмы совместных действий[43]. Специализированная политическая координация ШОС по афганской проблематике осуществляется преимущественно в рамках Контактной группы ШОС – Афганистан, однако ее деятельность не отличается постоянной непрерывностью. Такие различия позволяют сопоставить институциональную основу, существовавшую до расширения, с характером сотрудничества после вступления новых государств-членов.

В сфере международной информационной безопасности еще до первого расширения была сформирована отдельная договорно-правовая и координационная основа. Межправительственное соглашение 2009 г. закрепило основные направления сотрудничества, а Группа экспертов по международной информационной безопасности обеспечила специализированный канал согласования позиций государств-членов. Вместе с тем практические формы взаимодействия в данной области были менее развиты, чем в сфере борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, и частично пересекались с деятельностью РАТС ШОС по противодействию терроризму в информационном

42 Самаркандская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. 16.09.2022. URL:http://www.kremlin.ru/supplement/5841 дата обращения:03.11.2025.
43 РАТС ШОС.История и миссия. URL: https://ecrats.org/ru/about/history/ Дата обращения: 17.03.2025

пространстве.

Изменения в политике и институциональном устройстве после расширения могут быть связаны не только с изменением состава государств-членов, но и с региональной ситуацией, крупными событиями в сфере безопасности и институциональной основой, ранее сложившейся в каждом направлении. Поэтому в настоящем исследовании влияние расширения рассматривается только в тех случаях, когда соответствующие изменения можно эмпирически связать с изменением состава организации, политическими позициями новых государств-членов или процессом их включения в сотрудничество.

Указанный подход используется для сравнения интересов государств-членов в сфере безопасности и анализа того, каким образом эти интересы отражаются в согласованной политике и практике сотрудничества ШОС. Во второй главе рассматриваются интересы государств-членов в сфере безопасности и их изменения после расширения. В третьей главе проводится сравнительный анализ институциональной эффективности в трех направлениях безопасности.

***

В первой главе рассмотрены теоретические вопросы институционализированного многостороннего сотрудничества в сфере безопасности, расширения международных организаций и институциональной эффективности. С учетом институциональных особенностей ШОС сформирована аналитическая рамка настоящего исследования.

Различия в национальных интересах государств-членов не исключают совпадения их потребностей в сотрудничестве по конкретным вопросам безопасности. Постоянное взаимодействие и институциональные механизмы создают условия для согласования политических позиций и поддержания многостороннего сотрудничества.

Расширение изменяет число и состав государств-членов международной организации и может влиять на соотношение интересов по конкретным вопросам. Само увеличение числа участников не означает неизбежного роста различий интересов и не доказывает снижение институциональной эффективности организации. Практические последствия расширения зависят от соотношения интересов государств-членов по конкретным вопросам безопасности, а также от способности существующих институтов и механизмов обеспечивать их согласование.

В ШОС принцип консенсуса является важным условием принятия общих решений. Он обеспечивает участие государств-членов в процессе принятия решений и позволяет формировать согласованную политику в пределах позиций, приемлемых для всех участников. При значительных различиях в политических позициях подготовка совместных документов и согласование форм сотрудничества требуют более длительной координации. Поэтому принцип консенсуса выступает важным институциональным условием включения интересов государств-членов в процесс формирования согласованной политики ШОС.

В настоящем исследовании основной единицей сравнения выступают политические позиции государств-членов по конкретным вопросам безопасности.

Их интересы в сфере безопасности определяются по четырем направлениям: восприятие угроз, политические приоритеты, политические цели и подходы к их реализации, а также потребности в многостороннем сотрудничестве. На уровне организации институциональная эффективность анализируется по трем направлениям: формирование согласованной политики, функционирование механизмов сотрудничества и практическая реализация сотрудничества. Борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, афганская проблематика и международная информационная безопасность вошли в повестку ШОС еще до первого расширения, однако институциональные основы этих трех направлений различаются. Это создает условия для их сравнительного анализа до и после расширения.

ГЛАВА 2. СОТРУДНИЧЕСТВО ШОС В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ И СТРУКТУРА ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ

2.1. Основные направления и механизмы сотрудничества ШОС в сфере безопасности

Сотрудничество в сфере безопасности является одним из важных направлений деятельности ШОС. Уже в 2001 г., при создании организации, государства-члены подписали Шанхайскую конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Тем самым борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом была включена в общую повестку безопасности, а для сотрудничества государств-членов была сформирована правовая основа[44]. По мере изменения региональной ситуации в сфере безопасности и развития транснациональных угроз круг вопросов сотрудничества ШОС постепенно расширялся. Помимо борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, он стал включать противодействие незаконному обороту наркотиков, транснациональной организованной преступности, афганскую проблематику и международную информационную безопасность.

В настоящем параграфе основное внимание уделяется трем направлениям: борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, афганской проблематике и международной информационной безопасности. Все три направления в течение длительного времени входят в повестку ШОС в сфере безопасности, однако

44 Шанхайскую конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. // Президент России. 15.06.2001. URL:http://kremlin.ru/supplement/3405. Дата обращения: 21.12.2025.

отличаются по характеру проблем и формам сотрудничества. Сотрудничество в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом начало формироваться на раннем этапе развития организации и получило специальную постоянно действующую структуру. Афганская проблематика включает взаимосвязанные вопросы терроризма, экстремизма, незаконного оборота наркотиков, организованной преступности и региональной политической стабильности; для ее обсуждения был создан специальный формат координации. Международная информационная безопасность отражает расширение повестки ШОС на информационное пространство и новые транснациональные угрозы. Анализ развития этих трех направлений позволяет определить правовую основу, организационные механизмы и основные формы практического сотрудничества государств-членов.

Борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом стала одним из основных направлений сотрудничества в сфере безопасности уже на начальном этапе деятельности ШОС. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 г. определила соответствующие понятия и основные принципы сотрудничества государств-членов. Тем самым была создана официальная правовая основа взаимодействия в данной области[45].

7 июня 2002 г. в Санкт-Петербурге государства-члены подписали Соглашение о Региональной антитеррористической структуре ШОС, в соответствии с которым РАТС стала постоянно действующим органом

45 Шанхайскую конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. // Президент России. 15.06.2001. URL: http://kremlin.ru/supplement/3405. Дата обращения: 21.12.2025.

организации. В структуру РАТС входят Совет и Исполнительный комитет. Основной задачей РАТС является координация взаимодействия компетентных органов государств-членов в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. В официальных материалах ШОС РАТС рассматривается как важный координационный центр сотрудничества в данной области[46]. Создание РАТС обеспечило постоянную организационную основу сотрудничества и создало институциональные каналы для обмена информацией, согласования действий и проведения совместных мероприятий компетентными органами государств-членов.

Одновременно государства-члены развивали сотрудничество посредством специальных программ, встреч компетентных органов и совместных учений. В 2006 г. была утверждена Программа сотрудничества государств-членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2007–2009 гг., а также были подписаны документы, регулирующие проведение совместных антитеррористических мероприятий и противодействие каналам проникновения лиц, причастных к террористической деятельности[47]. В дальнейшем совместные антитеррористические учения и координация между компетентными органами стали важными формами практического сотрудничества. В документах Совета глав государств-членов 2009 г. вновь подчеркивалась роль РАТС и необходимость дальнейшего регулярного проведения совместных антитеррористических учений[48]

46 Соглашение между государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре//Президент России.07.06.2002. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3864 дата обращения: 30.08.2025.

47 上海合作组织成员国元首理事会会议联合公报. 15.06.2006.// 外交部官网. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gjhdqzz_681964/lhg_683094/zywj_683106/200707/t20070731_9388591.shtml. Дата обращения: 22.12.2025.

48 上海合作组织成员国元首理事会会议联合公报 // 外交部官网. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/200906/t20090617_302987.shtml. Дата обращения: 15.11.2025.

Таким образом, сотрудничество в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом постепенно приобрело комплексный характер, сочетая правовую базу, постоянно действующий орган и конкретные формы практического взаимодействия.

Правовая основа сотрудничества также продолжала развиваться. В 2017 г. на саммите в Астане главы государств-членов подписали Конвенцию Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму, что способствовало дальнейшему развитию правовой базы сотрудничества в данной области[49]. Этот документ продолжил развитие правовых основ ШОС в сфере борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом и усилил внимание к специальному противодействию экстремизму.

По мере изменения характера угроз безопасности ШОС постепенно расширяла содержание сотрудничества в данной области. Все большее внимание стало уделяться использованию Интернета и информационно-коммуникационных технологий для распространения экстремистской идеологии, вербовки сторонников и организации террористической деятельности. В 2020 г. Совет глав государств-членов ШОС принял Заявление Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о противодействии распространению террористической, сепаратистской и экстремистской идеологии, в том числе в сети Интернет[50]. Тем самым распространение террористической, сепаратистской и

49 Астанинская декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. 09.06.2017. URL: https://rus.sectsco.org/20170609/292526.html Дата обращения: 10.10.2025.

50 ЗАЯВЛЕНИЕ Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о противодействии распространению террористической, сепаратистской и экстремистской идеологии, в том числе в сети Интернет. URL:https://rus.sectsco.org/files/690022/690022 дата обращения: 21.12.2025.

экстремистской идеологии через Интернет и связанная с этим деятельность были включены в общую повестку сотрудничества. Это показывает, что информационное пространство постепенно стало одним из важных направлений антитеррористического и антиэкстремистского сотрудничества ШОС.

Дальнейшее развитие данного направления отражено в принятом в 2023 г. Заявлении Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о противодействии радикализации, ведущей к терроризму, сепаратизму и экстремизму. В документе отмечается, что террористические группы и их сторонники все активнее используют Интернет, социальные платформы и другие информационно-коммуникационные технологии для распространения экстремистской идеологии, вербовки сторонников и подготовки террористической деятельности. Одновременно подчеркивается роль Региональной антитеррористической структуры Шанхайской организации сотрудничества (РАТС ШОС) в противодействии радикализации. В числе конкретных направлений сотрудничества названы обмен опытом, пресечение каналов финансирования экстремистской деятельности, а также блокирование экстремистских и террористических материалов в сети Интернет в соответствии с национальным законодательством государств-членов[51]. Это свидетельствует о том, что сотрудничество в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом постепенно стало включать предупреждение радикализации, противодействие распространению соответствующей идеологии в Интернете, борьбу с

51 ЗАЯВЛЕНИЕ Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о противодействии радикализации, ведущей к терроризму, сепаратизму и экстремизму. URL: https://rus.sectsco.org/images/07e8/0b/15/1597889.pdf дата обращения: 22.12.2025.

финансированием терроризма и меры на общественном уровне.

После расширения ранее созданные механизмы антитеррористического сотрудничества продолжили функционировать, а новые государства-члены были включены в существующие форматы взаимодействия. В 2024 г. в мероприятиях РАТС ШОС уже участвовали представители компетентных органов Индии, Ирана и Беларуси. Представитель Беларуси впервые принял участие в заседании Совета РАТС ШОС[52]. В том же году Астанинская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества продолжила рассматривать терроризм, сепаратизм и экстремизм как общие угрозы безопасности государств-членов [53] . В 2025 г. Тяньцзиньская декларация также сохранила борьбу с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом в числе важных направлений сотрудничества в сфере безопасности и вновь подчеркнула значение РАТС ШОС и соответствующих программ сотрудничества[54].

В целом борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом является одним из наиболее давно развивающихся направлений сотрудничества ШОС в сфере безопасности. Государства-члены сформировали общую правовую основу на базе Шанхайской конвенции, создали РАТС ШОС как постоянно действующую организационную структуру и развивали сотрудничество посредством специальных программ, совместных учений и обмена информацией. По мере изменения характера угроз содержание сотрудничества расширялось и стало

52 О 42-м заседании Совета РАТС ШОС // Региональная антитеррористическая структура ШОС. 16.09.2024. URL: https://ecrats.org/ru/press/news/12729/ дата обращения:23.08.2025.
53 Астанинская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. 04.07.2024 // URL: https://rus.sectsco.org/20240704/1597670.html. Дата обращения: 10.10.2025.
54 Тяньцзиньская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. 01.09.2025. URL: https://rus.sectsco.org/20250901/1958600.html. Дата обращения: 10.10.2025.

включать предупреждение радикализации, распространение экстремистской идеологии в Интернете, борьбу с финансированием терроризма и меры общественного характера. После расширения новые государства-члены стали участвовать в существующих механизмах сотрудничества, а правовая и политическая база данного направления продолжила развиваться.

Афганская проблематика на протяжении длительного времени занимает важное место в повестке ШОС в сфере безопасности. Она имеет комплексный характер и включает вопросы терроризма, экстремизма, незаконного оборота наркотиков, организованной преступности и региональной стабильности. В Декларации Специальной конференции по Афганистану под эгидой Шанхайской организации сотрудничества 2009 г. отмечалось, что различные вызовы, с которыми сталкивается Афганистан, взаимосвязаны и требуют комплексного подхода. В документе также подчеркивалась необходимость усиления координации между Афганистаном и соседними государствами в борьбе с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков и организованной преступностью [55] . Таким образом, афганская проблематика постепенно сформировалась как относительно самостоятельное направление повестки ШОС в сфере безопасности.

Для координации сотрудничества по данному вопросу на раннем этапе был создан специальный механизм. В 2005 г. Шанхайская организация сотрудничества и Исламская Республика Афганистан подписали Протокол о создании Контактной

55 上海合作组织阿富汗问题特别会议宣言//上海合作组织. 27.03.2009. URL: https://chn.sectsco.org/files/45859/45859 Дата обращения: 22.12.2025.

группы Шанхайской организации сотрудничества – Афганистан[56]. В отличие от РАТС ШОС, деятельность Контактной группы была непосредственно связана с конкретной региональной проблемой — ситуацией в Афганистане. Данный механизм создал специальный многосторонний канал для обмена мнениями и согласования политических позиций по афганской проблематике.

В 2009 г. проведение специальной конференции ШОС по Афганистану способствовало дальнейшему развитию сотрудничества в данной области. По итогам конференции были приняты Декларация специальной конференции по Афганистану под эгидой Шанхайской организации сотрудничества и Заявление государств-членов Шанхайской организации сотрудничества и Исламской Республики Афганистан по борьбе с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков и организованной преступностью. В Декларации ШОС рассматривалась как многосторонняя площадка для развития практического взаимодействия Афганистана с соседними государствами. В специальном Заявлении терроризм, производство и незаконный оборот наркотиков, а также организованная преступность рассматривались как взаимосвязанные проблемы безопасности. Документ предусматривал укрепление обмена информацией, сотрудничества в борьбе с наркотиками и терроризмом, а также контактов между компетентными органами[57].

В дальнейшем механизм сотрудничества по афганской проблематике

56 上海合作组织与阿富汗伊斯兰共和国关于建立上海合作组织-阿富汗联络小组的议定书. 04.11.2005. URL: https://chn.sectsco.org/files/44539/44539 Дата обращения: 22.12.2025.

57 上海合作组织成员国和阿富汗伊斯兰共和国关于打击恐怖主义、毒品走私和有 组织犯罪的声明//上海合作组织. 27.03.2009. URL:https://chn.sectsco.org/files/45773/45773 Дата обращения: 22.12.2025.

претерпел определенные изменения. Деятельность Контактной группы ШОС – Афганистан на определенный период была приостановлена, а в 2017 г. ее работа была возобновлена. В 2018 г. был подписан обновленный протокол о деятельности Контактной группы. После существенного изменения ситуации в Афганистане в 2021 г. государства-члены продолжили согласовывать свои позиции в рамках ШОС. Самаркандская декларация 2022 г. и Тяньцзиньская декларация 2025 г. продолжили уделять внимание вопросам мира и стабильности в Афганистане, борьбы с терроризмом и незаконным оборотом наркотиков[58][59]. Таким образом, конкретные формы сотрудничества по афганской проблематике в значительной степени связаны с изменениями региональной ситуации в сфере безопасности.

На уровне организации сотрудничество по афганской проблематике сформировалось вокруг Контактной группы ШОС – Афганистан как основного канала координации и дополнялось специальными конференциями, совместными заявлениями и согласованными мерами. Поэтому механизмы сотрудничества в данной области имеют выраженную предметную направленность и зависят от конкретного этапа развития региональной ситуации.

Международная информационная безопасность является направлением сотрудничества, которое постепенно сформировалось по мере расширения повестки ШОС в сфере безопасности. С развитием информационно-коммуникационных технологий государства-члены стали уделять больше

58 Самаркандская декларация Совета глав государств-членов ШОС. URL:http://www.kremlin.ru/supplement/5841 дата обращения:03.11.2025.

59 Тяньцзиньская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. 01.09.2025. URL: https://rus.sectsco.org/20250901/1958600.html. Дата обращения: 10.10.2025.

внимания рискам безопасности в информационном пространстве. В Заявлении глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества по международной информационной безопасности 2006 г. угрозы в информационной сфере, имеющие военно-политический, преступный и террористический характер, были включены в повестку организации. В документе также подчеркивалась необходимость укрепления сотрудничества государств-членов в сфере международной информационной безопасности. Одновременно было принято решение создать Группу экспертов по международной информационной безопасности для изучения соответствующих вопросов и подготовки плана действий[60]. Это показывает, что международная информационная безопасность постепенно стала самостоятельным направлением сотрудничества со специальным механизмом координации.

В дальнейшем государства-члены продолжили развивать политическую и правовую основу сотрудничества в данной сфере. 16 августа 2007 г. на саммите в Бишкеке главы шести государств-членов утвердили План действий государств-участников Шанхайской организации сотрудничества по обеспечению международной информационной безопасности[61]. В 2009 г. было подписано Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности[62]. Таким образом, сотрудничество в сфере

60 Заявление глав государств - членов Шанхайской организации сотрудничества по международной информационной безопасности. 15.06.2006. URL: https://rus.sectsco.org/20060615/44820.html дата обращения:23.11.2025.

61 上海合作组织成员国元首理事会会议联合公报 // 外交部官网. URL: https://www.mfa.gov.cn/ziliao_674904/zt_674979/ywzt_675099/wzzt_675579/hjt_675583/200708/t20070818_9287629.shtml Дата обращения: 22.12.2025.

62 Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности. URL: https://rus.sectsco.org/20090616/203974.html дата обращения:23.12.2025.

международной информационной безопасности прошло путь от совместного политического заявления к плану действий и далее к межправительственному соглашению, что способствовало формированию более четкой институциональной основы.

В области механизмов и практического сотрудничества Группа экспертов по международной информационной безопасности выполняет функции политической коммуникации и профессиональной координации между государствами-членами. Одновременно сотрудничество в сфере информационной безопасности постепенно стало пересекаться с деятельностью РАТС ШОС по противодействию терроризму в информационном пространстве. Дэн Хао и Ли Тяньи анализируют развитие экспертного механизма ШОС в сфере международной информационной безопасности, сотрудничества в области противодействия кибертерроризму и соответствующей правовой базы. Авторы отмечают, что РАТС ШОС выполняет в сфере противодействия кибертерроризму функции координации между компетентными органами государств-членов[63]. Таким образом, сотрудничество ШОС в сфере международной информационной безопасности имеет специальный механизм координации и одновременно пересекается с уже существующими механизмами борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. В условиях использования Интернета и информационно-коммуникационных технологий для распространения экстремистской идеологии, вербовки сторонников и организации

63 Дэн Хао, Ли Тяньи. Сотрудничество ШОС в области информационной безопасности: прогресс, вызовы и будущие пути [邓浩，李天毅. 上合组织信息安全合作:进展、挑战与未来路径]// Форум по стратегии в киберпространстве[网络空间战略论坛]. 2021. №8. С.72–77.

террористической деятельности информационное пространство стало объектом внимания как антитеррористического сотрудничества, так и сотрудничества в сфере международной информационной безопасности.

По мере развития сотрудничества содержание повестки международной информационной безопасности также расширялось. В 2020 г. Заявление Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности вновь подтвердило необходимость дальнейшего взаимодействия государств-членов в данной сфере. В документе также рассматривались роль Организации Объединенных Наций, вопросы международных правил в сфере информационной безопасности и управления информационным пространством[64]. Таким образом, политика ШОС в данной области стала включать как сотрудничество государств-членов в сфере безопасности, так и вопросы международного управления информационным пространством.

После расширения международная информационная безопасность продолжила занимать устойчивое место в общей повестке ШОС в сфере безопасности. Астанинская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества 2024 г. продолжила подчеркивать необходимость укрепления сотрудничества в сфере международной информационной безопасности[65]. В Тяньцзиньской декларации 2025 г. вопросы

64 上海合作组织成员国元首理事会关于保障国际信息安全领域合作的声明//人民日报. 11.11.2020. URL:https://paper.people.com.cn/rmrbwap/html/2020-11/11/nw.D110000renmrb_20201111_4-03.htm.Дата обращения: 23.08.2026.

65 Астанинская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. 04.07.2024 // URL: https://rus.sectsco.org/20240704/1597670.html. Дата обращения: 10.10.2025.

международной информационной безопасности, киберпреступности и кибертерроризма также продолжили рассматриваться в рамках сотрудничества в сфере безопасности[66]. Эти документы показывают, что после изменения состава организации сотрудничество в сфере международной информационной безопасности сохранило политическую преемственность, а содержание соответствующей повестки продолжило развиваться.

В целом международная информационная безопасность сформировалась как направление сотрудничества ШОС в сфере безопасности сравнительно поздно, однако уже прошла путь от совместных политических заявлений к планированию действий, межправительственному соглашению и специальному механизму координации. Одновременно данное направление имеет заметную связь с ранее сложившимся сотрудничеством в сфере противодействия кибертерроризму, а его содержание постепенно распространилось на вопросы международных правил и управления информационным пространством.

Таким образом, во всех трех направлениях сформированы официальные политические документы и соответствующие формы сотрудничества, однако пути их институционального развития различаются. В сфере борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом сравнительно рано были сформированы правовая база и постоянно действующий орган. Сотрудничество по афганской проблематике преимущественно опирается на специальный механизм координации, созданный для решения конкретной региональной проблемы, а его развитие тесно связано с

66 Тяньцзиньская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. 01.09.2025. URL: https://rus.sectsco.org/20250901/1958600.html. Дата обращения: 10.10.2025.

изменениями региональной ситуации. Международная информационная безопасность постепенно сформировалась как самостоятельное направление по мере расширения повестки ШОС и получила собственную политическую, правовую и координационную основу, одновременно сохраняя связь с сотрудничеством в сфере противодействия кибертерроризму.

Эти различия составляют важный эмпирический фон для анализа интересов и политических позиций государств-членов в сфере безопасности. Развитие сотрудничества в различных направлениях также связано с интересами и политическими позициями государств-членов по конкретным вопросам безопасности. Поэтому в следующем параграфе проводится сравнительный анализ интересов государств-членов и их соотношения в трех рассматриваемых направлениях.

2.2. Сравнительный анализ интересов государств-членов в сфере безопасности

Государства-члены ШОС участвуют в общей системе регионального сотрудничества в сфере безопасности, однако различаются по геополитическому положению, характеру угроз безопасности и внутренним политическим условиям. Совместные документы организации отражают позиции, сформированные в результате согласования между государствами-членами, и поэтому сами по себе не позволяют определить степень совпадения их интересов в сфере безопасности. В настоящем параграфе на основе стратегий национальной безопасности, специальных программных документов и официальных политических заявлений

государств-членов рассматриваются их восприятие угроз, политические приоритеты, политические цели и подходы к их реализации, а также потребности в многостороннем сотрудничестве в трех областях: борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, афганской проблематике и международной информационной безопасности.

Системы стратегических и программных документов государств-членов различаются по структуре, времени принятия и степени детализации. Поэтому сравнение проводится по содержанию официально выраженных политических позиций в рамках одинаковых аналитических категорий. При наличии нескольких документов одного государства они рассматриваются во взаимосвязи, что позволяет учитывать как долгосрочные стратегические установки, так и более конкретные позиции по отдельным вопросам безопасности.

В сфере борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом государства-члены имеют достаточно широкое общее понимание угроз терроризма и экстремизма. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации 2021 г. относит терроризм и экстремизм к угрозам государственной и общественной безопасности и включает противодействие им в число направлений политики национальной безопасности[67]. Национальная стратегия Республики Узбекистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2021–2026 годы предусматривает меры по предупреждению распространения экстремистской и террористической идеологии, радикализации молодежи, использования Интернета в

67 Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 . Дата обращения: 10.12.2025.

соответствующих целях и финансирования терроризма [68] . Стратегия противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021–2025 годы также включала данные угрозы в государственную политику и предусматривала участие государственных органов, местных структур, институтов гражданского общества и международных организаций[69].

В документах Китая, Кыргызстана и Пакистана в сфере национальной безопасности также сохраняется внимание к угрозам терроризма и экстремизма [707172] . В Казахстане соответствующие меры были закреплены в специальной государственной программе по противодействию религиозному экстремизму и терроризму[73]. После вступления в ШОС Индия продолжила уделять особое внимание проблемам трансграничного терроризма, финансирования терроризма и вербовки в террористические организации в рамках организации[74]. При вступлении в ШОС в 2023 г. Иран заявил о готовности использовать механизмы организации для обмена опытом в борьбе с терроризмом и

68 Указ Президента Республики Узбекистан «Об утверждении Национальной стратегии Республики Узбекистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2021–2026 годы»: Указ Президента Республики Узбекистан от 1 июля 2021 г. № УП-6255. URL: https://lex.uz/ru/docs/5491628. Дата обращения: 10.12.2025.

69 Указ Президента Республики Таджикистан от 01.06.2021 № 187 «О Стратегии противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021–2025 годы» // Министерство юстиции Республики Таджикистан. URL: https://www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=139590 . Дата обращения: 10.01.2026.

70 《新时代的中国国家安全》白皮书// 中华人民共和国国务院新闻办公室. 12.05.2025. URL: https://www.gov.cn/zhengce/202505/content_7023405.htm Дата обращения: 22.12.2025.

71 Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики: к Указу Президента Кыргызской Республики от 20.12.2021 № 570 // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: https://cbd.minjust.gov.kg/430815/edition/1118046/ru Дата обращения:21.12.2024.

72 National Security Policy of Pakistan 2022–26 // National Security Division, Government of Pakistan. URL: https://nsd.gov.pk/SiteImage/Publication/NSP%20Policy.pdf Access date:21.12.2024.

73 Об утверждении Государственной программы по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2018–2022 годы: Постановление Правительства Республики Казахстан от 15.03.2018 № 124 // Информационно-правовая система «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1800000124 Дата обращения: 02.02.2026.

74 Prime Minister Shri Narendra Modi’s Remarks at the SCO Summit // Ministry of External Affairs, Government of India. 04.07.2024. URL: https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/37924/Prime_Minister_Shri_Narendra_Modis_remarks_at_the_SCO_Summit . Access date: 14.01.2026.

экстремизмом[75]. Беларусь еще до получения статуса полноправного государства-члена заявляла о готовности участвовать в рамках ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом и организованной преступностью[76]. Несмотря на различия в оценке конкретных источников и форм проявления угроз, все государства-члены рассматривают терроризм и экстремизм как проблемы, затрагивающие национальную или региональную безопасность.

С точки зрения политических приоритетов борьба с терроризмом и экстремизмом занимает важное место в национальной политике безопасности или специальных программных документах большинства государств-членов. Узбекистан и Таджикистан приняли специальные национальные стратегии соответственно на 2021–2026 и 2021–2025 гг., а Казахстан реализовывал государственную программу по противодействию религиозному экстремизму и терроризму. В России, Китае, Кыргызстане и Пакистане соответствующие вопросы включены в комплексные документы в сфере национальной безопасности. Официальные заявления Индии, Ирана и Беларуси также показывают, что борьба с терроризмом является важным направлением их участия в сотрудничестве ШОС в сфере безопасности. Основные различия между государствами проявляются в форме политических документов, конкретных объектах регулирования и содержании политических приоритетов.

В отношении политических целей и подходов к их реализации государства-

75 Dr Raisi at the 23rd SCO Summit // Official Website of the President of the Islamic Republic of Iran. 04.07.2023. URL: https://president.ir/en/145189 . Access date: 02.09.2025.
76 SCO Summit in Samarkand // Official Internet Portal of the President of the Republic of Belarus. 16.09.2022. URL: https://president.gov.by/en/events/zasedanie-soveta-glav-gosudarstv-chlenov-shanhayskoy-organizacii-sotrudnichestva-1663326998 . Access date:02.02.2026.

члены в целом стремятся к обеспечению национальной безопасности и общественной стабильности, однако конкретные приоритеты управления и используемые политические инструменты различаются. Национальная стратегия Республики Узбекистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2021–2026 годы предусматривает не только борьбу с террористической и экстремистской деятельностью, но и предупреждение радикализации, работу с молодежью, регулирование использования Интернета, а также устранение условий для распространения экстремистской идеологии. Стратегия противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021–2025 годы также сочетает профилактические меры с правоохранительными инструментами и подчеркивает совместную роль государственных органов, общественных организаций и международного сотрудничества. В политических заявлениях Индии в рамках ШОС более заметное место занимают вопросы трансграничного терроризма и финансирования терроризма. Иран, в свою очередь, заявил о готовности делиться опытом и возможностями в борьбе с терроризмом и экстремизмом в рамках механизмов ШОС[77]. Таким образом, государства-члены имеют значительное совпадение интересов в отношении общих целей борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, однако различаются по акцентам в сфере правоохранительной деятельности, противодействия трансграничному терроризму и регионального сотрудничества в сфере безопасности.

Потребности государств-членов в многостороннем сотрудничестве в

77 Dr Raisi at the 23rd SCO Summit // Official Website of the President of the Islamic Republic of Iran. 04.07.2023. URL: https://president.ir/en/145189 . Access date: 02.09.2025.

основном связаны с обменом информацией, обменом опытом и развитием механизмов сотрудничества. Узбекистан включает развитие международного и регионального антитеррористического сотрудничества в государственную политику, а специальная стратегия Таджикистана также закрепляла значение международного сотрудничества [78] . Индия в рамках ШОС подчеркивает необходимость совместного противодействия трансграничному терроризму, финансированию терроризма и вербовке в террористические организации. Иран выступает за обмен опытом и возможностями в борьбе с терроризмом и экстремизмом через механизмы ШОС. Беларусь заявляла о готовности участвовать в борьбе с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом и организованной преступностью, а также поддерживала создание центра по противодействию угрозам безопасности на базе РАТС ШОС. Приведенные материалы показывают, что требования государств-членов к конкретному содержанию сотрудничества различаются, однако укрепление трансграничной координации остается достаточно общим политическим запросом.

Борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом является направлением безопасности, в котором совпадение интересов государств-членов выражено достаточно отчетливо. Большинство государств-членов включают терроризм и экстремизм в документы национальной безопасности или специальные программные документы и поддерживают усиление координации на региональном уровне. Основные различия между ними проявляются в оценке конкретных угроз,

78 Указ Президента Республики Таджикистан от 01.06.2021 № 187 «О Стратегии противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021–2025 годы» // Министерство юстиции Республики Таджикистан. URL: https://www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=139590 . Дата обращения: 10.01.2026.

приоритетах внутреннего управления и предпочитаемых формах сотрудничества.

В отношении афганской проблематики различия в восприятии угроз выражены более заметно. Таджикистан, Узбекистан и Пакистан имеют общую границу с Афганистаном, поэтому ситуация в этой стране имеет для них непосредственное значение в сфере безопасности. В политических заявлениях Президента Кыргызстана С. Жапарова в 2024 г. также затрагивались вопросы терроризма, незаконного оборота наркотиков и экономических проблем, а также подчеркивалась необходимость усиления координации через ШОС и другие многосторонние механизмы [79]. В материалах Казахстана основное внимание уделяется гуманитарной помощи, продовольственному кризису, международному восстановлению и возобновлению двусторонних торгово-экономических связей[80]. Иран уделяет особое внимание вопросам беженцев, безопасности и региональной стабильности [81]. Китай и Россия рассматривают ситуацию в Афганистане в контексте безопасности соседних территорий и Евразийского региона. Таким образом, рассмотренные государства-члены проявляют заинтересованность в ситуации в Афганистане, однако степень воздействия соответствующих угроз и конкретные приоритеты различаются.

Место афганской проблематики в национальных повестках безопасности государств-членов также заметно различается. Для Ирана ситуация в Афганистане

79 Президент Садыр Жапаров принял участников VI Регионального диалога секретарей советов безопасности / советников по национальной безопасности по Афганистану // Кыргызское национальное информационное агентство «Кабар». 16.02.2024. URL:https://cn.archive.kabar.kg/news/cn2024-2-16-7/ Дата обращения:21.12.2024.

80 Kazakhstan Delegation Pays Working Visit to Afghanistan // Official website of the President of the Republic of Kazakhstan. URL: https://akorda.kz/en/kazakhstan-delegation-pays-working-visit-to-afghanistan-1791436 Access date:20.12.2024.

81 Федорова И.Е. Ирано-афганские отношения после прихода талибов к власти в 2021 г. // Вестник Института востоковедения РАН. – 2024. – № 3. – С. 88–94.

непосредственно связана с вопросами безопасности, беженцев и региональной стабильности, поэтому занимает более заметное место в политике безопасности и региональной политике Ирана[82]. Кыргызстан и Казахстан также придают значение стабильности Афганистана, однако их политические приоритеты дополнительно включают гуманитарную помощь, экономические связи и региональные транспортные проекты. Место афганской проблематики в национальных повестках безопасности государств-членов различается. Для государств, непосредственно граничащих с Афганистаном, особое значение имеют безопасность границ и риски распространения трансграничных угроз. В политике Ирана важное место занимают также вопросы беженцев и региональной стабильности. Казахстан и Кыргызстан рассматривают стабильность Афганистана в связи с региональной безопасностью, гуманитарной помощью и развитием экономических связей. Эти различия показывают, что государства-члены придают афганской проблематике неодинаковое значение в зависимости от своего географического положения и национальных политических приоритетов[83]. Казахстан также уделяет внимание гуманитарной помощи Афганистану, международному восстановлению и развитию торгово-экономических связей[84]. Таким образом, несмотря на то что афганская проблематика является общей темой безопасности в рамках ШОС, ее место в национальных повестках безопасности государств-членов различается.

82 Федорова И. Е. Ирано-афганские отношения после прихода талибов к власти в 2021 г. // Вестник Института востоковедения РАН. -2024. № 3. -С. 88–94.

83 Президент Садыр Жапаров принял участников VI Регионального диалога секретарей советов безопасности / советников по национальной безопасности по Афганистану // Кыргызское национальное информационное агентство «Кабар». 16.02.2024. URL:https://cn.archive.kabar.kg/news/cn2024-2-16-7/ Дата обращения:21.12.2024.

84 Kazakhstan Delegation Pays Working Visit to Afghanistan // Official website of the President of the Republic of Kazakhstan. URL: https://akorda.kz/en/kazakhstan-delegation-pays-working-visit-to-afghanistan-1791436 Access date:20.12.2024.

В отношении афганской проблематики политические цели и подходы государств-членов отличаются еще более заметно. Часть государств прежде всего обращает внимание на риски распространения угроз безопасности из Афганистана. Таджикистан имеет протяженную границу с Афганистаном, поэтому в его политике особое внимание уделяется стабильности приграничных районов, а также угрозам терроризма и экстремизма [85] . Политика Пакистана в отношении Афганистана также тесно связана с вопросами безопасности границ и борьбы с терроризмом[86]. Иран, помимо террористических угроз и стабильности границы, сталкивается с такими трансграничными проблемами, как беженцы и незаконный оборот наркотиков[87]. Хотя конкретные подходы этих государств различаются, для всех них важной целью остается ограничение трансграничных рисков безопасности, связанных с ситуацией в Афганистане.

Часть государств-членов также придает значение укреплению стабильности Афганистана через экономическое развитие и региональные связи. Узбекистан связывает афганскую проблематику с развитием транспортных, торговых и экономических связей между Центральной и Южной Азией. В политических заявлениях Казахстана и Кыргызстана наряду с вопросами безопасности затрагиваются гуманитарная помощь и региональное экономическое

85 Statement by H.E. Mr. Sirojiddin Muhriddin, Minister of Foreign Affairs of the Republic of Tajikistan, at the General Debates of the 77th Session of the United Nations General Assembly // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Tajikistan. 24.09.2022. URL: https://www.mfa.tj/en/main/view/11140/statementbyhe-mr-sirojiddin-muhriddin-minister-of-foreign-affairs-of-the-republic-of-tajikistangeneral-debates-of-the-77th-session-of-theunited-nations-general-assembly дата обращения: 12.06.2025.

86 Transcript of the Year End Review Briefing by the Spokesperson on Thursday, 26 December 2024 // Ministry of Foreign Affairs, Government of Pakistan. 26.12.2024. URL: https://mofa.gov.pk/press-releases/transcript-of-the-year-end-press-briefing-by-the-spokesperson-on-thursday-26-december-2024 Дата обращения:20.12.2025.

87 Successful Seizure of 2,400 kg of Methamphetamine in Sistan and Baluchestan Province // United Nations in the Islamic Republic of Iran. 15.12.2024. URL: https://iran.un.org/en/285910-successful-seizure-2400-kg-methamphetamine-sistan-and-baluchestan-province Дата обращения:20.12.2025.

взаимодействие. Китай, уделяя внимание безопасности и стабильности Афганистана, одновременно поддерживает экономическое восстановление страны и развитие регионального сотрудничества[88]. Таким образом, несмотря на общее внимание государств-членов к рискам безопасности, степень их заинтересованности в вопросах безопасности, экономического развития и региональных связей различается.

В отношении афганской проблематики необходимость многостороннего сотрудничества также в целом признается государствами-членами, однако содержание их запросов к такому сотрудничеству различается. Таджикистан и Пакистан уделяют значительное внимание влиянию ситуации в Афганистане на терроризм, безопасность границ и трансграничную преступность. Узбекистан, помимо вопросов безопасности, подчеркивает значение транспортных, торговых и экономических связей для укрепления стабильности Афганистана. Таким образом, у государств-членов существует общая заинтересованность в поддержании стабильности Афганистана и соседних регионов. Вместе с тем их представления о приоритетах многостороннего сотрудничества — в сфере безопасности, экономического восстановления или региональной взаимосвязанности — не полностью совпадают.

Структура интересов государств-членов по афганской проблематике имеет более сложный характер. Все государства проявляют заинтересованность в стабильности Афганистана и ее влиянии на региональную безопасность, однако

88 关于阿富汗问题的中国立场 // 中华人民共和国外交部. 12.04.2023. URL: https://www.mfa.gov.cn/wjb_673085/zzjg_673183/yzs_673193/xwlb_673195/202304/t20230412_11057782. Дата обращения:20.10.2026.

значение этого вопроса в их национальной политике безопасности различается. Государства, имеющие общую границу с Афганистаном или тесные региональные связи с ним, уделяют больше внимания безопасности границ, терроризму, незаконному обороту наркотиков и трансграничной преступности. Часть государств одновременно связывает стабильность Афганистана с торговлей, транспортом и региональными экономическими связями. В результате в данной области общие интересы в сфере безопасности сочетаются с различиями в политических приоритетах.

В сфере международной информационной безопасности государства-члены в целом усилили внимание к рискам, связанным с киберпространством и информационной средой, однако их восприятие конкретных угроз различается. Россия придает большое значение защите национального информационного пространства и обеспечению информационной безопасности[89]. Китай включает суверенитет в киберпространстве, защиту критической информационной инфраструктуры и национальную кибербезопасность в число важных направлений государственной стратегии. Казахстан уделяет внимание киберугрозам, защите информационных систем и персональных данных[90]. Пакистан выделяет такие проблемы, как кибератаки, киберпреступность, безопасность данных и защита критической инфраструктуры[91]. В Национальной политике кибербезопасности

89 Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. URL:http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 Дата обращения: 01.12.2025.

90 Об утверждении Концепции цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023–2029 годы: Постановление Правительства Республики Казахстан от 28 марта 2023 г. № 269 // Информационно-правовая система «Әділет». URL: https://old.adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000269 Дата обращения: 08.11.2025.

91 National Cyber Security Policy 2021 // Ministry of Information Technology & Telecommunication, Government of Pakistan. URL: https://pkcert.gov.pk/uploads/2023/06/2021-National-Cyber-Security-Policy-Final.pdf. Access date: 20.02.2026.

Индии 2013 г. особое внимание уделяется оценке киберрисков, защите критической информационной инфраструктуры, реагированию на инциденты и развитию национальных механизмов координации [9293] . Таким образом, государства-члены имеют общее понимание наличия рисков в сфере международной информационной безопасности, однако их представления о конкретных объектах угроз и приоритетах регулирования не полностью совпадают.

В последние годы значение международной информационной безопасности в политике государств-членов ШОС возросло, однако ее место в национальных системах обеспечения безопасности остается различным. Россия, Китай и Казахстан включают вопросы безопасности информационного пространства, защиты критической инфраструктуры или национальной информационной безопасности в документы государственной политики в сфере безопасности. Индия и Пакистан развивают соответствующее регулирование также через специальные документы и институциональные структуры в области кибербезопасности. Национальная политика кибербезопасности Пакистана 2021 г. предусматривает систему управления кибербезопасностью на национальном, отраслевом и организационном уровнях[94].

В сфере международной информационной безопасности различия в политических подходах проявляются более отчетливо. Россия и Китай уделяют

92 Матюхина Е. Н. Эволюция инфраструктуры информационной и кибербезопасности Индии // СибСкрипт. – 2024. – Т. 26, № 3 (103). – С. 447–448.

93 National Cyber Security Policy 2013. URL: https://www.meity.gov.in/content/national-cyber-security-policy-2013-0 Access date: 20.02.2026.

94 NATIONAL CYBER SECURITY POLICY 2021. Ministry of Information Technology & Telecommunication, Government of Pakistan. URL: https://pkcert.gov.pk/uploads/2023/06/2021-National-Cyber-Security-Policy-Final.pdf Дата обращения:20.02.2026.

особое внимание безопасности национального информационного пространства, защите критической информационной инфраструктуры и правилам использования информационно-коммуникационных технологий. При этом они подчеркивают значение государственного суверенитета и международных правил в регулировании информационной безопасности[9596]. В политике Индии большее внимание уделяется оценке киберрисков, реагированию на киберинциденты и развитию специализированных институтов. В Индии действуют специализированные структуры, в том числе Indian Computer Emergency Response Team (CERT-In) и National Critical Information Infrastructure Protection Centre (NCIIPC). Их деятельность направлена соответственно на реагирование на компьютерные инциденты и защиту критической информационной инфраструктуры[9798]. В National Cyber Security Policy 2021 Пакистана также важное место занимают защита критической инфраструктуры, национальная система управления кибербезопасностью и развитие возможностей реагирования на инциденты[99]. В политике ряда центральноазиатских государств-членов ШОС заметное место занимают вопросы противодействия киберпреступности, защиты

95 Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400.О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046. Дата обращения: 10.12.2025.

96 国家网络空间安全战略//国家互联网信息办公室. 27.12.2016. URL: https://www.cac.gov.cn/2016-12/27/c_1120195926.htm Дата обращения: 06.01.2026.

97 Indian Computer Emergency Response Team (CERT-In): Mission // Indian Computer Emergency Response Team. URL: https://www.cert-in.org.in/s2cMainServlet?pageid=CHARTMISSION Дата обращения:20.01.2026.

98 MINISTRY OF COMMUNICATIONS AND INFORMATION TECHNOLOGY (Department of Electronics and Information Technology) NOTIFICATION New Delhi, the 16th January, 2014. URL: https://www.meity.gov.in/static/uploads/2024/05/gazette_11-01-2014.pdf Дата обращения:20.01.2026.

99 NATIONAL CYBER SECURITY POLICY 2021.Ministry of Information Technology & Telecommunication, Government of Pakistan. URL: https://pkcert.gov.pk/uploads/2023/06/2021-National-Cyber-Security-Policy-Final.pdf Дата обращения:20.02.2026.

информационных систем и критической информационной инфраструктуры[100][101][102].

В сфере международной информационной безопасности потребность в многостороннем сотрудничестве связана прежде всего с трансграничным характером киберугроз и проблем информационной безопасности, однако конкретные приоритеты такого сотрудничества различаются. Россия и Китай на протяжении длительного времени поддерживают укрепление взаимодействия в рамках ШОС в области международной информационной безопасности и уделяют внимание правилам использования информационно-коммуникационных технологий и защите национального информационного пространства. Индия сформировала достаточно развитую систему институтов кибербезопасности и одновременно участвует в международном сотрудничестве в данной области. Национальная политика кибербезопасности Индии 2013 г. предусматривает развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества, включая обмен информацией и взаимодействие компетентных органов в сфере кибербезопасности[103]. В National Cyber Security Policy 2021 Пакистана прямо предусматриваются координация и обмен информацией с международными структурами по борьбе с киберпреступностью, а международное сотрудничество включено в систему управления кибербезопасностью. Для ряда

100 Об утверждении Концепции цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023–2029 годы: Постановление Правительства Республики Казахстан от 28 марта 2023 г. № 269 // Информационно-правовая система «Әділет». URL: https://old.adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000269 Дата обращения: 08.11.2025.

101 О кибербезопасности: Закон Республики Узбекистан от 15 апреля 2022 г. № ЗРУ-764 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: https://lex.uz/ru/mact/5960609 Дата обращения: 08.11.2025.

102 ЗАКОН КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ «О кибербезопасности Кыргызской Республики» г. Бишкек, от 17 июля 2024 года № 121.
URL: https://cert.gov.kg/ru/legislation Дата обращения: 15.11.2025.

103 National Cyber Security Policy 2013. URL: https://www.meity.gov.in/content/national-cyber-security-policy-2013-0 Access date:20.02.2026.

центральноазиатских государств-членов трансграничная киберпреступность, распространение экстремистских материалов через Интернет и риски для критической инфраструктуры повышают значение обмена информацией, сотрудничества правоохранительных органов и развития технических возможностей. Таким образом, большинство государств-членов в разной степени заинтересованы в международном сотрудничестве в сфере информационной безопасности, однако их запросы сосредоточены на разных направлениях, включая согласование правил, защиту инфраструктуры, противодействие киберпреступности и развитие соответствующих возможностей.

В сфере международной информационной безопасности существует общая основа для сотрудничества, однако в оценке рисков и приоритетов регулирования между государствами-членами сохраняются заметные различия. Кибератаки, киберпреступность и безопасность критической информационной инфраструктуры стали достаточно распространенными вопросами национальной безопасности. Вместе с тем отдельные государства уделяют различное внимание безопасности информационного пространства, защите данных, противодействию киберпреступности, защите критической инфраструктуры, развитию технических возможностей и согласованию международных правил. Поэтому в данной области общая потребность в сотрудничестве сочетается с заметными различиями в политических подходах.

Проведенное сравнение показывает, что во всех трех направлениях безопасности у государств-членов существуют общие интересы и озабоченности, однако степень совпадения интересов и характер политических различий

неодинаковы. В сфере борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом совпадение интересов выражено наиболее отчетливо. По афганской проблематике различия связаны прежде всего с географическим положением, характером отношений с Афганистаном и национальными приоритетами государств-членов. В сфере международной информационной безопасности более заметны различия в приоритетах регулирования и подходах к международному сотрудничеству. В следующем параграфе рассматривается, как расширение ШОС изменило структуру этих общих интересов и политических различий.

2.3. Расширение ШОС и изменение структуры интересов государств-членов в сфере безопасности

Расширение ШОС в 2017–2024 гг. изменило состав государств-членов и структуру представленных в организации интересов в сфере безопасности. Новые участники привнесли собственные политические приоритеты, связанные с безопасностью соответствующих регионов. На основе сравнения национальных интересов, проведенного в параграфе 2.2, далее рассматриваются изменения в соотношении совпадающих интересов и политических различий в трех областях безопасности. Особое внимание уделяется интересам новых государств-членов и их влиянию на существующие направления сотрудничества.

Еще до расширения интересы государств-членов ШОС в сфере безопасности различались по отдельным вопросам. Китай, Россия и четыре государства Центральной Азии различались по национальному потенциалу, региональным стратегиям и конкретным политическим приоритетам. Вместе с тем с точки зрения

повестки сотрудничества ШОС в сфере безопасности Центральная Азия и прилегающие к ней районы составляли важную географическую основу. Борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, ситуация в Афганистане, незаконный оборот наркотиков, трансграничная преступность и региональная стабильность на протяжении длительного времени являлись общими вопросами безопасности для государств-членов [104] . Китай и Россия обладали значительным влиянием в региональных вопросах безопасности, а четыре центральноазиатских государства имели непосредственную связь с указанными трансграничными угрозами. Таким образом, политические различия существовали и до расширения, однако основные региональные проблемы безопасности и круг участвующих в сотрудничестве государств оставались относительно концентрированными.

После вступления Индии и Пакистана в 2017 г. интересы и политические вопросы, связанные с безопасностью Южной Азии, стали частью структуры интересов государств-членов ШОС. У двух новых государств существовали общие интересы с прежними членами в борьбе с терроризмом и обеспечении стабильности Афганистана, однако восприятие угроз и политические приоритеты между ними различали [105] . Это расширение усилило взаимосвязь между проблемами безопасности Центральной и Южной Азии.

В сфере борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом изменения после расширения характеризуются значительной преемственностью интересов.

104 Гао Ханьсюнь. Расширение ШОС с точки зрения стран Центральной Азии: восприятие выгод и стратегические соображения[高焓迅. 中亚国家视阈下的上海合作组织扩员: 收益认知与战略考量]// Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии[俄罗斯东欧中亚研究] . – 2018. – № 5. – С. 118–122.

105 Ли Лян. Исследование расширения Шанхайской организации сотрудничества: процесс, последствия и контрмеры. Ланьчжоуский университет[李亮.上海合作组织扩员研究: 过程, 影响及其应对.兰州大学], 2018. – С. 93–119.

Еще до первого расширения борьба с этими угрозами являлась одним из основных направлений сотрудничества ШОС в сфере безопасности. Конкретные источники угроз и приоритеты внутренней политики шести государств различались, однако все они были заинтересованы в поддержании региональной стабильности и развитии сотрудничества в борьбе с терроризмом и экстремизмом.

После вступления Индии и Пакистана географический охват антитеррористического сотрудничества расширился, а новые государства-члены внесли в него собственное восприятие угроз и политические приоритеты, связанные с безопасностью Южной Азии. После расширения как прежние, так и новые государства-члены продолжили участвовать в антитеррористическом сотрудничестве ШОС. Индия и Пакистан совместно приняли участие в антитеррористических военных учениях «Мирная миссия – 2018», что стало одним из практических проявлений их включения в уже действующие механизмы сотрудничества [106]. Чэнь Сяодин и Ван Цуймэй также отмечают, что после расширения государства-члены сохранили общую потребность в сотрудничестве по противодействию нетрадиционным угрозам безопасности, включая терроризм[107].

Вместе с тем восприятие конкретных угроз и политические приоритеты государств-членов имеют различную направленность. Индия уделяет особое внимание трансграничному терроризму и финансированию терроризма.

106 “和平使命-2018”举行联合战役实兵演练 // 中华人民共和国国防部. 29.08.2018. URL: http://www.mod.gov.cn/gfbw/wzll/4823579_5.html Дата обращения: 06.01.2026.

107 Чэнь Сяодин, Ван Цуймэй. Пути углубления сотрудничества в области безопасности ШОС после расширения [陈小鼎,王翠梅. 扩员后上合组织深化安全合作的路径选择] // Мировая экономика и политика [世界经济与政治]. – 2019. – № 3. – С. 126–128.

Антитеррористическая политика Пакистана тесно связана с вопросами внутренней безопасности и безопасности границ, а ситуация в Афганистане является важным фактором региональной безопасности страны [108]. В результате в структуре интересов государств-членов более заметное место заняли вопросы противодействия терроризму, связанные с безопасностью Южной Азии.

После вступления Ирана в 2023 г. угрозы терроризма и экстремизма, связанные с Западной Азией, стали более заметно представлены в структуре интересов государств-членов в сфере безопасности. Го Маньжо отмечает, что борьба с терроризмом и экстремизмом относится к числу важных общих интересов безопасности Ирана и прежних государств-членов ШОС [109]. Беларусь еще до получения статуса полноправного государства-члена заявляла о готовности участвовать в рамках ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом и организованной преступностью. Ее интересы в сфере безопасности в значительной степени совпадали с уже существующей антитеррористической повесткой организации[110].

Таким образом, расширение увеличило географический охват общих интересов в сфере борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом и одновременно внесло дополнительные различия в восприятие источников угроз и политические приоритеты государств-членов. Тем не менее борьба с терроризмом,

108 National Security Policy of Pakistan 2022–26 // National Security Division, Government of Pakistan. URL: https://nsd.gov.pk/SiteImage/Publication/NSP%20Policy.pdf Дата обращения:21.12.2024.

109 Го Маньжо. Вступление Ирана в ШОС: силы, последствия и вызовы[郭曼若. 伊朗加入上合组织: 作用力, 影响及挑战]// Российские, восточноевропейские и центральноазиатские исследования[俄罗斯东欧中亚研究]. – 2023. – № 3. – С. 22.

110 SCO Summit in Samarkand // Official Internet Portal of the President of the Republic of Belarus. 16.09.2022. URL: https://president.gov.by/en/events/zasedanie-soveta-glav-gosudarstv-chlenov-shanhayskoy-organizacii-sotrudnichestva-1663326998 . Access date: 02.02.2026.

сепаратизмом и экстремизмом продолжает опираться на достаточно прочную основу общих интересов. Среди трех рассматриваемых в настоящем исследовании направлений именно в этой области наблюдается наиболее выраженная преемственность интересов государств-членов.

В отношении афганской проблематики изменения после расширения проявились более отчетливо. Еще до расширения ШОС посредством специальной конференции по Афганистану и соответствующих документов включила вопросы стабильности Афганистана, терроризма, незаконного оборота наркотиков и организованной преступности в повестку регионального сотрудничества в сфере безопасности[111]. Вступление Индии и Пакистана изменило структуру интересов государств-членов по данной проблематике.

Индия и Пакистан на протяжении длительного времени участвуют в афганских делах, однако их географическое положение и конкретные политические цели различаются. Индия рассматривает восстановление Афганистана, борьбу с терроризмом и развитие связей с Центральной Азией как важные интересы своего участия в региональном сотрудничестве. Пакистан непосредственно граничит с Афганистаном, поэтому его интересы в сфере безопасности напрямую связаны с трансграничным терроризмом, стабильностью границы и внутренней безопасностью[112]. После вступления этих двух государств число членов ШОС, имеющих значимые интересы в отношении афганской

111 上海合作组织阿富汗问题特别会议宣言 // 上海合作组织. 27.03.2009. URL: https://chn.sectsco.org/files/45859/45859 Дата обращения: 22.12.2025.

112 Ли Лян. Исследование расширения Шанхайской организации сотрудничества: процесс, последствия и контрмеры. Ланьчжоуский университет[李亮.上海合作组织扩员研究: 过程, 影响及其应对.兰州大学], 2018.C.86-88.

проблематики, увеличилось, а вопросы региональной безопасности и стратегические интересы государств Южной Азии стали непосредственно представлены в рамках организации.

Вступление Ирана в ШОС в 2023 г. еще больше изменило данную структуру интересов. Иран непосредственно граничит с Афганистаном, поэтому ситуация в этой стране тесно связана для него с вопросами безопасности границы, терроризма, экстремизма и незаконного оборота наркотиков. Го Маньруо рассматривает стабильность Афганистана как одну из важных точек совпадения интересов безопасности Ирана и прежних государств-членов ШОС[113]. В результате круг государств, непосредственно заинтересованных в афганской проблематике, стал охватывать Центральную, Южную и Западную Азию, а соответствующие интересы и политические запросы стали более разнообразными.

После расширения поддержание стабильности Афганистана и соседних регионов сохранилось в качестве общего интереса соответствующих государств-членов, однако число участников, имеющих непосредственные интересы по данному вопросу, увеличилось. На их политические позиции одновременно влияют борьба с терроризмом, безопасность границ, противодействие незаконному обороту наркотиков, региональное восстановление и собственные региональные стратегии. Поэтому среди трех рассматриваемых в настоящем исследовании направлений изменения структуры интересов государств-членов наиболее заметно проявились в афганской проблематике. После вступления Индии, Пакистана и

113 Го Маньруо. Вступление Ирана в ШОС: силы, последствия и вызовы[郭曼若. 伊朗加入上合组织: 作用力, 影响及挑战]// Российские, восточноевропейские и центральноазиатские исследования[俄罗斯东欧中亚研究]. 2023. № 3. С. 22-23.

Ирана увеличилось число государств, имеющих значимые интересы в сфере безопасности и региональной политики, непосредственно связанные с Афганистаном, а соответствующие политические запросы стали более разнообразными.

В сфере международной информационной безопасности изменения после расширения проявились прежде всего в разнообразии политических приоритетов и подходов к регулированию. Еще до расширения в рамках ШОС была сформирована основа сотрудничества в сфере международной информационной безопасности. Соглашение 2009 г. закрепило общие подходы государств-членов к рискам, связанным с информационно-коммуникационными технологиями, и определило основные направления сотрудничества[114].

После вступления Индии и Пакистана в 2017 г. их политические приоритеты в сфере кибербезопасности также стали частью структуры интересов государств-членов ШОС. Индия уделяет особое внимание защите киберинфраструктуры, оценке рисков, реагированию на киберинциденты и развитию специализированных институтов, а также участвует в двустороннем и многостороннем сотрудничестве в сфере кибербезопасности[115]. В National Cyber Security Policy 2021 Пакистана к числу важных направлений относятся защита критической инфраструктуры, национальное управление кибербезопасностью, реагирование на инциденты, а также международная координация и обмен информацией[116]. Индия и Пакистан,

114 Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности. 16.06.2009. URL: https://rus.sectsco.org/20090616/203974.html дата обращения:23.12.2025.

115 Матюхина Е. Н. Эволюция инфраструктуры информационной и кибербезопасности Индии // СибСкрипт. -2024. Т. 26. № 3 (103). – С. 446–450, 454–455.

116 NATIONAL CYBER SECURITY POLICY 2021.Ministry of Information Technology & Telecommunication,

как и прежние государства-члены, заинтересованы в сотрудничестве по противодействию трансграничным киберугрозам, однако их политические приоритеты в вопросах защиты инфраструктуры, борьбы с киберпреступностью и развития соответствующих возможностей различаются.

После вступления Ирана в 2023 г. структура интересов государств-членов в сфере информационной безопасности стала еще более разнообразной. Политика Ирана в данной области тесно связана с национальной безопасностью, защитой информационного пространства и противодействием внешним киберугрозам. Эти приоритеты дополнительно расширили разнообразие запросов государств-членов в сфере информационной безопасности. Поэтому основные изменения в данной области проявляются в разнообразии политических запросов при сохранении общей основы рисков безопасности. Государства-члены по-разному определяют конкретные риски, объекты регулирования и формы сотрудничества, однако трансграничная киберпреступность, угрозы критической информационной инфраструктуре и риски, связанные с использованием информационно-коммуникационных технологий, продолжают создавать практическую основу для сотрудничества.

Сопоставление трех направлений показывает, что расширение оказало неодинаковое влияние на структуру интересов государств-членов ШОС в сфере безопасности. В борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом наблюдается наиболее высокая преемственность интересов. Вступление новых государств

Government of Pakistan. URL: https://pkcert.gov.pk/uploads/2023/06/2021-National-Cyber-Security-Policy-Final.pdf Дата обращения:20.02.2026.

главным образом расширило географический охват общих интересов безопасности и добавило различия в восприятии угроз и политических приоритетах. Наиболее заметные изменения произошли в афганской проблематике: вступление Индии, Пакистана и Ирана увеличило число государств, имеющих непосредственные региональные интересы в сфере безопасности, и привело к более выраженному сочетанию политических запросов Центральной, Южной и Западной Азии. В сфере международной информационной безопасности расширение проявилось прежде всего в увеличении разнообразия приоритетов регулирования и запросов к сотрудничеству.

После вступления Беларуси в ШОС в 2024 г. ее политическая практика в качестве государства-члена находится на начальном этапе. Официальные заявления, сделанные до вступления, уже отражали готовность Беларуси участвовать в антитеррористическом сотрудничестве.

В целом расширение изменило состав участников и региональные связи в структуре интересов государств-членов ШОС в сфере безопасности, однако характер этих изменений различается по трем направлениям. В сфере борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом сохраняется значительная преемственность интересов. В афганской проблематике увеличилось число государств, имеющих непосредственные и значимые интересы. В сфере международной информационной безопасности более разнообразными стали приоритеты регулирования и подходы к сотрудничеству. Эти изменения создают эмпирическую основу для анализа согласования интересов государств-членов и институциональной эффективности сотрудничества в сфере безопасности в

следующей главе.

***

В настоящей главе были сопоставлены основы сотрудничества и интересы государств-членов в сфере безопасности в трех направлениях: борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, афганской проблематике и международной информационной безопасности. Во всех трех областях существуют общие потребности в сфере безопасности, однако пути развития сотрудничества, степень совпадения интересов и характер политических различий неодинаковы.

Сотрудничество в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом начало формироваться сравнительно рано и имеет достаточно устойчивую правовую и организационную основу. Государства-члены в целом поддерживают борьбу с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, а основные различия проявляются в восприятии конкретных угроз и подходах к их регулированию. Афганская проблематика тесно связана с географическим положением государств, трансграничными рисками безопасности и региональной политикой. Государства-члены по-разному расставляют приоритеты в вопросах борьбы с терроризмом, безопасности границ, противодействия незаконному обороту наркотиков и регионального восстановления. Сотрудничество в сфере международной информационной безопасности основывается на общих рисках, однако запросы государств-членов охватывают разные направления, включая безопасность

информационного пространства, защиту критической инфраструктуры, противодействие киберпреступности, развитие соответствующих возможностей и согласование международных правил.

Расширение изменило состав участников и региональные связи в структуре интересов государств-членов в сфере безопасности. После вступления Индии и Пакистана в структуре интересов государств-членов более заметно стали представлены угрозы и политические запросы, связанные с безопасностью Южной Азии, прежде всего в сфере борьбы с терроризмом и по афганской проблематике. После вступления Ирана вопросы, связанные с Афганистаном и безопасностью Западной Азии, стали более заметно представлены в структуре интересов государств-членов. Интересы Беларуси в сфере безопасности в значительной степени совпадают с уже сложившейся антитеррористической повесткой ШОС. Краткий период ее участия в качестве полноправного государства-члена позволяет пока оценивать прежде всего начальный этап включения Беларуси в другие направления сотрудничества в сфере безопасности.

Структура интересов в трех областях изменилась неодинаково. В сфере борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом сохраняется значительная преемственность интересов, а расширение главным образом расширило географический охват соответствующих интересов. В афганской проблематике возросло число государств, имеющих непосредственные региональные интересы, в рамках афганской проблематики стали одновременно представлены политические запросы государств Центральной, Южной и Западной Азии. В сфере международной информационной безопасности основным изменением стало

увеличение разнообразия приоритетов регулирования и запросов к сотрудничеству. Региональный охват интересов государств-членов в сфере безопасности постепенно расширился от Центральной Азии и прилегающих районов к вопросам, связанным с Центральной, Южной и Западной Азией, а также Восточной Европой.

Таким образом, влияние расширения на структуру интересов государств-членов в сфере безопасности имеет выраженные различия в зависимости от конкретного вопроса. Вступление новых государств увеличило число участников согласования интересов, при этом во всех трех рассматриваемых направлениях сохранились общие потребности в сфере безопасности. Поэтому последствия расширения следует оценивать с учетом конкретной проблематики безопасности, политических позиций государств-членов и степени совпадения интересов новых и прежних участников организации.

ГЛАВА 3. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ШОС В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ РАСШИРЕНИЯ

3.1. Согласование интересов государств-членов в сфере безопасности в условиях расширения

Расширение ШОС создало новые политические условия для согласования интересов государств-членов в сфере безопасности. Анализ, проведенный во второй главе, показал, что после расширения государства-члены сохраняют общие потребности в сфере борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, афганской проблематики и международной информационной безопасности. Восприятие угроз, политические приоритеты и конкретные запросы к сотрудничеству различаются в зависимости от государства и конкретного вопроса безопасности. В настоящем параграфе анализируется влияние этих различий на согласование позиций и формирование согласованной политики ШОС после расширения.

Изменение структуры интересов государств-членов было рассмотрено во второй главе. В данном параграфе анализируется следующий уровень — согласование этих интересов в рамках общих решений ШОС.

Институциональная основа согласования интересов государств-членов ШОС прежде всего связана с принципами суверенного равенства и консенсуса. Хартия Шанхайской организации сотрудничества устанавливает, что государства-члены

осуществляют сотрудничество на основе взаимного уважения суверенитета, независимости и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела и других принципов. Решения органов ШОС принимаются по общему правилу на основе консенсуса и считаются принятыми, если в процессе их рассмотрения ни одно государство-член не выдвинуло возражений[117]. Такой порядок требует, чтобы общие решения находились в пределах политических позиций, приемлемых для всех государств-членов, и одновременно позволяет им сохранять право самостоятельно принимать решения по ключевым вопросам национальной безопасности.

Принцип консенсуса соответствует межправительственному характеру сотрудничества в рамках ШОС. В сфере национальной безопасности государства-члены не передают организации централизованные полномочия по принятию и исполнению ключевых решений. Секретариат ШОС в основном выполняет организационные, технические и информационные функции. РАТС ШОС в рамках полномочий, предоставленных государствами-членами, осуществляет информационный обмен, координирует взаимодействие компетентных органов и оказывает содействие в проведении соответствующих антитеррористических мероприятий. При этом ее деятельность не заменяет полномочия национальных компетентных органов в сфере внутренней безопасности[118]. Поэтому способность ШОС согласовывать интересы государств-членов следует оценивать с учетом ее

117 Хартия Шанхайской организации сотрудничества. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3450 дата обращения: 21.11.2024.

118 Соглашение между государствами – членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре // Шанхайская организация сотрудничества. URL: https://rus.sectsco.org/images/07e8/0c/03/1608524.pdf дата обращения: 28.02.2026

официальных полномочий и фактических целей сотрудничества.

Наличие различий в интересах государств-членов не исключает институционализированного сотрудничества. Р. Аксельрод и Р.О. Кеохейн отмечают, что международное сотрудничество не требует полного совпадения интересов участников. Возможность его формирования зависит от взаимности интересов, числа участников, институциональной среды и других условий [119]. Применительно к ШОС необходимо определить, по каким вопросам безопасности государства-члены способны формировать согласованную политику и увеличило ли расширение сложность согласования интересов. Поэтому при анализе различий между государствами важно учитывать, какие интересы в сфере безопасности способны создать общую основу сотрудничества в рамках организации и каким образом эти общие интересы преобразуются в политические решения на уровне ШОС.

Политические запросы государств-членов, возникающие из их двусторонних отношений, региональных стратегий и позиций по отдельным вопросам безопасности, не включаются автоматически в общую повестку ШОС. Соответствующие интересы и озабоченности могут быть преобразованы в совместные документы, механизмы сотрудничества или практические действия только в том случае, если они входят в сферу сотрудничества, приемлемую для государств-членов. Поэтому само наличие различий интересов не позволяет непосредственно сделать вывод о снижении способности организации к

119 Axelrod, R., & Keohane, R. O. (1985). Achieving cooperation under anarchy: Strategies and institutions. World Politic, 38(1), 229–230, 238.

согласованию позиций. Вопрос о том, изменило ли расширение фактические условия согласования интересов, требует дальнейшего анализа функционирования принципа консенсуса и процесса формирования общих решений после вступления новых государств-членов.

Расширение прежде всего изменило состав участников процесса согласования интересов в рамках ШОС. В 2017 г. Индия и Пакистан стали полноправными государствами-членами, в 2023 г. к организации присоединился Иран, а в 2024 г. — Беларусь. В результате число государств, участвующих в принятии общих решений, увеличилось с шести до десяти. Изменение числа участников имеет важное значение для анализа многостороннего сотрудничества. М. Калер отмечает, что количество участников является одним из существенных условий многостороннего взаимодействия, однако большое число государств не обязательно препятствует сотрудничеству. Переговорный процесс может осуществляться также через коалиции и согласование позиций в более узком формате [120]. Б. Кременос, Ч. Липсон и Д. Снидал, в свою очередь, относят распределительные проблемы, вопросы соблюдения договоренностей, число участников и неопределенность к числу основных переменных, объясняющих различия в институциональном дизайне международных организаций [121]. Таким образом, расширение может изменять условия согласования общих решений внутри организации, однако само увеличение числа государств-членов не позволяет сделать вывод об эффективности сотрудничества. Необходимо

120 Kahler, M. (1992). Multilateralism with small and large numbers. International Organization, 46(3), 683–685, 694–706.
121 Koremenos, B., Lipson, C., & Snidal, D. (2001). The rational design of international institutions. International Organization, 55(4), 772–773.

дополнительно учитывать, способны ли существующие институты продолжать вырабатывать общие решения после расширения состава участников.

Практика принятия решений после расширения показывает, что консенсусный механизм ШОС сохранил институциональную преемственность. После вступления Индии и Пакистана в 2017 г. главы восьми государств в июне 2018 г. приняли Циндаоскую декларацию Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества. В Декларации отмечалось, что после вступления Индии и Пакистана государства-члены будут продолжать развивать сотрудничество в различных областях на основе действующих международных договоров и документов ШОС [122]. Это показывает, что первое расширение изменило состав участников совместного принятия решений, однако существующая консенсусная основа позволила включить новых членов в процесс и продолжить принятие совместных документов на уровне глав государств.

Два последующих расширения осуществлялись в рамках того же порядка принятия решений. На заседании Совета глав государств в Нью-Дели в 2023 г. была завершена процедура вступления Ирана в ШОС и приняты Нью-Делийская декларация Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества, а также совместные документы по вопросам противодействия радикализации, ведущей к терроризму, сепаратизму и экстремизму, сотрудничества в области цифровой трансформации и другим направлениям[123]. В

122 Циндаоская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. 10.06.2018. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5315 дата обращения: 28.08.2025.

123 Нью-Делийская декларация Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества. 04.07.2023. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5963 дата обращения: 28.08.2025.

2024 г. Совет глав государств принял Астанинскую декларацию Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества и ряд других документов. На том же саммите была завершена процедура вступления Беларуси в ШОС, в результате чего число государств-членов увеличилось с девяти до десяти[124]. Эти факты показывают, что в условиях последовательного изменения состава организации принцип консенсуса продолжал обеспечивать принятие совместных политических документов, а новые государства-члены включались в уже существующий многосторонний процесс принятия решений.

Поэтому необходимо различать усложнение условий согласования и фактическую эффективность механизма координации. Увеличение числа государств-членов означает, что при принятии общих решений требуется согласовывать позиции большего числа участников. Однако институциональные последствия этого изменения зависят от конкретного вопроса и от того, существует ли пространство для формирования позиции, приемлемой для всех государств-членов. Когда обсуждаемый вопрос непосредственно затрагивает интересы безопасности отдельных государств или связан с различиями в оценке конкретных угроз, способность существующего механизма согласования формировать общую позицию необходимо оценивать на основе конкретного процесса принятия решений.

После расширения сложные отношения интересов государств-членов не приводят к одинаковым результатам согласования по всем вопросам безопасности.

124 Астанинская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. 04.07.2024 // URL: https://rus.sectsco.org/20240704/1597670.html. Дата обращения: 10.10.2025.

Продолжение принятия совместных документов показывает, что само увеличение числа членов не привело к общему нарушению функционирования консенсусного механизма. В то же время заседание министров обороны государств-членов ШОС в 2025 г. представляет собой конкретный пример, позволяющий проследить давление на процесс согласования по политически чувствительному вопросу безопасности.

В июне 2025 г. в Циндао состоялось заседание министров обороны государств-членов ШОС. Министр обороны Индии Раджнатх Сингх в своем выступлении назвал терроризм, экстремизм и радикализацию важными вызовами региональной безопасности и отдельно упомянул террористическое нападение в Пахалгаме, произошедшее 22 апреля того же года. Р. Сингх подчеркнул необходимость привлечения к ответственности лиц и структур, связанных с террористической деятельностью, и призвал государства-члены ШОС ясно выступать против терроризма во всех его формах, включая трансграничный терроризм [125]. В опубликованных позднее материалах Министерства обороны Индии также указывалось, что во время двусторонних встреч с министрами обороны ряда государств-членов на полях заседания Р. Сингх поднимал вопросы нападения в Пахалгаме и последовавшей за ним индийской операции «Синдур»[126]. Открытые материалы показывают, что озабоченности Индии, связанные с нападением в Пахалгаме и трансграничным терроризмом, были прямо выражены

125 Every Act of Terrorism Is Criminal & Unjustifiable, SCO Must Unite in Eliminating the Menace for Collective Safety & Security: Raksha Mantri at SCO Defence Ministers' Meeting at Qingdao, China // Press Information Bureau, Government of India. 26.06.2025. URL: https://www.pib.gov.in/PressReleaseDetail.aspx?PRID=2139754 Access date: 28.02.2026.

126 Raksha Mantri Meets His Belarusian, Tajik & Kazakh Counterparts on the Sidelines of SCO Defence Ministers' Meeting in Qingdao, China // Press Information Bureau, Government of India. 27.06.2025. URL: https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=2140037&reg=48&lang=2 Access date: 18.08.2025

как в официальном выступлении на заседании, так и в двусторонних консультациях в его рамках.

В итоге участникам заседания не удалось принять совместное заявление. В июне 2025 г. официальный представитель Министерства иностранных дел Индии на регулярном брифинге сообщил, что по ряду вопросов между государствами-членами не был достигнут консенсус, поэтому документ не удалось окончательно согласовать. Индийская сторона стремилась отразить в документе свои озабоченности по проблеме терроризма, однако соответствующие формулировки не получили общего одобрения[127]. В сообщении агентства Reuters от того же дня также приводилось данное заявление Министерства иностранных дел Индии, а отсутствие совместного заявления связывалось с разногласиями по содержанию положений о терроризме[128]. Это показывает, что различия между государствами-членами по конкретным вопросам безопасности и формулировкам документа уже повлияли на процесс подготовки общего текста. Поскольку полный ход консультаций не был публичным, на основе открытых материалов невозможно однозначно установить все причины, по которым совместное заявление не было принято.

Совещание министров обороны в Циндао показало, что существующие различия интересов государств-членов в сфере безопасности могут создавать

127 Transcript of Weekly Media Briefing by the Official Spokesperson // Ministry of External Affairs, Government of India. 26.06.2025. URL: https://www.mea.gov.in/media-briefings?dtl/39718/Transcript_of_Weekly_Media_Briefing_by_the_Official_Spokesperson_June_26_2025 . Access date: 12.02.2026.

128 India Says Defence Gathering in China Unable to Adopt Joint Statement // Reuters. 26.06.2025. URL: https://www.reuters.com/world/china/india-says-defence-gathering-china-unable-adopt-joint-statement-2025-06-26/ Access date: 28.08.2025.

трудности при согласовании совместных документов. Несмотря на то что борьба с терроризмом на протяжении длительного времени является одним из основных направлений сотрудничества ШОС в сфере безопасности, государства-члены могут по-разному оценивать конкретные террористические нападения, вопросы ответственности и формулировки совместных документов. В условиях принципа консенсуса возражения любого государства-члена против определенной формулировки могут повлиять на принятие документа. Этот принцип, с одной стороны, позволяет государствам-членам выражать и сохранять собственные позиции по важным вопросам национальной безопасности, а с другой — делает формирование согласованной политики зависимым от приемлемости содержания документа для всех участников.

Данный случай показывает, что политически чувствительные вопросы безопасности могут повышать сложность согласования совместных документов, однако одного заседания недостаточно для оценки общей эффективности консенсусного механизма после расширения. В сентябре 2025 г. на саммите ШОС в Тяньцзине государства-члены вновь обсудили соответствующие террористические нападения и сформировали политические формулировки, приемлемые для всех участников. Это предоставляет дополнительный материал для анализа последующего развития согласования интересов при том же составе государств-членов.

Трудности с согласованием совместного документа на совещании министров обороны в Циндао не препятствовали последующему принятию общего документа на уровне глав государств. В сентябре 2025 г. Совет глав государств-членов ШОС

принял Тяньцзиньскую декларацию, в которой были осуждены террористическое нападение в Пахалгаме 22 апреля того же года, нападение на поезд «Джафар Экспресс» 11 марта и террористическое нападение в Хуздаре 21 мая. Государства-члены вновь заявили о недопустимости применения двойных стандартов в борьбе с терроризмом и подчеркнули необходимость привлечения к ответственности исполнителей, организаторов и финансирующих террористическую деятельность лиц[129]. Тяньцзиньская декларация и проект совместного заявления, обсуждавшийся в Циндао, относятся к разным уровням принятия решений и не могут рассматриваться как один и тот же переговорный процесс. Вместе с тем при неизменном составе государств-членов на последующем заседании глав государств удалось сформировать общую позицию по соответствующим террористическим нападениям.

Совещание министров обороны в Циндао и саммит глав государств в Тяньцзине проходили при одном и том же составе государств-членов ШОС, однако результаты согласования различались. В Циндао разногласия по формулировкам помешали принятию совместного документа. В Тяньцзине государства-члены смогли согласовать общую позицию по соответствующим террористическим нападениям. Эти случаи показывают, что в расширенном составе ШОС сохраняются возможности согласования позиций, хотя по отдельным политически чувствительным вопросам могут возникать трудности.

Тяньцзиньский саммит также продемонстрировал способность десяти

129 Тяньцзиньская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. 01.09.2025. URL: https://rus.sectsco.org/20250901/1958600.html. Дата обращения: 10.10.2025.

государств-членов формировать новые институциональные договоренности в других областях безопасности. В ходе Тяньцзиньского саммита были подписаны Соглашение между государствами-членами ШОС об Универсальном центре по противодействию вызовам и угрозам безопасности государств-членов ШОС и Соглашение между государствами-членами ШОС об Антинаркотическом центре ШОС[130]. Подписание этих соглашений показывает, что трудности согласования по отдельным вопросам безопасности могут одновременно существовать с формированием новых общих институциональных договоренностей в других областях. Следовательно, согласование интересов после расширения имеет выраженные различия по направлениям, а его конкретные результаты тесно связаны с наличием у государств-членов общих потребностей в сотрудничестве по соответствующим вопросам.

Таким образом, влияние расширения на согласование интересов в рамках ШОС зависит от конкретного вопроса. Увеличение числа государств-членов означает необходимость согласования большего числа политических позиций, однако фактические последствия этого изменения определяются содержанием конкретного вопроса безопасности и объемом общих интересов, которые государства способны сформировать. По вопросам, непосредственно затрагивающим национальную безопасность и имеющим высокую политическую чувствительность, согласование общих формулировок может испытывать значительное давление. В тех областях, где государства-члены имеют четко

130 Тяньцзиньская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. 01.09.2025. URL: https://rus.sectsco.org/20250901/1958600.html. Дата обращения: 10.10.2025.

выраженные общие потребности в сотрудничестве, консенсусный механизм продолжает обеспечивать принятие совместных решений. Поэтому влияние расширения на согласование интересов проявляется прежде всего в изменении условий координации и состава ее участников, тогда как конкретные результаты зависят от степени совпадения позиций государств-членов по соответствующему вопросу безопасности.

Согласование интересов и формирование согласованной политики являются лишь одним из аспектов институциональной эффективности. В следующем параграфе на основе единых аналитических показателей проводится сравнительный анализ формирования согласованной политики, функционирования механизмов сотрудничества и практической реализации сотрудничества в трех направлениях: борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, афганской проблематике и международной информационной безопасности.

3.2. Сравнительный анализ институциональной эффективности сотрудничества в различных областях безопасности

В предыдущем параграфе были рассмотрены согласование интересов государств-членов в сфере безопасности и формирование согласованной политики в условиях расширения. В настоящем параграфе на основе аналитических показателей, предложенных в параграфе 1.3, проводится сравнительный анализ институциональной эффективности сотрудничества ШОС в трех направлениях:

борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, афганской проблематике и международной информационной безопасности. Институциональная эффективность оценивается по трем критериям: формирование согласованной политики, функционирование механизмов сотрудничества и практическая реализация сотрудничества.

Формирование согласованной политики оценивается прежде всего по совместным документам, программам сотрудничества и институциональным договоренностям, принятым государствами-членами по конкретным вопросам безопасности. Функционирование механизмов сотрудничества отражает, продолжают ли устойчиво действовать постоянные органы, специальные рабочие механизмы и формы взаимодействия между компетентными органами государств-членов. Практическая реализация сотрудничества оценивается по совместным действиям, учениям, обмену информацией и другим формам практического взаимодействия, которые могут быть подтверждены открытыми источниками.

В качестве основного сравнительного рубежа используется вступление Индии и Пакистана в ШОС в 2017 г. Материалы 2023–2025 гг. используются для анализа начального этапа включения Ирана и Беларуси в уже существующие механизмы сотрудничества. Поскольку Беларусь получила статус полноправного государства-члена сравнительно недавно, имеющиеся материалы отражают главным образом начальный этап ее участия в механизмах организации.

В сфере борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом еще до расширения была сформирована сравнительно развитая институциональная основа. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом

2001 г. закрепила общие определения трех видов угроз безопасности и предусмотрела сотрудничество государств-членов в предупреждении, выявлении и пресечении соответствующей деятельности [131] . В 2002 г. было подписано Соглашение между государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре, на основе которого был создан постоянно действующий механизм сотрудничества[132]. Таким образом, еще до первого расширения 2017 г. в данной области уже существовали общая правовая база и специальная постоянно действующая структура.

После расширения этот политико-правовой и организационный каркас продолжил функционировать. В Астанинской декларации Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества 2024 г. государства-члены вновь подтвердили совместную борьбу с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. В тот же период была утверждена программа сотрудничества государств-членов ШОС на 2025–2027 гг. в данной области, предусматривающая дальнейшее проведение совместных антитеррористических учений и развитие взаимодействия между компетентными органами[133].

Изменения после расширения в этой области проявились также во включении новых государств-членов в уже существующие механизмы сотрудничества. После вступления Индии и Пакистана их компетентные органы стали участвовать в ранее

131 Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. 15.06.2001.//МИД РОССИИ. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/50554/ дата обращения: 30.08.2025.

132 Соглашение между государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре. 07.06.2002. //Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3864 дата обращения: 30.08.2025.

133 Астанинская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. 04.07.2024 URL: https://rus.sectsco.org/20240704/1597670.html. Дата обращения: 10.10.2025.

созданных форматах взаимодействия. После получения статуса полноправного государства-члена Иран также вошел в регулярную работу РАТС ШОС. В марте 2024 г. в Ташкенте состоялось 41-е заседание Совета РАТС ШОС, в котором приняли участие представители компетентных органов Индии, Ирана, Пакистана и других государств-членов [134] . Таким образом, новые государства-члены были включены в постоянно действующие процедуры, сформированные до расширения, а РАТС ШОС продолжила выполнять функции координации между компетентными органами государств-членов.

Практическое сотрудничество дополнительно показывает способность существующих механизмов включать новых участников. После вступления Индии и Пакистана их оборонные ведомства вошли в уже действующие форматы военного взаимодействия ШОС и начали участвовать в соответствующих мероприятиях. В совместных антитеррористических военных учениях «Мирная миссия – 2018», прошедших в Чебаркуле в Российской Федерации, вооруженные силы Индии и Пакистана впервые приняли участие в учениях такого формата. В Совместном коммюнике по итогам Совещания министров обороны государств-членов ШОС 2019 г. данный факт был прямо отмечен, а также была подтверждена необходимость продолжения совместных антитеррористических военных учений серии «Мирная миссия» [135] . Таким образом, участие Индии и Пакистана распространилось от совместных документов и ведомственных встреч на

134 Делегация Секретариата ШОС приняла участие в церемонии открытия 41-го заседания Совета РАТС ШОС // Шанхайская организация сотрудничества. 30.03.2024. URL:https://rus.sectsco.org/20240330/1311147.html . Дата обращения: 10.10.2025.

135 Joint Communique on the results of the Meeting of Defence Ministers of SCO Member States // Shanghai Cooperation Organisation. 29.04.2019. URL:https://eng.sectsco.org/20190429/533861.html Access date: 10.10.2025.

практические совместные учения.

После вступления Ирана его участие в существующих механизмах антитеррористического сотрудничества также постепенно расширялось. В декабре 2025 г. в Тебризе, Исламская Республика Иран, состоялся заключительный этап совместных антитеррористических учений государств-членов ШОС «Sahand-Antiterror-2025». В учениях приняли участие представители государств-членов, а также директор Исполнительного комитета РАТС ШОС [136] . Представитель Комитета государственной безопасности Республики Беларусь, являющийся членом Совета РАТС ШОС, также принял участие в соответствующих мероприятиях[137].

Приведенные материалы показывают, что сформированные до расширения политико-правовая основа и постоянно действующие механизмы сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом продолжили функционировать после вступления новых государств-членов. Индия, Пакистан, Иран и Беларусь последовательно включались в соответствующие формы сотрудничества. Рассмотренные примеры показывают, что расширение состава участников сопровождалось включением новых государств-членов в ранее сформированные механизмы ведомственной координации и совместных мероприятий.

Афганская проблематика имеет иную институциональную траекторию. В

136 On the Joint Anti-Terrorism Exercises of the Shanghai Cooperation Organization Member States // Shanghai Cooperation Organisation. 05.12.2025. URL: https://eng.sectsco.org/20251205/2093981.html Access date: 17.02.2026.
137 On the Joint Anti-Terrorism Exercises of the Shanghai Cooperation Organization Member States // Shanghai Cooperation Organisation. 05.12.2025. URL: https://eng.sectsco.org/20251205/2093981.html Access date: 17.02.2026.

2005 г. ШОС и Афганистан создали Контактную группу, которая стала специальным каналом институционализированного диалога по вопросам безопасности и смежным проблемам. В 2009 г. специальная конференция ШОС по Афганистану приняла соответствующие заявления и план действий, включив в рамки сотрудничества борьбу с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков и организованной преступностью[138]. После вступления Индии и Пакистана в 2017 г. государства-члены продолжили формировать согласованную политику по афганской проблематике. В июне 2019 г. во время Бишкекского саммита была подписана Дорожная карта дальнейших действий Контактной группы «ШОС – Афганистан». В 2021 г. министры иностранных дел государств-членов в рамках Контактной группы выступили с совместным заявлением и вновь подчеркнули необходимость реализации Дорожной карты. С точки зрения формирования согласованной политики после расширения афганская проблематика продолжила оставаться частью общей повестки безопасности государств-членов.

Согласно официальным материалам ШОС, после создания Контактной группы в 2005 г. в марте 2009 г. состоялась специальная конференция по Афганистану, по итогам которой были приняты соответствующие заявления и план действий. Запланированное на тот же год последующее заседание Контактной группы не состоялось из-за отсутствия консенсуса, после чего ее деятельность была приостановлена до 2017 г. После возобновления работы заседания Контактной

138 Контактная группа «ШОС – Афганистан».16.07.2019. URL: https://rus.sectsco.org/20190716/565424.html Дата обращения: 10.02.2026; JOINT STATEMENT of Foreign Ministers of SCO Member States on the Results of the Meeting in the Format of the SCO-Afghanistan Contact Group // Shanghai Cooperation Organisation. 14.07.2021. URL: https://eng.sectsco.org/20210714/768326.html Access date:02.12.2025.

группы проходили в Москве в 2017 г., в Пекине в 2018 г. и в Бишкеке в 2019 г. В заседании 2019 г. уже участвовали восемь государств-членов после первого расширения[139]. По сравнению с постоянным функционированием РАТС ШОС деятельность Контактной группы по Афганистану носила более выраженный этапный характер. После возобновления работы в 2017 г. новые государства-члены вошли в этот механизм, однако основа его функционирования заметно отличалась от постоянно действующих механизмов сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.

После принятия Дорожной карты появились и отдельные наблюдаемые примеры практической реализации сотрудничества. В сентябре 2019 г. грузовой поезд отправился из афганского Хайратона через Узбекистан и Казахстан в Китай. Секретариат ШОС охарактеризовал эту перевозку как первый конкретный пример реализации Дорожной карты Контактной группы «ШОС – Афганистан»[140]. Проект опирался на уже существующие трансграничные транспортные возможности государств-членов и показал, что отдельные положения Дорожной карты получили практическое продолжение.

Этот пример отражает особенности практической реализации сотрудничества по афганской проблематике. Афганская повестка включает борьбу с терроризмом и наркотиками, экономическое восстановление и трансграничные транспортные связи. Практическая реализация сотрудничества в этих

139 SCO-Afghanistan Contact Group Held Its Third Meeting with SCO Participation in Bishkek // Shanghai Cooperation Organisation. 19.04.2019. URL: https://eng.sectsco.org/20190419/533099.html. Access date: 10.12.2025.
140 The SCO Secretariat participates in the 8th Heart of Asia-Istanbul Process Ministerial Conference. 11.12.2019. URL: https://eng.sectsco.org/20191211/612107.html. Access date: 10.02.2026.

направлениях во многом зависит от уже существующих проектов государств-членов и трансграничной инфраструктуры. При этом в открытых источниках сравнительно немного материалов о длительных практических проектах, которые можно однозначно отнести к коллективным механизмам ШОС. Помощь Афганистану, инфраструктурные проекты и двусторонние инициативы отдельных государств-членов также не могут автоматически рассматриваться как результаты многостороннего сотрудничества ШОС. После возобновления работы Контактной группы Индия и Пакистан вошли в этот механизм, а государства-члены продолжили принимать Дорожную карту и совместные заявления. Вместе с тем число устойчивых проектов, которые можно однозначно отнести к коллективным механизмам ШОС, остается ограниченным, а реализация соответствующих договоренностей во многом опирается на уже существующие проекты государств-членов и трансграничные условия сотрудничества.

В сфере международной информационной безопасности сложилась иная институциональная структура. Еще до первого расширения ШОС сформировала общую политическую основу и специальный механизм координации. В 2006 г. государства-члены приняли решение создать Группу экспертов по международной информационной безопасности, а в 2009 г. было подписано Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности, которое дополнительно закрепило направления взаимодействия в этой сфере[141]. После вступления Индии и Пакистана прежняя политико-правовая

141 Agreement on Cooperation in Ensuring International Information Security between the Member States of the Shanghai

основа продолжила действовать. В январе 2018 г. в Ухане состоялось очередное заседание Группы экспертов по международной информационной безопасности. Это было первое заседание данного механизма после расширения, в котором совместно участвовали представители восьми государств-членов. По итогам консультаций стороны договорились продолжить реализацию межправительственного соглашения 2009 г[142]. Это показывает, что после первого расширения новые государства-члены смогли непосредственно войти в уже существующий профессиональный механизм координации.

В 2023 г. в Пекине состоялось очередное заседание Группы экспертов по международной информационной безопасности. Иран как новое государство-член принял участие в работе Группы, а Беларусь участвовала в качестве государства-наблюдателя. На заседании также обсуждалась реализация плана сотрудничества в сфере международной информационной безопасности на 2022–2023 гг [143] . Последовательное включение Индии, Пакистана и Ирана в экспертный механизм, созданный еще до расширения, показывает, что в сфере международной информационной безопасности сформировались относительно устойчивые профессиональные процедуры координации, которые сохраняли значительную преемственность в условиях изменения состава государств-членов.

Практическое сотрудничество в сфере международной информационной безопасности отличается от двух других рассматриваемых направлений. В рамках

Cooperation Organization. 16.06.2009. URL: https://eng.sectsco.org/20090616/1626432.html Access date: 10.02.2026.
142 上海合作组织支持互联网安全与发展.26.01.2018. URL: https://chn.sectsco.org/20180126/377846.html Дата обращения: 10.02.2026.
143 Regular meeting of SCO Expert Group on International Information Security.19.11.2023. URL: https://eng.sectsco.org/20231119/Regular-meeting-of-SCO-Expert-Group-on-International-Information-Security-966466.html Access date:10.04.2026.

РАТС ШОС компетентные органы государств-членов уже осуществляли совместную работу по противодействию использованию Интернета в террористических, сепаратистских и экстремистских целях. Учения по противодействию кибертерроризму «Сямэнь – 2019» стали одним из важных примеров практического сотрудничества после расширения. В Московской декларации Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества 2020 г. данное учение было специально упомянуто при подведении итогов сотрудничества государств-членов в соответствующей сфере безопасности [144] . Это показывает, что сотрудничество по противодействию кибертерроризму перешло на уровень практических совместных действий.

Учения «Сямэнь – 2019» проводились главным образом в рамках РАТС ШОС и были непосредственно направлены на противодействие террористической, сепаратистской и экстремистской деятельности с использованием Интернета. Этот пример показывает, что та часть сотрудничества в сфере международной информационной безопасности, которая связана с антитеррористическими функциями, уже получила практическую реализацию. Более широкое сотрудничество в сфере информационной безопасности и согласование международных правил в большей степени представлены межправительственными соглашениями, совместными позициями, планами сотрудничества и работой экспертной группы. В результате сложилась институциональная структура, отличающаяся от двух других направлений: формирование согласованной

144 The Moscow Declaration of the Council of Heads of State of the Shanghai Cooperation Organisation.10.11.2020. URL: https://eng.sectsco.org/20201110/690356.html Access date: 10.04.2026.

политики и экспертная координация сохраняют сравнительно высокую преемственность, тогда как наблюдаемые в открытых источниках практические действия сосредоточены прежде всего на конкретных направлениях, связанных с уже существующими антитеррористическими механизмами.

Сравнение трех направлений показывает, что после расширения наибольшая преемственность наблюдается в сфере формирования согласованной политики. После вступления Индии и Пакистана государства-члены продолжили принимать программы антитеррористического сотрудничества, Дорожную карту по афганской проблематике и договоренности в сфере международной информационной безопасности. После вступления Ирана он также был включен в соответствующие механизмы политической координации. Расширение увеличило число позиций, которые необходимо учитывать при формировании согласованной политики, однако во всех трех направлениях продолжили приниматься совместные документы и формироваться договоренности о сотрудничестве. Рассмотренный в параграфе 3.1 пример совещания министров обороны в Циндао показывает, что по отдельным политически чувствительным вопросам принятие совместных документов может сопровождаться трудностями согласования позиций государств-членов.

Более выраженные различия между тремя направлениями наблюдаются в функционировании механизмов сотрудничества. В сфере борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом сотрудничество опирается на длительно действующую РАТС ШОС, что позволяет новым государствам-членам включаться в уже существующие рабочие процедуры. Группа экспертов по международной

информационной безопасности также последовательно включила Индию, Пакистан и Иран и сохранила преемственность экспертной координации. Контактная группа ШОС – Афганистан пережила длительный период приостановки деятельности и после возобновления работы в 2017 г. восстановила регулярные рабочие контакты. Это различие показывает, что функционирование механизмов после расширения связано с институциональной основой, сформированной еще до вступления новых государств-членов. Устойчивые рабочие процедуры и постоянная организационная деятельность создают более благоприятные условия для включения новых участников через уже существующие каналы. В тех областях, где преемственность работы механизма была слабее, сотрудничество после расширения также носит более выраженный этапный характер.

На уровне практической реализации сотрудничества эти различия становятся еще более заметными. В сфере борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом уже сформировались устойчивые формы практического взаимодействия, включая совместные антитеррористические учения, в которые после расширения были включены новые государства-члены. По афганской проблематике, несмотря на принятие Дорожной карты и наличие отдельных примеров, официально отнесенных ШОС к ее реализации, практическое сотрудничество в большей степени зависит от конкретных проектов и уже существующих условий взаимодействия государств-членов. В сфере международной информационной безопасности совместные документы и экспертный механизм продолжают действовать, тогда как практическое

взаимодействие сосредоточено главным образом на таких направлениях, как противодействие кибертерроризму. Сопоставление трех уровней показывает, что преемственность механизмов влияет на переход от согласованной политики к конкретным формам сотрудничества и тем самым формирует различия в институциональной эффективности трех направлений.

Таким образом, после расширения ШОС во всех трех рассматриваемых областях безопасности сохраняется возможность формирования согласованной политики. Основные различия в институциональной эффективности проявляются в устойчивости механизмов сотрудничества и практической реализации совместных решений. Наиболее высокая институциональная преемственность наблюдается в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. По афганской проблематике функционирование специализированных механизмов имеет менее устойчивый характер. В сфере международной информационной безопасности сохраняется экспертная координация, однако практическое взаимодействие, подтверждаемое открытыми источниками, сосредоточено преимущественно на отдельных направлениях. Сравнение показывает, что институциональная основа, сформированная до расширения, имеет существенное значение для дальнейшего функционирования механизмов и включения новых государств-членов в сотрудничество.

3.3. Институциональная адаптация, ограничения и перспективы сотрудничества в сфере безопасности

Расширение ШОС поставило перед действующими институтами задачу

включения новых государств-членов в существующие механизмы сотрудничества в сфере безопасности. Возможности институциональной адаптации зависят от устойчивости рабочих процедур, степени совпадения интересов государств-членов и особенностей конкретной области безопасности. В данном параграфе рассматриваются условия дальнейшего развития сотрудничества, политические ограничения и перспективы функционирования существующих и новых механизмов ШОС.

Принцип консенсуса сохраняет единые правила участия государств-членов в формировании согласованной политики после расширения. После вступления Индии, Пакистана, Ирана и Беларуси все государства-члены продолжают участвовать в процессе принятия решений на равной основе, а общие решения формируются в пределах позиций, приемлемых для всех участников. Проведенный выше анализ показывает, что после расширения государства-члены продолжили принимать совместные документы и формировать договоренности в сфере борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, международной информационной безопасности и по афганской проблематике.

Исследование Т. Зоммерер и ее соавторов о принятии решений в международных организациях показывает, что институциональный дизайн влияет на условия формирования политических результатов, а степень сохранения государствами-членами контроля над принятием решений является одним из важных факторов[145]. Принцип консенсуса в ШОС позволяет новым государствам-

145 Sommerer, T., Squatrito, T., Tallberg, J., & Lundgren, M. (2022). Decision-making in international organizations: institutional design and performance. The Review of International Organizations, 17(4), 817-819.

членам участвовать в формировании согласованной политики на основе уже существующих правил и одновременно сохраняет за всеми членами право участвовать в принятии решений по вопросам безопасности. Такая институциональная организация способствует равному участию государств-членов и позволяет формировать согласованную политику в пределах приемлемого для них круга интересов. В результате базовая преемственность процедуры принятия решений сохраняется, что создает политическую основу для продолжения многостороннего сотрудничества между государствами с различными интересами в сфере безопасности.

Существующие специализированные механизмы сотрудничества также предоставляют институциональные каналы для участия новых государств-членов. После вступления Индии и Пакистана в 2017 г. обе страны постепенно вошли в уже действующие форматы оборонного и антитеррористического сотрудничества и в 2018 г. впервые в качестве полноправных государств-членов приняли участие в совместных антитеррористических военных учениях «Мирная миссия – 2018». После получения Ираном статуса полноправного государства-члена в 2023 г. он также начал участвовать в работе Совета РАТС ШОС, Группы экспертов по международной информационной безопасности и других уже существующих механизмов. Эти примеры показывают, что ранее созданные структуры и рабочие процедуры способны включать новых участников посредством расширения состава сотрудничества.

Вэй Бин в исследовании расширения региональных институтов безопасности отмечает, что уровень институционализации и внутренняя структура организации

могут влиять на ее функционирование после расширения[146]. Применительно к ШОС длительное сотрудничество в сфере безопасности привело к формированию ряда относительно устойчивых специализированных платформ. После вступления новые государства-члены могут постепенно включаться в уже действующие рабочие процедуры, что снижает необходимость заново создавать механизмы сотрудничества при каждом расширении. Таким образом, накопленный институциональный опыт обладает способностью последовательно включать новых участников и является одним из важных условий сохранения преемственности сотрудничества в сфере безопасности после расширения.

Вступление Беларуси в ШОС в 2024 г. еще больше расширило состав организации. Исследование Дэн Чжоу и Сюэ Сяоюй, посвященное мотивам вступления Беларуси и ее предпочтениям в сотрудничестве, показывает, что безопасность является одним из важных направлений ее участия в ШОС[147]. Поскольку период ее членства пока остается непродолжительным, имеющиеся материалы отражают главным образом начальный этап включения Беларуси в механизмы организации. В 2024 г. Беларусь участвовала в деятельности Совета РАТС ШОС в качестве государства-наблюдателя, а после получения статуса полноправного члена стала включаться в соответствующие специализированные форматы сотрудничества. Это показывает, что существующие механизмы продолжают адаптироваться к расширению состава участников.

146 Вэй Бин. Механизмы и движущие силы расширения региональных институтов безопасности[魏冰.地区安全制度扩员的机制与动力]// Современная Азия-Тихоокеанский регион[当代亚太].2021. № 4. С.67-68.

147 Дэн Чжоу,Сюэ Сяоюй. Мотивации, предпочтения в сотрудничестве и последствия вступления Беларуси в Шанхайскую организацию сотрудничества[邓锦、薛晓钰.白俄罗斯加入上海合作组织的动因、合作偏好及影响]// Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии[俄罗斯东欧中亚研究].2025, № 2, С.45.

Вместе с тем существование институциональной основы для включения новых членов не устраняет ограничений, возникающих после расширения. Формирование согласованной политики требует согласования большего числа интересов и политических позиций. Государства-члены могут по-разному оценивать конкретные проблемы безопасности, вопросы ответственности и формулировки совместных документов. Проанализированный выше случай совещания в Циндао показывает, что по отдельным политически чувствительным вопросам безопасности уже возникают наблюдаемые трудности при согласовании совместных документов. Чжан Цзяолун отмечает, что увеличение числа государств-членов может влиять на внутреннюю структуру организации, механизмы ее функционирования и пространство для сотрудничества[148]. Пэн Синь также указывает, что продолжение расширения, одновременно увеличивая функциональные возможности и географический охват организации, предъявляет более высокие требования к ее способности координировать позиции и осуществлять управление[149]. Эти исследования показывают, что изменение числа участников влияет на формирование согласованной политики через конкретный процесс согласования интересов. Чем шире совпадение интересов государств-членов по определенному вопросу безопасности, тем больше возможностей для формирования согласованной политики. При увеличении различий между политическими позициями достижение общей позиции требует более

148 Чжан Цзяолун. Вызовы после расширения ШОС и меры реагирования: с точки зрения отношений международных организаций и международных норм [张蛟龙:《扩员后上海合作组织的挑战与应对——基于国际组织与国际规范关系的视角》] // Региональное и глобальное развитие [区域与全球发展]. – 2021. – № 6. – С. 42–43.

149 Пэн Синь. Многообразие институциональных функций и расширение ШОС[彭昕.制度功能的多重性与上海合作组织扩员]// Дипломатическое обозрение[外交评论]. 2024. № 2. С. 132-133.

интенсивного согласования.

Принцип консенсуса дополнительно определяет институциональные рамки такого согласования. По мере увеличения числа участников общие решения должны формироваться с учетом большего количества политических позиций и оставаться приемлемыми для всех государств-членов. Вопросы, затрагивающие региональные политические противоречия и ключевые интересы национальной безопасности, предъявляют более высокие требования к политическому консенсусу. Принцип консенсуса позволяет государствам-членам сохранять контроль над общими решениями в сфере безопасности и основывает политику организации на взаимно приемлемых позициях. Его институциональная роль поэтому имеет два взаимосвязанных аспекта. С одной стороны, равное участие государств-членов и сохранение самостоятельности в принятии решений способствуют поддержанию политической приемлемости внутри организации. С другой стороны, содержание согласованной политики ограничивается фактической степенью достигнутого между государствами-членами консенсуса.

После расширения эта институциональная особенность проявляется еще более отчетливо. ШОС может посредством постоянных консультаций расширять пространство общих интересов, однако развитие специализированного сотрудничества должно соответствовать уже достигнутому политическому консенсусу. После расширения организация по-прежнему определяет приемлемые для всех государств-членов рамки сотрудничества через согласование позиций. По вопросам, где общие интересы выражены более четко, легче формируется устойчивое сотрудничество. В областях с более значительными политическими

различиями процесс согласования требует больше времени и усилий.

Способность существующих институтов включать новых участников различается по отдельным направлениям. В сфере борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом действуют постоянно функционирующие структуры и устойчивые формы практического сотрудничества, поэтому новые государства-члены могут включаться в уже существующие рабочие процедуры. Группа экспертов по международной информационной безопасности продолжает функционировать, однако практическое сотрудничество в данной области в большей степени сосредоточено на отдельных направлениях, связанных с противодействием кибертерроризму. Контактная группа ШОС – Афганистан прошла через периоды приостановки и возобновления деятельности, поэтому ее институциональная преемственность остается более ограниченной.

О.С. Поршнева и С.Л. Разинков в исследовании институционального становления и эволюции ШОС отмечают, что в процессе длительного развития организация постепенно сформировала многоуровневую и специализированную структуру сотрудничества[150]. Проведенное в настоящем исследовании сравнение показывает, что накопленные институциональные основы создают неодинаковые условия для включения новых государств-членов в конкретные направления взаимодействия.

Проведенный анализ показывает, что институциональная адаптация ШОС после расширения имеет выраженный отраслевой характер. Различия между

150 Поршнева О.С., Разинков С.Л. Институциональное становление и эволюция деятельности ШОС: опыт ретроспективного анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 275–276.

областями безопасности связаны с объемом общих интересов, характером задач сотрудничества и институциональной основой, сложившейся до расширения. Поэтому глубина сотрудничества и темпы институционального развития также различаются. В областях с более зрелой институциональной базой и устойчивыми общими интересами существует больше возможностей для развития практического взаимодействия. В политически чувствительных сферах или в тех областях, где институциональная основа остается менее развитой, сотрудничество в большей степени зависит от устойчивости политической координации и специализированных контактов. Такая дифференциация соответствует межправительственному характеру ШОС, основанному на совместном уполномочивании государств-членов, и позволяет организации развивать различные по глубине формы сотрудничества в рамках общей институциональной системы.

Способность преобразовывать согласованную политику в конкретное сотрудничество представляет собой еще одно важное условие институциональной адаптации. Т. Гутнер и А. Томпсон подчеркивают, что результативность международных организаций необходимо анализировать по различным этапам и компонентам их деятельности[151]. Й. Талльберг и его соавторы, в свою очередь, рассматривают политические результаты как один из важных показателей деятельности международных организаций[152].

151 Gutner, T., & Thompson, A. (2010). The politics of IO performance: A framework. The Review of International Organizations, 5(3), 234–236.

152 Tallberg, J., Sommerer, T., Squatrito, T., & Lundgren, M. (2016). The performance of international organizations: A policy output approach. Journal of European Public Policy, 23(7), 1079–1080.

Исходя из аналитической рамки, сформированной выше, в настоящем параграфе институциональная эффективность сотрудничества ШОС в сфере безопасности рассматривается по трем направлениям: формирование согласованной политики, функционирование механизмов сотрудничества и практическая реализация сотрудничества. Сравнительный анализ, проведенный в параграфе 3.2, показывает, что после расширения формирование согласованной политики в целом сохранило преемственность, тогда как более заметные различия между тремя областями проявляются в функционировании механизмов и практической реализации сотрудничества. Формирование совместных документов представляет собой уровень политических результатов институциональной эффективности. Функционирование специализированных механизмов и конкретная совместная деятельность дополнительно показывают, в какой степени согласованная политика преобразуется в практическое сотрудничество. Способность специализированных структур и компетентных органов государств-членов последовательно реализовывать согласованную политику, а также способность соответствующих механизмов формировать конкретные формы взаимодействия непосредственно влияют на практическое проявление институциональной эффективности после расширения.

Этот вывод позволяет более конкретно определить направления институциональной адаптации после расширения. Сформированные в рамках ШОС стратегические документы, планы действий и совместные заявления определяют направления сотрудничества, приемлемые для государств-членов. РАТС ШОС, экспертные группы и компетентные органы государств-членов

обеспечивают специализированную координацию и практическое взаимодействие. В областях с более развитой институциональной основой уже сформировались относительно устойчивые механизмы сотрудничества. Рабочие планы, координация между компетентными органами и регулярные специализированные мероприятия создают институциональные каналы для реализации согласованной политики. В областях с менее развитой институциональной основой основными каналами сохранения преемственности сотрудничества остаются политическая координация и профессиональные контакты, которые позволяют расширять практическое взаимодействие по отдельным проектам при наличии общих потребностей.

Такая адаптация может осуществляться в рамках существующей институциональной структуры и учитывать конкретные условия сотрудничества в различных областях. Ее основным направлением является повышение устойчивости функционирования уже существующих механизмов, чтобы согласованная политика государств-членов последовательно преобразовывалась в практическое сотрудничество.

Процесс институциональной адаптации ограничен межправительственным характером ШОС и объемом полномочий, предоставленных ее органам государствами-членами. Функции существующих структур определяются совместными решениями государств-членов. Секретариат ШОС, РАТС ШОС и различные специализированные механизмы действуют в пределах установленных полномочий. После расширения повышение устойчивости их функционирования возможно за счет расширения участия государств-членов, совершенствования

рабочих процедур и укрепления взаимодействия между компетентными органами.

В развитии механизмов безопасности ШОС уже появились новые институциональные решения. Астанинская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества 2024 г. предусматривала дальнейшее совершенствование механизмов сотрудничества по противодействию вызовам и угрозам безопасности. На Тяньцзиньском саммите 2025 г. были подписаны Соглашение между государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества об Антинаркотическом центре Шанхайской организации сотрудничества и Соглашение между государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества об Универсальном центре по противодействию вызовам и угрозам безопасности государств-членов Шанхайской организации сотрудничества, а также утверждена Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2035 года[153]. Эти решения создали новые организационные условия для сотрудничества в сфере безопасности после расширения и определили направления его развития на среднесрочную перспективу.

Создание новых структур расширяет институциональную основу специализированного сотрудничества в сфере безопасности145. Поскольку соответствующие соглашения были подписаны незадолго до окончания хронологических рамок настоящего исследования, их фактическая эффективность пока не может быть оценена. В рамках настоящего анализа можно предположить,

153 Астанинская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. 04.07.2024. URL: https://rus.sectsco.org/20240704/1597670.html Дата обращения: 10.10.2025; Перечень документов, подписанных в ходе заседания Совета глав государств-членов ШОС // Шанхайская организация сотрудничества. 01.09.2025. URL: https://rus.sectsco.org/20250901/1958273.html Дата обращения: 03.02.2026.

что устойчивость их функционирования будет зависеть от формирования рабочих процедур, участия государств-членов и распределения функций между новыми и уже действующими механизмами[154].

Сфера борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом имеет сравнительно устойчивую основу для дальнейшего развития. РАТС ШОС уже располагает постоянно действующими рабочими процедурами, а компетентные органы государств-членов регулярно участвуют в совместных антитеррористических учениях. Принятая в 2024 г. программа сотрудничества государств-членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2025–2027 гг. продолжила данное направление взаимодействия. На Тяньцзиньском саммите 2025 г. была также утверждена Программа сотрудничества государств-членов Шанхайской организации сотрудничества в противодействии экстремистской идеологии на пространстве Шанхайской организации сотрудничества на 2026–2030 годы. Поэтому дальнейшее развитие сотрудничества в этой области может опираться на уже существующие механизмы и продолжать расширение участия новых государств-членов посредством рабочих программ, координации компетентных органов и совместных действий.

Международная информационная безопасность является одним из важных направлений дальнейшей адаптации механизмов безопасности ШОС. Новые институциональные решения создают дополнительные условия для развития сотрудничества в данной сфере. В официальных материалах ШОС о механизмах

154 Перечень документов, подписанных в ходе заседания Совета глав государств-членов ШОС // Шанхайская организация сотрудничества. 01.09.2025. URL: https://rus.sectsco.org/20250901/1958273.html . Дата обращения: 03.02.2026.

сотрудничества в сфере безопасности указывается, что создаваемый Универсальный центр по противодействию вызовам и угрозам безопасности включает Центр информационной безопасности[155]. Тем самым сотрудничество в сфере международной информационной безопасности получает дополнительную специализированную организационную основу. Действующая Группа экспертов по международной информационной безопасности в основном обеспечивает политическую коммуникацию и профессиональную координацию, тогда как Центр информационной безопасности может создать дополнительные возможности для взаимодействия компетентных органов и практической деятельности. Анализ, проведенный в параграфе 3.2, показал, что подтверждаемое открытыми источниками практическое сотрудничество в данной области пока сосредоточено главным образом на противодействии кибертерроризму. Поэтому вопрос о том, сможет ли новая структура расширить практическое содержание сотрудничества, зависит от формирования ее рабочих процедур, участия государств-членов и распределения функций между ней, экспертной группой и РАТС ШОС.

Перспективы сотрудничества по афганской проблематике в большей степени зависят от политических условий. Тяньцзиньская декларация 2025 г. вновь подтвердила общую позицию государств-членов в поддержку мира, стабильности и развития Афганистана, что показывает сохранение данной проблематики в повестке ШОС в сфере безопасности. Вместе с тем деятельность Контактной группы ШОС – Афганистан ранее прерывалась, а количество устойчивых

155 Об участии в Глобальном форуме по сотрудничеству в области общественной безопасности // Шанхайская организация сотрудничества. 17.09.2025. URL: https://rus.sectsco.org/20250917/1988715.html Дата обращения: 03.09.2026.

многосторонних проектов, которые можно подтвердить на основе имеющихся материалов, остается сравнительно ограниченным. Дальнейшее сотрудничество в данной области будет в значительной степени зависеть от политической координации между государствами-членами, работы Контактной группы и реализации конкретных проектов. Его преемственность также будет зависеть от внутренней ситуации в Афганистане и способности государств-членов сохранять общие позиции.

Таким образом, дальнейшее развитие трех направлений сотрудничества ШОС в сфере безопасности будет происходить по различным институциональным траекториям. Сотрудничество в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом опирается на постоянно действующую структуру и устойчивые формы практического взаимодействия, что позволяет продолжать включение новых государств-членов через существующие механизмы. В сфере международной информационной безопасности уже сформированы политическая основа и экспертный механизм, а создание Центра информационной безопасности в составе Универсального центра создает дополнительные возможности для развития практического сотрудничества. По афганской проблематике основными каналами по-прежнему остаются политическая координация и Контактная группа ШОС – Афганистан. Новые институциональные решения, принятые в 2025 г., создают дополнительные условия для развития сотрудничества в сфере безопасности после расширения. Их институциональная эффективность будет зависеть от устойчивого участия десяти государств-членов, стабильности работы новых структур и способности преобразовывать совместные политические

решения в конкретные формы практического сотрудничества.

***

В настоящей главе были рассмотрены согласование интересов государств-членов в сфере безопасности после расширения, институциональная эффективность сотрудничества в различных областях и способность существующих институтов адаптироваться к изменению состава участников. Расширение увеличило число государств, участвующих в принятии общих решений, и одновременно повысило требования к согласованию позиций внутри организации. Принцип консенсуса продолжает обеспечивать равное участие государств-членов в принятии решений и позволяет сохранять согласованную политику в пределах позиций, приемлемых для всех участников.

Расширение не привело к одинаковым результатам согласования по всем вопросам. В тех областях, где общие потребности в сфере безопасности остаются устойчивыми, государства-члены продолжают формировать совместные документы и договоренности о сотрудничестве. Вопросы, непосредственно затрагивающие национальную безопасность, ответственность за конкретные события и политически чувствительные темы, создают более значительное давление на процесс согласования. Совещание министров обороны в Циндао и саммит в Тяньцзине проходили при одном и том же составе десяти государств-членов, однако результаты формирования совместных документов различались. Это показывает, что число участников само по себе не позволяет объяснить

эффективность согласования. Непосредственное значение имеют соотношение интересов по конкретному вопросу и сам процесс консультаций.

Формирование согласованной политики в трех рассматриваемых областях после расширения в целом сохранило преемственность, тогда как основные различия проявились в функционировании механизмов сотрудничества и практической реализации сотрудничества. В сфере борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом сформированы относительно развитая правовая база, постоянно действующая структура и устойчивые формы практического взаимодействия, что позволяет новым государствам-членам включаться в уже существующие механизмы и совместные действия. Группа экспертов по международной информационной безопасности продолжает функционировать, и новые государства-члены также вошли в существующие каналы координации, однако подтверждаемое открытыми источниками практическое сотрудничество в данной сфере в основном сосредоточено на противодействии кибертерроризму. Контактная группа ШОС – Афганистан проходила через периоды приостановки и возобновления деятельности, поэтому функционирование механизма и многосторонняя практика в данной области имеют более выраженный этапный характер.

Различия между тремя направлениями связаны с институциональной основой, сформированной еще до расширения. Устойчивые рабочие процедуры, специализированные структуры и накопленный опыт сотрудничества создают каналы для участия новых государств-членов и способствуют преобразованию согласованной политики в конкретное взаимодействие. В областях, где

существующие механизмы функционировали менее последовательно, сотрудничество в большей степени зависит от политической координации, профессиональных контактов и условий реализации отдельных проектов.

Существующие институты ШОС уже продемонстрировали способность включать новых государств-членов. Индия, Пакистан, Иран и Беларусь последовательно вошли в отдельные ранее сформированные специализированные механизмы, при этом основные принципы принятия решений и базовые рабочие процедуры продолжили действовать. Межправительственный характер сотрудничества и полномочия, предоставленные государствами-членами, определяют рамки институциональной адаптации. Специализированные структуры могут расширять участие государств-членов, совершенствовать рабочие процедуры и укреплять взаимодействие между компетентными органами. Изменение их функций осуществляется на основе совместных решений государств-членов.

Институциональная адаптация после расширения проявляется как через включение новых участников в действующие механизмы, так и через развитие новых организационных форм сотрудничества.

Новые институциональные решения 2025 г. расширили организационную основу сотрудничества, при этом их фактическая эффективность будет зависеть от устойчивости рабочих процедур и участия государств-членов.

Таким образом, институциональная эффективность сотрудничества ШОС в сфере безопасности после расширения имеет выраженные различия по отдельным направлениям. Устойчивость новых институциональных решений будет зависеть

от стабильного участия десяти государств-членов, непрерывности работы специализированных механизмов и способности преобразовывать совместные документы в конкретные формы сотрудничества. Имеющиеся материалы показывают сохранение базовой преемственности сотрудничества после расширения и одновременно выявляют различия в уровне институциональной эффективности отдельных направлений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертации исследовано сотрудничество государств-членов Шанхайской организации сотрудничества в сфере безопасности в условиях расширения организации. Основное внимание уделено национальным интересам государств-членов, принципу консенсуса и институциональной эффективности сотрудничества. Рассмотрены три области безопасности: борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, афганская проблематика и международная информационная безопасность. Для оценки институциональной эффективности использованы три критерия: формирование согласованной политики, функционирование механизмов сотрудничества и практическая реализация сотрудничества. Проведенный анализ выявил различия в результатах сотрудничества после расширения ШОС. Они связаны со структурой национальных интересов государств-членов и особенностями институциональной основы каждого направления.

Сопоставление стратегических, внешнеполитических и других официальных документов десяти государств-членов позволило выявить совпадения и различия в восприятии угроз, политических приоритетах, целях и подходах к их реализации. Общими интересами государств-членов остаются противодействие терроризму, поддержание региональной стабильности и развитие многостороннего сотрудничества в сфере безопасности. Степень совпадения интересов различается по областям безопасности. В борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом сохраняется сравнительно широкая основа для сотрудничества. По афганской

проблематике и в сфере международной информационной безопасности более заметны различия национальных приоритетов и подходов. Государства-члены могут сохранять совпадающие интересы в отдельных областях безопасности при наличии разногласий по международным вопросам. Возможности согласования позиций в рамках ШОС зависят от содержания конкретной проблемы и степени совпадения интересов участвующих государств.

До первого расширения ШОС в 2017 г. в трех рассматриваемых областях безопасности сложились различные институциональные основы сотрудничества. Борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом опиралась на договорно-правовую базу, деятельность Региональной антитеррористической структуры и регулярные совместные мероприятия. Сотрудничество по афганской проблематике осуществлялось преимущественно посредством политической координации и деятельности Контактной группы ШОС – Афганистан. Работа этого механизма отличалась меньшей устойчивостью. В сфере международной информационной безопасности были сформированы межправительственная правовая база и экспертные механизмы координации. Практическое взаимодействие в данной области развивалось в более ограниченных масштабах. Различия в устойчивости механизмов и регулярности совместной деятельности стали одним из факторов институциональной эффективности сотрудничества после расширения организации.

Расширение ШОС в 2017–2024 гг. изменило структуру интересов государств-членов в сфере безопасности. Вступление Индии и Пакистана усилило представленность интересов, связанных с безопасностью Южной Азии,

присоединение Ирана — Западной Азии. Вступление Беларуси расширило географический охват интересов, представленных в организации. Увеличение числа государств-членов потребовало учета более широкого круга политических позиций при принятии совместных решений. В условиях принципа консенсуса результаты согласования зависят от содержания конкретного вопроса и степени совпадения позиций участников. Непринятие совместного заявления на совещании министров обороны ШОС в Циндао в июне 2025 г. показало трудности согласования по отдельному политически чувствительному вопросу. Принятие Тяньцзиньской декларации в сентябре 2025 г. подтвердило сохранение возможностей согласования позиций на уровне глав государств. Эти случаи относятся к разным вопросам и уровням принятия решений. Они позволяют установить наличие различий в результатах согласования, но не дают оснований для вывода об общем снижении координационных возможностей ШОС вследствие расширения.

В борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом сотрудничество ШОС характеризуется сравнительно высокой институциональной преемственностью. Государства-члены продолжают принимать совместные программные документы и развивать согласованные подходы к противодействию общим угрозам. Деятельность Региональной антитеррористической структуры обеспечивает устойчивость специализированных механизмов. Участие новых государств-членов в совместных антитеррористических мероприятиях подтверждает продолжение практического взаимодействия. Сформированные до расширения правовая база, рабочие процедуры и опыт сотрудничества облегчают

включение новых участников в существующие форматы. По сравнению с двумя другими рассматриваемыми областями данное направление отличается более устойчивым функционированием механизмов и регулярностью совместных мероприятий. Это свидетельствует о сравнительно высокой институциональной эффективности антитеррористического сотрудничества на уровне механизмов и практического взаимодействия.

По афганской проблематике государства-члены ШОС сохраняют возможность согласования политических позиций, что отражается в совместных документах организации. Вместе с тем специализированные механизмы и практическое взаимодействие характеризуются меньшей устойчивостью. Деятельность Контактной группы ШОС – Афганистан проходила через этапы приостановки и возобновления. Реализация отдельных проектов зависела от политической ситуации в Афганистане и интересов участвующих государств. Значительная часть практических инициатив осуществлялась государствами-членами самостоятельно или в отдельных форматах взаимодействия. В результате институциональная преемственность сотрудничества ШОС по афганской проблематике проявляется прежде всего в политической координации. Перспективы развития данного направления связаны с устойчивостью согласованных позиций государств-членов, функционированием соответствующих механизмов и изменениями политической обстановки в Афганистане.

В сфере международной информационной безопасности сохраняется преемственность межправительственной правовой базы и экспертных механизмов координации. Новые государства-члены участвуют в соответствующих формах

взаимодействия, что способствует сохранению институциональной основы сотрудничества. Практические мероприятия, подтверждаемые открытыми источниками, связаны преимущественно с противодействием использованию информационных технологий в террористических, сепаратистских и экстремистских целях. По другим вопросам международной информационной безопасности доступные материалы дают меньше оснований для оценки практических результатов сотрудничества. Таким образом, политико-правовая и экспертная координация сохраняется, а наблюдаемая практическая деятельность имеет более ограниченный характер. Дальнейшее развитие данного направления связано с укреплением специализированного взаимодействия и расширением практических форм сотрудничества.

Сравнение трех областей безопасности позволило установить основные факторы различий в институциональной эффективности сотрудничества после расширения ШОС. К ним относятся степень совпадения национальных интересов государств-членов, условия согласования позиций в рамках принципа консенсуса и особенности институциональной основы, сформированной до расширения. Во всех трех областях сохраняется возможность формирования согласованной политики. Основные различия проявляются в устойчивости механизмов и практической реализации сотрудничества. В борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом постоянные механизмы и регулярные совместные мероприятия обеспечивают сравнительно высокую институциональную преемственность. По афганской проблематике сохраняется политическая координация при менее устойчивом функционировании специализированных механизмов. В сфере

международной информационной безопасности продолжается экспертное взаимодействие, а подтверждаемая открытыми источниками практическая деятельность развивается в более ограниченных масштабах. Устойчивость механизмов и накопленный опыт совместной деятельности имеют существенное значение для институциональной эффективности сотрудничества.

Возможности дальнейшей институциональной адаптации ШОС связаны с развитием существующих механизмов и согласованием интересов государств-членов. Институциональные решения, принятые в 2025 г., создают дополнительные организационные условия для сотрудничества в сфере безопасности. Оценка их практических результатов требует более длительного периода наблюдения. Дальнейшая деятельность новых структур будет зависеть от участия государств-членов, устойчивости рабочих процедур и согласования функций с действующими механизмами. В борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом основой дальнейшего развития остаются Региональная антитеррористическая структура и сложившиеся формы взаимодействия. По афганской проблематике важное значение сохраняют политическая ситуация и стабильность работы механизмов сотрудничества. В сфере международной информационной безопасности перспективы связаны с развитием практического взаимодействия на основе существующих соглашений и экспертной координации. Институциональная адаптация ШОС имеет свои особенности в каждой из рассматриваемых областей безопасности.

Проведенное исследование показало, что после расширения ШОС сотрудничество в трех рассматриваемых областях безопасности характеризуется

различной институциональной эффективностью. Увеличение разнообразия национальных интересов государств-членов усложнило условия согласования позиций. При этом организация сохранила основные механизмы многостороннего сотрудничества. Институциональная эффективность зависит от степени совпадения интересов по конкретным вопросам, особенностей принятия решений на основе консенсуса и ранее сформированной институциональной основы. Наиболее устойчивые результаты наблюдаются в тех областях, где действуют постоянные механизмы и существует регулярная практика совместной деятельности. Дальнейшее развитие сотрудничества ШОС в сфере безопасности будет определяться возможностями согласования интересов государств-членов, устойчивостью механизмов взаимодействия и условиями практической реализации совместных решений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Источники

На русском языке:

1. Астанинская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. 04.07.2024. URL: https://rus.sectsco.org/20240704/1597670.html . Дата обращения: 10.10.2025.

2. Заявление глав государств-членов ШОС по международной информационной безопасности. 15.06.2006. URL: https://rus.sectsco.org/20060615/44820.html . Дата обращения: 23.11.2025.

3. ЗАЯВЛЕНИЕ Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о противодействии распространению террористической, сепаратистской и экстремистской идеологии, в том числе в сети Интернет. URL:https://rus.sectsco.org/files/690022/690022 дата обращения: 21.12.2025.

4. ЗАКОН КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ «О кибербезопасности Кыргызской Республики» г. Бишкек, от 17 июля 2024 года № 121. URL: https://cert.gov.kg/ru/legislation Дата обращения: 15.11.2025.

5 . ЗАКОН РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН О БЕЗОПАСНОСТИ. URL: https://www.vertic.org/media/National%20Legislation/Tajikistan/TJ_Law_on_Security_2011_as%20of%202016 Дата обращения: 21.12.2024.

6. Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики: к Указу Президента Кыргызской Республики от 20.12.2021 № 570 // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL:

https://cbd.minjust.gov.kg/430815/edition/1118046/ru. Дата обращения: 21.12.2024.

7 . КОНЦЕПЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ. Председатель Всебелорусского народного собрания Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь . URL:https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0005 Дата обращения: 21.12.2024.

8. Нью-Делийская декларация Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества. 04.07.2023. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5963 дата обращения: 28.08.2025.

9. О кибербезопасности: Закон Республики Узбекистан от 15 апреля 2022 г. № ЗРУ-764 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: https://lex.uz/ru/mact/5960609 Дата обращения: 08.11.2025.

10. Об утверждении Государственной программы по противодействию религиозному экстремизму и терроризму в Республике Казахстан на 2018–2022 годы: Постановление Правительства Республики Казахстан от 15.03.2018 № 124 // Информационно-правовая система «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1800000124 . Дата обращения: 02.02.2026.

11. Об утверждении Концепции цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023–2029 годы: Постановление Правительства Республики Казахстан от 28 марта 2023 г. № 269 // Информационно-правовая система «Әділет». URL: https://old.adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000269 Дата обращения: 08.11.2025.

12. Самаркандская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской

организации сотрудничества. 16.09.2022. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5841. Дата обращения: 03.11.2025.

13. Соглашение между государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре. 07.06.2002. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3864. Дата обращения: 30.08.2025.

14. Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности. URL: https://rus.sectsco.org/20090616/203974.html дата обращения:23.12.2025.

15. Тяньцзиньская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. 01.09.2025. URL: https://rus.sectsco.org/20250901/1958600.html. Дата обращения: 10.10.2025.

16. Указ Президента Республики Таджикистан от 01.06.2021 № 187 «О Стратегии противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021–2025 годы» // Министерство юстиции Республики Таджикистан. URL: https://www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=139590 . Дата обращения: 10.01.2026.

17. Указ Президента Республики Узбекистан от 01.07.2021 № УП-6255 «Об утверждении Национальной стратегии Республики Узбекистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2021–2026 годы». URL: https://lex.uz/ru/docs/5491628. Дата обращения: 10.12.2025.

18. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046. Дата обращения: 10.12.2025.

19. Хартия Шанхайской организации сотрудничества. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3450 дата обращения: 21.11.2024.

20. Циндаоская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. 10.06.2018. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5315 дата обращения: 28.08.2025.

21. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. 15.06.2001. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3405. Дата обращения: 21.12.2025.

На английском языке:

22. Agreement on Cooperation in Ensuring International Information Security between the Member States of the Shanghai Cooperation Organization. 16.06.2009. URL: https://eng.sectsco.org/20090616/1626432.html Access date: 10.02.2026.

23. Indian Computer Emergency Response Team (CERT-In): Mission // Indian Computer Emergency Response Team. URL: https://www.cert-in.org.in/s2cMainServlet?pageid=CHARTMISSION Дата обращения:20.01.2026.

24. JOINT STATEMENT of Foreign Ministers of SCO Member States on the Results of the Meeting in the Format of the SCO-Afghanistan Contact Group // Shanghai Cooperation Organisation. 14.07.2021. URL: https://eng.sectsco.org/20210714/768326.html Access date:02.12.2025.

25. MINISTRY OF COMMUNICATIONS AND INFORMATION TECHNOLOGY (Department of Electronics and Information Technology) NOTIFICATION New Delhi, the 16th January, 2014. URL:

https://www.meity.gov.in/static/uploads/2024/05/gazette_11-01-2014.pdf Дата обращения:20.01.2026.

26. National Cyber Security Policy 2013. URL: https://www.meity.gov.in/content/national-cyber-security-policy-2013-0 Access date: 20.02.2026.

27. National Cyber Security Policy 2021 // Ministry of Information Technology & Telecommunication, Government of Pakistan. URL: https://pkcert.gov.pk/uploads/2023/06/2021-National-Cyber-Security-Policy-Final.pdf. Access date: 20.02.2026.

28. National Security Policy of Pakistan 2022–26 // National Security Division, Government of Pakistan. URL: https://nsd.gov.pk/SiteImage/Publication/NSP%20Policy.pdf Access date:21.12.2024.

29. Statement by H.E. Mr. Sirojiddin Muhriddin, Minister of Foreign Affairs of the Republic of Tajikistan, at the General Debates of the 77th Session of the United Nations General Assembly // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Tajikistan. 24.09.2022. URL: https://www.mfa.tj/en/main/view/11140/statementbyhe-mr-sirojiddin-muhriddin-minister-of-foreign-affairs-of-the-republic-of-tajikistangeneral-debates-of-the-77th-session-of-theunited-nations-general-assembly дата обращения: 12.06.2025.

30. Successful Seizure of 2,400 kg of Methamphetamine in Sistan and Baluchestan Province // United Nations in the Islamic Republic of Iran. 15.12.2024. URL: https://iran.un.org/en/285910-successful-seizure-2400-kg-methamphetamine-sistan-and-baluchestan-province Дата обращения:20.12.2025.

31．The Moscow Declaration of the Council of Heads of State of the Shanghai Cooperation Organisation.10.11.2020. URL: https://eng.sectsco.org/20201110/690356.html Access date: 10.04.2026.

32．Transcript of the Year End Review Briefing by the Spokesperson on Thursday, 26 December 2024 // Ministry of Foreign Affairs, Government of Pakistan. 26.12.2024. URL: https://mofa.gov.pk/press-releases/transcript-of-the-year-end-press-briefing-by-the-spokesperson-on-thursday-26-december-2024 Дата обращения:20.12.2025.

На китайском языке:

33．国家网络空间安全战略//国家互联网信息办公室. 27.12.2016. URL: https://www.cac.gov.cn/2016-12/27/c_1120195926.htm Дата обращения: 06.01.2026.

34．关于阿富汗问题的中国立场 // 中华人民共和国外交部. 12.04.2023. URL: https://www.mfa.gov.cn/wjb_673085/zzjg_673183/yzs_673193/xwlb_673195/202304/t20230412_11057782. Дата обращения:20.10.2026.

35．上海合作组织阿富汗问题特别会议宣言. 27.03.2009 // 上海合作组织. URL: https://chn.sectsco.org/files/45859/45859. Дата обращения: 22.12.2025.

36．上海合作组织成员国和阿富汗伊斯兰共和国关于打击恐怖主义、毒品走私和有组织犯罪的声明. 27.03.2009 // 上海合作组织. URL: https://chn.sectsco.org/files/45773/45773 . Дата обращения: 22.12.2025.

37．上海合作组织成员国元首理事会会议联合公报. 15.06.2006.//外交部官网. URL:https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gjhdqzz_681964/lhg_683094/zywj_683106/200707/t20070731_9388591.shtml. Дата обращения: 22.12.2025.

38．上海合作组织成员国元首理事会会议联合公报. 16.08.2007//外交部官网. URL: https://www.mfa.gov.cn/ziliao_674904/zt_674979/ywzt_675099/wzzt_675579/hjt_675583/200708/t20070818_9287629.shtml Дата обращения: 22.12.2025.

39．上海合作组织成员国元首理事会会议联合公报. 16.06.2009//外交部官网. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/200906/t20090617_302987.shtml. Дата обращения: 15.11.2025.

40．上海合作组织与阿富汗伊斯兰共和国关于建立上海合作组织—阿富汗联络小组的议定书. 04.11.2005 // 上海合作组织. URL: https://chn.sectsco.org/files/44539/44539. Дата обращения: 22.12.2025.

41．《新时代的中国国家安全》白皮书// 中华人民共和国国务院新闻办公室. 12.05.2025. URL: https://www.gov.cn/zhengce/202505/content_7023405.htm Дата обращения: 22.12.2025.

2. Литература

Монографии, диссертационные исследования, материалы конференций

На русском языке:

42．Борисов Д.А. Эволюция политики безопасности Шанхайской организации сотрудничества: 1996–2010 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. – Томск, 2011. – 210 с.

43．Боришполец К.П. Методы политических исследований: учебное пособие для студентов вузов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2010. – С.

59, 67–68.

44. Василенко В.И., Василенко В.В., Потеенко А.Г. Шанхайская организация сотрудничества в региональной системе безопасности (политико-правовой аспект): монография. – М.: Проспект, 2014. – 192 с.

45. Голобоков А.С. КНР и Шанхайская организация сотрудничества: опыт, проблемы и перспективы взаимодействия: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02, 23.00.04. – Владивосток, 2012. – 196 с.

46. Клименко А.Ф. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества: проблема обороны и безопасности. – М.: ИДВ РАН, 2009. – 348 с.

47. Комиссина И.Н., Куртов А.А. Шанхайская организация сотрудничества: становление новой реальности / под ред. Е.М. Кожокина. – М.: Российский институт стратегических исследований, 2005. – 117, [1] с.

48. Серебрякова Н.В. Шанхайская организация сотрудничества: проблемы политической интеграции в Центральной Азии: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. – М., 2009. – 140 с.

49. Цю Сяофэнь. Взаимодействие Китайской Народной Республики и Российской Федерации в рамках Шанхайской организации сотрудничества: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. – М., 2017. – 173 с.

На английском языке:

50. George, A. L., & Bennett, A. Case Studies and Theory Development in the Social Sciences. Cambridge, MA: MIT Press, 2005. P. 67–72.

51. King, G., Keohane, R. O., & Verba, S. Designing Social Inquiry: Scientific

Inference in Qualitative Research. New Edition. Princeton: Princeton University Press, 2021. P. 4–8, 11–12, 22–23.

52．Morgenthau, H. J. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. 2nd ed. New York: Alfred A. Knopf, 1954. P. 4–5.

На китайском языке:

53．Ли Лян. Исследование расширения Шанхайской организации сотрудничества: процесс, последствия и контрмеры. Ланьчжоуский университет[李亮.上海合作组织扩员研究: 过程, 影响及其应对.兰州大学], 2018. – С. 93–119.

54．Пань Гуан, Ху Цзянь. Первый региональный механизм сотрудничества XXI века: комплексное исследование ШОС [潘光、胡键. 21 世纪的第一个新型区域合作组织——对上海合作组织的综合研究]. – Пекин: Издательство Центральной партийной школы, 2006. – 229 с.

55．Син Гуанчэн, Сунь Чжуанчжи (ред.). Исследования Шанхайской организации сотрудничества [邢广程、孙壮志主编. 上海合作组织研究]. – Чанчунь: Чанчуньское издательство, 2007. – 325 с.

Статьи из периодических изданий

На русском языке:

56．Денисов И.Е., Сафранчук И.А. Актуальные экспертные дискуссии по тематике ШОС // Вестник МГИМО-Университета. – 2016. – № 3(48). – С. 280–286.

57．Еникеев Ш.М., Лукин А.В., Новиков Д.П. Шанхайская организация

сотрудничества в новых геополитических условиях // Вестник международных организаций. – 2024. – Т. 19, № 1. – С. 129–148.

58. Ефременко Д.В. Шанхайская организация сотрудничества после расширения: новые вызовы и перспективы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2019. – № 3. – С. 128–159.

59. Карами Дж. Стратегическая роль Ирана для ШОС: укрепление евразийской интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2023. – Т. 23, № 3. – С. 547–561.

60. Колегова О.Ю. ШОС как инструмент региональной интеграции: проблемы расширения // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – № 1(28). – С. 249–253.

61. Лукин А.В. Проблемы и перспективы развития Шанхайской организации сотрудничества: мнения экспертов // Вестник МГИМО-Университета. – 2011. – № 2(17). – С. 82–88.

62. Матюхина Е.Н. Эволюция инфраструктуры информационной и кибербезопасности Индии // СибСкрипт. – 2024. – Т. 26, № 3 (103). – С. 446–450, 454–455.

63. Поршнева О.С., Разинков С.Л. Институциональное становление и эволюция деятельности ШОС: опыт ретроспективного анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 275–276.

64. Потеенко А.Г. Особенности становления национальной безопасности

стран Центральной Азии и роль Шанхайской организации сотрудничества // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2011. – № 4. – С. 127–133.

65. Себекин С.А. Роль Шанхайской организации сотрудничества и БРИКС в обеспечении международной информационной безопасности в условиях продолжающегося конфликта на Украине // Российско-китайские исследования. – 2022. – Т. 6, № 4. – С. 276–287.

66. Фань С. Существующие механизмы Шанхайской организации сотрудничества и проблемы борьбы с нетрадиционными вызовами безопасности // Вестник международных организаций. – 2021. – Т. 16, № 1. – С. 108–109.

67. Федорова И.Е. Ирано-афганские отношения после прихода талибов к власти в 2021 г. // Вестник Института востоковедения РАН. – 2024. – № 3. – С. 88–94.

68. Щербань А.В. Политика обеспечения информационной безопасности в государствах-членах ШОС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2025. – Т. 19, № 1. – С. 159–170.

На английском языке:

69. Abbott, K. W., & Snidal, D. (1998). Why states act through formal international organizations. Journal of Conflict Resolution, 42(1), 3–32.

70. Akmalov, Sh. (2005). The Shanghai Cooperation Organization and regional security problems. Central Asia and the Caucasus, 6(2), 127–132.

71. Alimov, R. (2018). The Shanghai Cooperation Organisation: Its role and place in the development of Eurasia. Journal of Eurasian Studies, 9(2), 114–124.

72. Allison, R. (2004). Regionalism, regional structures and security management in Central Asia. International Affairs, 80(3), 463–483.

73. Aris, S. (2009). A new model of Asian regionalism: Does the Shanghai Cooperation Organisation have more potential than ASEAN? Cambridge Review of International Affairs, 22(3), 451–467.

74. Atai, F., & Zangeneh, S. (2020). Evolution of priorities in Shanghai Cooperation Organization since its establishment up to 2019. Central Eurasia Studies, 13(1), 143–160.

75. Axelrod, R., & Keohane, R. O. (1985). Achieving cooperation under anarchy: Strategies and institutions. World Politics, 38(1), 226–254.

76. Blake, D. J., & Payton, A. L. (2015). Balancing design objectives: Analyzing new data on voting rules in intergovernmental organizations. The Review of International Organizations, 10(3), 377–402.

77. Dadabaev, T. (2014). Shanghai Cooperation Organization (SCO) regional identity formation from the perspective of the Central Asia states. Journal of Contemporary China, 23(85), 102–118.

78. Gray, J., Lindstädt, R., & Slapin, J. B. (2017). The dynamics of enlargement in international organizations. International Interactions, 43(4), 619–642.

79. Gutner, T., & Thompson, A. (2010). The politics of IO performance: A framework. The Review of International Organizations, 5(3), 227–248.

80. Haji-Yousefi, A. M., & Shirkhani, S. (2025). Iran and the Shanghai Cooperation Organization: Opportunities and challenges. Central Eurasia Studies, 18(1), 85–110.

81．Kahler, M. (1992). Multilateralism with small and large numbers. International Organization, 46(3), 681–708.

82．Keohane, R. O. (1982). The demand for international regimes. International Organization, 36(2), 325–355.

83．Koremenos, B., Lipson, C., & Snidal, D. (2001). The rational design of international institutions. International Organization, 55(4), 761–799.

84．Lall, R. (2017). Beyond institutional design: Explaining the performance of international organizations. International Organization, 71(2), 245–280.

85．Lanteigne, M. (2006). “In Medias Res”: The development of the Shanghai Co-operation Organization as a security community. Pacific Affairs, 79(4), 605–622.

86．Lundgren, M., Squatrito, T., & Tallberg, J. (2018). Stability and change in international policy-making: A punctuated equilibrium approach. The Review of International Organizations, 13(4), 547–572.

87．McDermott, R. N. (2012). The Shanghai Cooperation Organization’s impact on Central Asian security: A view from Kazakhstan. Problems of Post-Communism, 59(4), 56–65.

88．Oye, K. A. (1985). Explaining cooperation under anarchy: Hypotheses and strategies. World Politics, 38(1), 1–24.

89．Rauf, S. (2019). Shanghai Cooperation Organization (SCO): Opportunities for Pakistan. NUST Journal of International Peace & Stability, 2(1), 15–26.

90．Sajjanhar, A. (2022). India and Shanghai Cooperation Organization: A vital partnership. Indian Foreign Affairs Journal, 17(3/4), 190–204.

91．Singh, S., & Singh, B. (2021). Re-imagining the SCO’s geopolitical

expansion: Would it be a next SAARC? International Studies, 58(4), 491–512.

92．Sommerer, T., Squatrito, T., Tallberg, J., & Lundgren, M. (2022). Decision-making in international organizations: Institutional design and performance. The Review of International Organizations, 17(4), 815–845.

93．Steinberg, R. H. (2002). In the shadow of law or power? Consensus-based bargaining and outcomes in the GATT/WTO. International Organization, 56(2), 339–374.

94．Tallberg, J., Sommerer, T., Squatrito, T., & Lundgren, M. (2016). The performance of international organizations: A policy output approach. Journal of European Public Policy, 23(7), 1077–1096.

95．Wang, J., & Kong, D. (2019). Counter-terrorism cooperation between China and Central Asian states in the Shanghai Cooperation Organization. China Quarterly of International Strategic Studies, 5(1), 65–79.

На китайском языке:

96．Бай Ляньлэй. Расширение Шанхайской организации сотрудничества: новые возможности развития и вызовы [白联磊. 上海合作组织扩员: 新发展机遇与挑战] // Международные исследования [国际问题研究]. – 2017. – № 6. – С. 56–69.

97．Ван Хуэйпэн. Территориальные споры после расширения ШОС: потенциальные проблемы и будущие решения [王会鹏. 上合组织扩员后的领土争端问题: 潜在挑战与未来出路] // Журнал Шанхайского университета Цзяотун (философия и социальные науки) [上海交通大学学报 (哲学社会科学版)]. – 2018. – № 4. – С. 39–47.

98．Ван Чэньсин. Вызовы и пути ШОС в укреплении потенциала глобального управления [王晨星. 上海合作组织提升全球治理能力的挑战与路径] // Новые горизонты [新视野]. – 2021.

99．Вэй Бин. Механизм и движущие силы расширения региональных институтов безопасности [魏冰. 地区安全制度扩员的机制与动力] // Современная Азия и Тихоокеанский регион [当代亚太]. – 2021. – № 4. – С. 67–96.

100．Гао Ханьсюнь. Расширение ШОС с точки зрения государств Центральной Азии: восприятие выгод и стратегические соображения [高焓迅. 中亚国家视阈下的上海合作组织扩员:收益认知与战略考量] // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии [俄罗斯东欧中亚研究]. – 2018. – № 5. – С. 116–135.

101．Гао Юнцзянь, Цинь Вэйцзян. Исследование ограничений развития ШОС [高永建, 秦伟江. 上海合作组织发展的制约因素研究] // Социальные науки Синьцзяна [新疆社会科学]. – 2006. – С. 45–49.

102．Го Маньжо. Вступление Ирана в ШОС: движущие силы, влияние и вызовы [郭曼若. 伊朗加入上海合作组织:作用力、影响及挑战] // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии [俄罗斯东欧中亚研究]. – 2023. – № 3. – С. 20–39.

103．Дин Пэйхуа. О роли ШОС в обеспечении региональной безопасности [丁佩华. 论上海合作组织的地区安全作用] // Общественные науки [社会科学]. – 2006. – № 10. – С. 76–82.

104．Дин Сяосин. Роль ШОС в поддержании региональной безопасности [丁晓星. 上合组织在维护地区安全方面的作用] // Современная мировая полиция [现

代世界警察]. – 2021.

105．Дэн Хао. Процесс, динамика и перспективы сотрудничества в области безопасности в Шанхайской организации сотрудничества [邓浩. 上海合作组织安全合作的进程、动力与前景] // Современный мир [当代世界]. – 2021. – № 9. – С. 20–21.

106．Дэн Хао, Ли Тяньи. Сотрудничество ШОС в области информационной безопасности: прогресс, вызовы и будущие пути [邓浩，李天毅. 上合组织信息安全合作:进展、挑战与未来路径] // Форум по стратегии в киберпространстве [网络空间战略论坛]. – 2021. – № 8. – С. 72–77.

107．Дэн Чжоу, Сюэ Сяоюй. Причины вступления Беларуси в ШОС, предпочтения в сотрудничестве и влияние [邓辀、薛晓钰. 白俄罗斯加入上海合作组织的动因、合作偏好及影响] // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии [俄罗斯东欧中亚研究]. – 2025. – № 2. – С. 45–68.

108．Ли Боцзюнь. О прорыве АСЕАН и развитии принципа невмешательства [李伯军. 论东盟对不干涉原则的突破与发展] // Поиск [求索]. – 2007. – № 12. – С. 96–98.

109．Ли Лян. В поисках взаимовыгодного сотрудничества: проблемы и возможности поглощения Индии ШОС [李亮. 寻求合作共赢: 上合组织吸纳印度的挑战与机遇] // Дипломатическое обозрение [外交评论]. – 2018. – № 1.

110．Ли Лян, Цзэн Сяньхун. Риски расширения ШОС [李亮，曾向红. 上海合作组织扩员的风险前瞻] // Евразийская экономика [欧亚经济]. – 2017. – № 5. – С. 20–27.

111．Ли Син, Ню Ичэнь. Почему ШОС недостаточно для поддержки

стратегии безопасности Китая в северо-западном соседстве [李星，牛逸晨. 上合组织为何不足以支撑中国西北周边安全战略] // Исследования международной безопасности [国际安全研究]. – 2013.

112．Ли Фанфан. Шанхайская организация сотрудничества в перспективе «теории регионального комплекса безопасности» [李芳芳. “地区安全综合体理论”视域下的上海合作组织] // Журнал Ляонинского университета (издание по философии и социальным наукам) [辽宁大学学报（哲学社会科学版）]. – 2015. – № 1. – С. 135–141.

113．Ли Х., Цзэн ЦФ. Исследование защиты зарубежных интересов Китая в условиях корректировки стратегии национальной безопасности Казахстана [李恒，曾琦峰. 哈萨克斯坦国家安全战略调整下中国海外利益保护研究] // Исследования национальной безопасности [国家安全研究]. – 2024. – № 7. – С. 63–71.

114．Ли Цзиньфэн. Расширение ШОС: проблемы и возможности [李进峰. 上海合作组织扩员：挑战与机遇] // Российские, восточноевропейские и центральноазиатские исследования [俄罗斯东欧中亚研究]. – 2015. – № 6. – С. 36–37.

115．Ли Чжаньцзюнь. Оценка развития ШОС и сотрудничества в сфере безопасности в Центральной Азии [李战军. 上海合作组织与中亚安全合作发展评估] // Pacific Journal [太平洋期刊]. – 2020. – С. 54–58.

116．Ли Янь. Стратегия национальной безопасности РФ на 2021 год и китайско-российское сотрудничество в области безопасности [李燕. 2021 年版《俄罗斯国家安全战略》及中俄安全合作] // Русский журнал [俄罗斯学刊]. – 2022.

117．Пан Дапэн. Вопросы, на которые Китаю необходимо обратить внимание

после расширения Шанхайской организации сотрудничества [庞大鹏. 上海合作组织扩员后中国需要关注的问题] // Евразийская экономика [欧亚经济]. – 2017. – № 5.

118. Пэн Синь. Многообразие институциональных функций и расширение ШОС [彭昕. 制度功能的多重性与上海合作组织扩员] // Дипломатическое обозрение [外交评论]. – 2024. – Т. 41, № 2. – С. 131–154.

119. Су Чанг, Ли Синьвэй. Сотрудничество в области безопасности в ШОС: достижения, проблемы и пути углубления в будущем [苏畅, 李昕玮. 上海合作组织安全合作: 成就, 挑战与未来深化路径] // Международные исследования [国际问题研究]. – 2021. – № 3. – С. 67–84.

120. Фу Сяоцян, Хань Лицюнь. Исследование тенденций влияния нетрадиционных угроз на национальную безопасность [傅小强，韩立群. 非传统安全对国家安全的影响趋势研究] // Исследования в области национальной безопасности [国家安全研究]. – 2022. – № 2. – С. 89.

121. Чжан Цзяолун. Вызовы после расширения ШОС и меры реагирования: с точки зрения отношений международных организаций и международных норм [张蛟龙. 扩员后上海合作组织的挑战与应对——基于国际组织与国际规范关系的视角] // Региональное и глобальное развитие [区域与全球发展]. – 2021. – № 6. – С. 41–56.

122. Чжао Хуашэн. Несколько соображений о перспективах развития ШОС [赵华胜. 对上海合作组织发展前景的几点看法] // Международные исследования [国际问题研究]. – 2006. – № 3. – С. 23–27.

123. Чэнь Сяодин, Ван Цуймэй. Выбор путей углубления сотрудничества в

сфере безопасности после расширения ШОС [陈小鼎、王翠梅. 扩员后上合组织深化安全合作的路径选择] // Мировая экономика и политика [世界经济与政治]. – 2019. – № 3. – С. 108–134.

3. Интернет-ресурсы

На русском языке:

124．Делегация Секретариата ШОС приняла участие в церемонии открытия 41-го заседания Совета РАТС ШОС // Шанхайская организация сотрудничества. 30.03.2024. URL:https://rus.sectsco.org/20240330/1311147.html Дата обращения: 10.10.2025.

125．Информационное агентство Синьхуа URL： http://www.xinhuanet.com/ Дата обращения:02.11.2025.

126．Как в Таджикистане снижался уровень бедности? https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20240821/kak-v-tadzhikistane-snizhalsya-uroven-bednosti Дата обращения:21.12.2024.

127．Контактная группа «ШОС – Афганистан».16.07.2019. URL: https://rus.sectsco.org/20190716/565424.html Дата обращения: 10.02.2026.

128．Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики. URL： https://www.fmprc.gov.cn/rus/ Дата обращения:29.10.2025.

129．Министерства иностранных дел России. URL： https://mid.ru Дата обращения:29.10.2025.

130．О 22-ом Совещании министров обороны государств-членов ШОС//

ШОС. 26.06.2025 URL: https://rus.sectsco.org/20250626/1881670.html Дата обращения: 10.12.2025.

131. Об участии в Глобальном форуме по сотрудничеству в области общественной безопасности // Шанхайская организация сотрудничества. 17.09.2025. URL: https://rus.sectsco.org/20250917/1988715.html . Дата обращения: 03.09.2026.

132. Общие сведения о Секретариате ШОС. URL:https://rus.sectsco.org/20151208/16829.html Дата обращения: 02.12.2025.

133. О совместных военных учениях ШОС «Мирная миссия – 2021». URL: https://rus.sectsco.org/20210929/782852.html Дата обращения:17.11.2025.

134. Официальные сайты ШОС. URL ： https://rus.sectsco.org/ Дата обращения:29.10.2025.

135. Перечень документов, подписанных в ходе заседания Совета глав государств-членов ШОС // Шанхайская организация сотрудничества. 01.09.2025. URL: https://rus.sectsco.org/20250901/1958273.html. Дата обращения: 03.02.2026.

136. Президент Садыр Жапаров принял участников VI Регионального диалога секретарей советов безопасности / советников по национальной безопасности по Афганистану // Кыргызское национальное информационное агентство «Кабар». 16.02.2024. URL: https://cn.archive.kabar.kg/news/cn2024-2-16-7/ Дата обращения:21.12.2024.

137. РАТС ШОС.История и миссия. URL: https://ecrats.org/ru/about/history/ Дата обращения: 17.03.2025

138. ТАСС. URL：https://tass.ru/ Дата обращения:28.10.2025.

На английском языке:

139．2024 Global Terrorism Index． URL:https://www.economicsandpeace.org/ Access date: 10.10.2025.

140．Dr Raisi at the 23rd SCO Summit // Official Website of the President of the Islamic Republic of Iran. 04.07.2023. URL: https://president.ir/en/145189 . Access date: 02.09.2025.

141．Every Act of Terrorism Is Criminal & Unjustifiable, SCO Must Unite in Eliminating the Menace for Collective Safety & Security: Raksha Mantri at SCO Defence Ministers' Meeting at Qingdao, China // Press Information Bureau, Government of India. 26.06.2025. URL: https://www.pib.gov.in/PressReleaseDetail.aspx?PRID=2139754 Access date: 28.02.2026.

142．India Says Defence Gathering in China Unable to Adopt Joint Statement // Reuters. 26.06.2025. URL:https://www.reuters.com/world/china/india-says-defence-gathering-china-unable-adopt-joint-statement-2025-06-26/ Access date 28.08.2025.

143．Joint Communique on the results of the Meeting of Defence Ministers of SCO Member States // Shanghai Cooperation Organisation. 29.04.2019. URL:https://eng.sectsco.org/20190429/533861.html Access date: 10.10.2025.

144．Kazakhstan Delegation Pays Working Visit to Afghanistan // Official website of the President of the Republic of Kazakhstan. URL: https://akorda.kz/en/kazakhstan-delegation-pays-working-visit-to-afghanistan-1791436 Access date:20.12.2024.

145．On the Joint Anti-Terrorism Exercises of the Shanghai Cooperation Organization Member States // Shanghai Cooperation Organisation. 05.12.2025. URL:

https://eng.sectsco.org/20251205/2093981.html Access date: 17.02.2026.

146. Prime Minister Shri Narendra Modi's Remarks at the SCO Summit // Ministry of External Affairs, Government of India. 04.07.2024. URL: https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/37924/Prime_Minister_Shri_Narendra_Modis_remarks_at_the_SCO_Summit . Access date: 14.01.2026.

147. Raksha Mantri Meets His Belarusian, Tajik & Kazakh Counterparts on the Sidelines of SCO Defence Ministers' Meeting in Qingdao, China // Press Information Bureau, Government of India. 27.06.2025. URL: https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=2140037&reg=48&lang=2 Access date: 18.08.2025

148. Regular meeting of SCO Expert Group on International Information Security.19.11.2023. URL:https://eng.sectsco.org/20231119/Regular-meeting-of-SCO-Expert-Group-on-International-Information-Security-966466.html Access date: 10.04.2026.

149. SCO-Afghanistan Contact Group Held Its Third Meeting with SCO Participation in Bishkek // Shanghai Cooperation Organisation. 19.04.2019. URL: https://eng.sectsco.org/20190419/533099.html. Access date: 10.12.2025.

150. SCO Summit in Samarkand // Official Internet Portal of the President of the Republic of Belarus. 16.09.2022. URL: https://president.gov.by/en/events/zasedanie-soveta-glav-gosudarstv-chlenov-shanhayskoy-organizacii-sotrudnichestva-1663326998 . Access date:02.02.2026.

151. The SCO Secretariat participates in the 8th Heart of Asia-Istanbul Process

Ministerial Conference. 11.12.2019. URL: https://eng.sectsco.org/20191211/612107.html. Access date: 10.02.2026.

152. Transcript of Weekly Media Briefing by the Official Spokesperson // Ministry of External Affairs, Government of India. 26.06.2025. URL: https://www.mea.gov.in/media-briefings?dtl/39718/Transcript_of_Weekly_Media_Briefing_by_the_Official_Spokesperson_June_26_2025. Access date: 12.02.2026.

На китайском языке:

153. Дэн Хао. Сотрудничество ШОС в сфере безопасности: развитие, движущие силы и перспективы [邓浩. 上海合作组织安全合作的进程、动力与前景] // Китайский институт международных исследований [中国国际问题研究院]. – 24.09.2021. – URL: https://www.ciis.org.cn/yjcg/xslw/202109/t20210924_8172.html . Дата обращения: 03.09.2026.

154. Дэн Хао, Ли Тяньи. Сотрудничество ШОС в области информационной безопасности: прогресс, вызовы и перспективные направления [邓浩、李天毅. 上合组织信息安全合作:进展、挑战与未来路径] // Китайский институт международных исследований [中国国际问题研究院]. – 24.09.2021. – URL: https://www.ciis.org.cn/yjcg/sspl/202109/t20210924_8175.html . Дата обращения: 03.09.2026.

155. Цзин Сяоюй. Исследования ШОС в Китае: результаты, развитие и перспективы [景晓玉. 中国的上合组织研究:成果、进程与展望] // Китайский институт международных исследований [中国国际问题研究院]. – 18.09.2021. –

URL: https://www.ciis.org.cn/yjcg/xslw/202109/t20210918_8154.html. Дата обращения: 03.03.2026.

156．“和平使命-2018”举行联合战役实兵演练//中华人民共和国国防部. 29.08.2018. URL: http://www.mod.gov.cn/gfbw/wzll/4823579_5.html Дата обращения: 06.01.2026.

157．上海合作组织成员国元首理事会关于保障国际信息安全领域合作的声明 // 人民日报．11.11.2020. URL:https://paper.people.com.cn/rmrbwap/html/2020-11/11/nw.D110000renmrb_20201111_4-03.htm.Дата обращения: 23.08.2026.

158．上海合作组织支持互联网安全与发展.26.01.2018. URL: https://chn.sectsco.org/20180126/377846.html Дата обращения: 10.02.2026.

159．上合地区反恐机构与联合国确定反恐方面务实合作步骤// 俄罗斯卫星通讯社.30.07.2015. URL: http://sputniknews.cn/politics/201507301015727327/ Дата обращения: 12.10.2024.

160．专访:上合组织反恐怖卓有成效—访上合组织地区反恐怖机构执委会主任瑟索耶夫.09.05.2018. URL:https://www.gov.cn/xinwen/2018-05/09/content_5289477.htm. Дата обращения: 26.11.2024